

Доман Буржиков

СТРАША
ПОШЕТА
ИСКРА

Полари (сборники)

Роман Суржиков
Стрела, монета, искра

«ИП Головин»

2026

Суржиков Р.

Стрела, монета, искра / Р. Суржиков — «ИП Головин»,
2026 — (Полари (сборники))

Полари – мир фантастического Средневековья. Суровые и жестокие нравы здесь соседствуют с диковинными ростками будущего, мечи и арбалеты – с первыми электростанциями и железными дорогами. Император Адриан ведет государство нелегким путем реформ и прогресса. Могущественные феодалы плетут изощренные интриги, поднимают мятежи в борьбе за власть. Церковь также пользуется огромным влиянием, ведь в мире Полари никто не сомневается в существовании богов. Боги не стоят в стороне: они шлют людям дары – непостижимые Священные Предметы. Писание гласит: в Предметах таится великая сила, способная исцелять болезни, управлять стихиями, разрушать преграды. Секрет этой силы утерян много веков назад...

© Суржиков Р., 2026

© ИП Головин, 2026

Содержание

Монета	5
Стрела	13
Искра	27
Монета	34
Стрела	41
Искра	55
Монета	66
Стрела	75
Монета	94
Искра	104
Стрела	113
Монета	125
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Роман Суржиков

Стрела, монета, искра

Монета

21 марта 1774 года от Сошествия Праматерей

Смолден, герцогство Альмера

Смолден – так зовется городок на самом востоке герцогства Альмера, среди рыжих глинистых холмов, у худосочной речушки Змейки. Вместо крепостной стены город окружен земляным валом с частоколом поверху – скорее для порядка, чем ради защиты. Надвратная башня срублена из бревен – добротная, широкая, приземистая, похожа на хряка, сидящего на заднице. Ворота распахнуты настежь, двое копейщиков точат лясы в тенике, миролюбиво поглядывают на путников. В Смолдене рады приедем, особенно в базарные дни.

От Привратной площади начинается мостовая. Звякая подковами и погромыхая ободами, она ведет в глубь городка, постепенно взбирается на центральный холм. Глинобитные и деревянные домики стоят неплотно, хватает места для дворики и переулков. Сохнет на веревках белье, шествуют вдоль обочины гуси; здесь на приступке у входа сидит серьезный чумазый мальчишка, там – рыжий кот. Люди стекаются в центр, к Рыночной площади, по дороге сбиваясь в кучки, шумно переговариваясь. Ближе к собору и выше по холму дома становятся каменными, вырастают до двух этажей. Над входом одного покачивается медный кувшин, подальше – жестяной крендель, напротив – башмак. Из погребка, заманчиво раскрывшего дубовую дверь, несет кислым духом мерзкого здешнего вина.

Собор в Смолдене огромен, могуч и уродлив. Хармон давно заметил: чем меньше город, тем больше собор. Города, обделенные красотой и славой, не жалеют денег на храм – единственный свой предмет гордости. По мнению Хармона, пустая трата: заезжих дворян не удивишь этим, а святым Праматерям, почившим семнадцать веков назад, наверняка плевать на размер храма. Южный фасад собора стоял в лесах, и недостроенная башня сучковато торчала в небо, зато северная возвышалась над Рыночной площадью величественною громадой. В тени ее помещался целый квартал. Медный диск со Священной Спиралью над порталом был размером с ветряную мельницу, певучие трубы, опоясавшие верхушку башни, сияли под солнцем, как алмазы. Они выводили песнь воскресного утра, и казалось, что над Смолденом торжественно воеет ветер.

Рыночная площадь была полна люда. Вдоль краев площади развернулись лотки и телеги торговцев, стягивая к себе половину толпы, другая половина теснилась в центре, окружив помост и шатер лицедеев. Именно здесь, на Рыночной площади городка Смолдена, Хармон Паула Роджер пришел к решению нанять нового охранника.

Толпа гоготала, посвистывала, выкрикивала. Хармон любил толпу: среди людей ему делалось тепло и весело, а еще – хорошо думалось. Придя поздно, он терся в задних рядах и думал про Доксета – старого солдата, что вот уже пятнадцать лет служил Хармону охранником. Вчера на постоялом дворе Доксет подошел к Хармону и пропел с елеем в голосе:

– Хозяин, время-то пришло... Служу тебе, служу, хозяин... вот и заслужил что-то, а?

Хармон дал ему пару серебряных агаток, и это было ошибкой. Пара агаток – почти богатство, по меркам Доксета. Одну монету старый служака спрятал в сапог, а вот вторую, вторую-то... Это же целая агатка, и притом – вторая, считай, лишняя! Словом, сегодня поутру Доксета нашли спящим на дороге у входа в гостиницу – одолеть три ступени подъема он так и не смог. Снайп, Вихренок, гостиничный слуга, сам Хармон поочередно пытались разбудить

охранника. Хармон преуспел больше других: когда он вылил на голову Доксету ведро воды, тот перевернулся на спину, потер ладонью глаз, приоткрыл его, проблеял: «Хозяи-и-ин...» – и уснул вновь.

И вот теперь Снайп с Вихренком остались стеречь Луизу и товар, который она продавала с телеги у постоянного двора, а Хармон бродил по Рыночной площади один. Пустота за левым плечом, где полагалось бы быть охраннику, веяла неприятным холодком, кошель серебра на боку чувствовался особенно уязвимым.

«Доксет израсходовался, – думал Хармон. – Был, да заржавел. Толку от него – что от треногой клячи. А одного Снайпа для охраны мало, нужен еще. Вихорь с Вихренком – крестьяне, чего с них взять. Бычки неповоротливые, из оружия владеют только оглоблей. Не такой мне нужен».

А нужен был Хармону человек такого сорта, с каким не стыдно войти в замок, в светлицу барона. Нужен был воин – всамделишный, не сгнивший, как Доксет, и не дезертир, как Снайп. Воин в кольчуге, с добрым полуторным мечом на ремне, а то и с луком за плечами. Статный, широкий в плечах, чтобы толпы, вот как эта, сами собой чудесным образом перед ним расступались. Сам Хармон был широк... но безоружен, наделен округлым брюшком, а ростом не выше плеча желаемого воина, так что толпа и не думала расступаться перед ним, и приходилось работать локтями вовсю, дабы пробиться в первые ряды. А зрелище того стоило, судя по возбужденным, радостным или досадливым воплям. Хармон придерживал кошель левой рукой, правым плечом вперед протискивался сквозь людскую массу и думал: «Лучше всего подошел бы рыцарь». Тут же он сам себя и одернул: «Рыцарь? Тебе в охранники? А не размечтался ли, дружище? Может, тебе еще кайра из Первой Зимы подавай? Или благородного барона?» И тут же поспорил с собой: «Ну, а что? Всякие бывают рыцари. Есть и бедные, есть и нищие. Положим, была у рыцаря деревня, да мором выкосило. Или был у рыцаря сеньор – да помер, не оставив потомства. И что же теперь? Пойдет он в стражу наниматься – куда еще!» На это Хармон Паула мог бы себе многое возразить, но зрелище, что открылось в просвете меж людских спин, на время отвлекло от размышлений.

На помосте шли потешные бои.

Скоморохи, устроители зрелища, зазывали людей из толпы:

– Найдутся ли смельчаки в Смолдене?! Кто рискнет выйти на помост и бросить вызов самой судьбе? Кто повергнет противника прямо в самую глубину пучины и заработает своим искусством кружку-другую золотых... медяков?

Скоморохов было трое: невысокий шустряк в пестром шутовском камзоле с бубенцами, улыбочивая рыжая девица в платье и белом передничке, а еще нарочито напыщенный тип в высоченной шапке из древесной коры. Шапка изображала сторожевую башню – видимо, в подражание герцогскому гербу Альмеры. Она съезжала то на глаза, то на затылок скомороху, и тот поправлял ее, бурча под нос заковыристые проклятия. Пестрый же бегал вдоль края помоста, надрывая горло:

– Неужто сей город погряз в мирной жизни? Неужто забыли воины вкус меча и запах жеребца?!

Недостатка в желающих сразиться не было – добрая дюжина человек теснилась у входа на помост. Скоморохи зубоскалили и тянули паузу, чтобы подогреть страсти, а заодно приглядывали пары бойцов позабавнее. Наконец, вывели на помост мальчика лет одиннадцати и толстяка с прорехой на рубахе, в которую светилось брюхо.

– Выберите себе оружие по руке, славные воины!

Оружие оказалось под стать затее: кривое копьё с апельсином на конце, палица из связки соломы, мешок кукурузных огрызков, деревянный меч в патоке... Имелась и броня: пара подушек, связанных веревками, винный бочонок с прорезями для рук, шлем из деревянной миски, шлем из тыквы. Малец выбрал крупную редьку на веревке, привязанной к концу палки на

манер кистеня, и, недолго думая, пошел в атаку. Толстяк едва успел схватить бочонок и отразить удар, однако остался безоружен. Малец теснил его, скакал по помосту, безумно вращая редькой и залихватски посвистывая.

– Какое коварство!.. – орал скоморох. – Бесеньша обуяла жажда крови! Он не дает вооружиться доброму рыцарю бочонка и кружки! Доспехи рыцаря уже трещат под ударами!

Толстяк наконец прорвался сквозь град ударов и схватил со стойки апельсиновое копьё. Он победоносно взревел и взмахнул оружием, надеясь попасть сорванцу по голове, но не тут-то было. Мальчишка присел на корточки, по-лягушачьи прыгнул в сторону и избежал копья, затем – вновь. Когда толстяк замахнулся в третий раз, малец был уже возле его ног и стукнул редькой по голени.

– О-о-о-о!.. – вскричал пестрый скоморох. – Как больно! Бедный рыцарь пал на одно колено!

Толстяк не упал, да и боли, видимо, никакой не чувствовал. Но замешкался, не зная, как быть, и тут мелкий изловчился подпрыгнуть и попасть ему прямо по затылку.

– Победа-а-а! Победа мелкого бесеньша! От страшного удара в голову рыцарь бочонка потерял глаз! Он полетел вон туда, за корсет доброй госпожи! Госпожа, будьте милосердны, верните глаз славному воину!

Зрители хохотали, улюлюкали и бросали на помост медяки. Рыжая девица весьма ловко собрала их в передник, а мужик с башней на голове вручил половину улова мальцу.

– Ну, кто следующим рискнет испытать удачу?! Помните: победители трех боев сойдутся меж собою в судьбоносном решающем поединке!

Хармон Паула увлекся зрелищем. Новые и новые бойцы вопили и кидались друг на друга, скоморохи паясничали, зрители шутили и гоготали. На помосте оказывались разные люди, в том числе и крепкие, сноровистые, явно не чуждые настоящему оружию. Однако зрители охотней приветствовали и щедрей награждали тех, кто выглядел странно и смешно, а держался пусть неумело, зато дерзко. Любимцами толпы стали малец-бесеньш; огромный кузнец, весь заросший черными волосами, будто шерстью; косоглазый паренек, что дрался в шлеме-тыкве, а после победы сорвал его с головы и жадно отгрыз кусок. Однажды на помост взобралась даже женщина – крупная грудастая матрона.

Хармон смеялся вместе со всеми, пару раз швырял на помост медяки, однако наметанным глазом присматривался к бойцам. Конюхи, кузнецы, пьяницы и дети мало интересовали его. Он выискивал тех, кто походил на настоящих воинов. Пусть оружие было шутовским, но стойка бойца и манера двигаться быстро выдавали навык. К тому же эти люди не страдали избытком гордости, раз уж вышли на потешные бои. Неплохое качество – отсутствие гордости.

Вскоре Хармон присмотрел того, кого искал. Парень был молод, но статен; выходил на бой с обнаженным торсом, и мышцы бугрились по груди и спине. У него были длинные каштановые волосы, темные усики и борода. Черты лица правильные, даже красивые; принарядить его – глядишь, сойдет за благородного. Парень трижды выходил на помост и всякий раз выбирал деревянный меч, липкий от патоки. Почуввав сноровку, скоморохи ставили против него людей покрепче, но парень побеждал почти без труда. Он хорошо владел мечом – по крайней мере, хорошо по меркам рыночной площади Смолдена. Противники уходили, почесывая ушибы, все в темных пятнах патоки, а победитель вскидывал «клинок» в салюте. Денег ему бросали немного: зрителям не нравилось, что парень слишком серьезен.

В решающем поединке Кровавый Красавчик (так окрестили его скоморохи) сошелся со Зверем-Кузнецом. Кузнец взял копьё с апельсином в правую руку и булаву из свиного око-рока – в левую, Красавчик вновь вооружился липким мечом. Затем скоморохи завязали обоим глаза. Башнеголовый заявил:

– Истинный герой одолеет противника и вслепую, ибо руку его направляет...

– Нюх?.. – предположил пестрый.

– Боги!

Бой начался. Кузнец ринулся в атаку, размахивая копьём. Он надеялся нащупать противника длинным оружием, а затем огреть окороком. Красавчик держал меч наготове и пару раз умудрился парировать удар копья, но не развивал успех, а только кружил по помосту. Он явно робел, не зная, как вслепую подойти к противнику. Окрыленный успехом, кузнец ревел все громче, орудовал копьём все яростней и в конце концов сбил шапку с башнеголового. Кора разлетелась на кусочки, скоморох взревел:

– Будь проклят черенок лопаты, вырывшей гнилую яму для твоего паскудного зерна, никчемное дерево!

Кузнец повернулся на голос, а Красавчик атаковал. Меч свистнул у самой груди кузнеца, и тот, ощутив движение воздуха, взмахнул одновременно копьём и окороком. Но Красавчик отбил копьё, уклонился от окорока и треснул деревяшкой по руке кузнеца.

– Северный Зверь лишился лапы! Его грозная булава упала наземь! Истекая кровью, он все же...

Кузнец и вправду выронил окорок, но правой рукой перебросил копьё назад, перехватил поближе к острию и, когда Красавчик замахнулся для нового удара, сделал мощный выпад. Апельсин пришелся прямо в голую грудь парня и брызнул соком во все стороны. Красавчик отлетел и шлепнулся на задницу. Толпа взорвалась хохотом. Скоморохи сняли с бойцов повязки и присудили победу кузнецу. Монеты щедрыми брызгами посыпались на помост.

Когда парень сходил по ступеням, Хармон перехватил его взгляд. Злость, досада, обида. Обиды – больше всего. Как раз то, что надо.

Хармон пробился к нему и взял за плечо.

– Как тебя звать?

– Тебе-то что?.. – буркнул Красавчик.

– Есть работенка для парня с мечом. У тебя ведь имеется меч?

– Имеется.

– Гостиница «Желтая гусыня», время вечерней песни. Захочешь – приходи.

С тем Хармон Паула и оставил его.

Вторую половину дня Хармон провел у лотков местных торговцев. Разглядывал товар, находил изъяны, нещадно сбивал цену, заговаривал зубы купцу, уходил к соседям, возвращался. «Так до чего мы договорились, добрый хозяин? Восемь монет за кувшин? Десять?.. Отчего же мне так хорошо запомнилось – восемь?» Он приобретал стекло и бронзу, посуду и мелкую утварь – то, чего в Альмере испокон водилось в избытке. Он выбирал предметы поизящней и покрасивее, редкие, необычные, чем-то притягивающие взгляд. Примечал их сразу, с первого взгляда на лоток, но для виду начинал осмотр совсем с других товаров, даже торговался за них. Затем невзначай переключался на то, что изначально его интересовало: «А это что за штука? Зеркальце? Взять, что ль, и его – жену порадовать... да мелкогато, в этокое ее мордашка-то и не уместится...» Хармон прекрасно знал, что зеркала большего размера всегда выходят плохого качества – изламывают, раздувают или сжимают отражения. В этом же, крохотном, все виделось ясным и четким, как дно горного ручья. «Не-э-эт, хозяин, ты не говори мне – хороший товар, ты скажи – дешевый. Жена меня что спросит, как домой вернусь? Сколько монет привез – вот что она спросит!»

По правде, сейчас товар не очень-то интересовал Хармона. Он делал свое дело как следует, но предвкушал изюминку нынешнего дня – покупку человека. «Хороший торговец покупает людей и продает себя» – сегодня эта поговорка имела прямой смысл.

Хармон Паула Роджер вернулся в гостиницу незадолго до вечерней песни. Оставил улов, взял у Луизы дневную выручку и расположился в гостиничной харчевне. К его удовольствию, за одним из столов обретались двое в куртках городской стражи, недавно сменившиеся с

дежурства, если судить по вальяжным позам и туповатым сытым ухмылкам. Хармон подсел к ним, угостил обоих элем и повел неторопливую беседу.

Стражники любили благодарных слушателей. А кто же не любит?

– В Альмере? Как дела-то?.. Да как всегда: люди трудятся в поте лица, знать богатеет, – рассказывал первый стражник, розовощекий и мордатый. – Все своим порядком идет – у нас в Альмере всегда так, по порядку.

– Ну уж не всегда, – вставил второй. – В соборе вот маляр полстены расписал, а потом деньги взял, работу бросил да и сбежал. Ищи теперь пташку в небе.

– Да что ты! – поразился Хармон.

– Это еще ладно, – перехватил нить первый стражник, – а вот на южной-то башне строитель с лесов упал! С самого верху. Прямо внутрь собора!

– Наружу, – поправил второй.

– Внутрь. Если бы наружу упал, полгорода бы сбежалось, и все бы знали.

– А если внутрь, то вышел бы дурной знак, и собор бы закрыли.

Мало-помалу переключились на дела имперские. Восток Альмеры прилегал к Землям Короны – они начинались в паре миль за рекой. На этом основании стражники считали себя знатоками имперской жизни.

– А слышал ты, что наш владыка Адриан нынешним летом намерен жениться?

– Слышал, – ляпнул Хармон, и стражник тут же помрачнел. Зато второй вклинился:

– Но это еще, знаешь ли, не наверно. Летом, как будут игры, Адриан станет выбирать себе невесту. Но ведь еще не точно, что выберет. А ну как не выберет?

– Как это не выберет? Ты думай, что говоришь! Он же владыка! Решил выбрать – значит, выберет.

– И кого же он выберет, может, ты и это знаешь, умник?

– Кого-кого... Мало ли кого выбрать можно. Девиц там в столице – их же видимо-невидимо, притом все благородные. Вот хоть бы Бекку Наездницу...

– Лошадницу из Литленда? – Стражник едко заржал, весьма по-лошадиному. – Скажи еще – медвежью жену с севера!

К слову о медведице, Хармон рассказал про потешные бои. Стражники загоготали. Как раз тогда в харчевню вошел Красавчик. Сейчас он еще больше соответствовал прозвищу: поблескивали металлические бляшки, которыми был усилен нагрудник из вываренной кожи, меч и кинжал вложены в расшитые узором ножны, на голове был стальной полушлем, на лице – надменная ухмылочка. С плеч спадал зеленый плащ и несколько портил собою картину, поскольку зеленым он был, пожалуй, с год назад, а с тех пор выгорел, вылинял и сделался серо-салатовым с желтизной.

Хармон махнул ему – мол, сядь вон там и подожди. Городские стражники обратили внимание на Красавчика:

– Это еще что за птица? Хармон, знаешь его?

– Он пришел наниматься ко мне в охрану, – невинно сообщил Хармон и тут же получил с дюжину советов.

– Не бери его, – посоветовал краснолицый стражник. – Видишь – щеголь какой, и морду воротит, будто благородный. Станет тебе привередничать: еду получше, вино послаще, постель потеплее, да оплату побольше, и все равно недоволен. Знаем таких.

– Бери, – посоветовал другой. – Шлем и бляшки на броне, видишь, хорошо начищены – значит, не ленив. Высокий, здоровый, а сила многое решает. Мечом владеет, меч – хорошая штука.

– Дело твое, Хармон, – проскрипел первый. – Но если решишь брать, то обязательно вели сперва двадцать ведер воды принести, потом – яму вырыть, потом – телегу распрячь. Вот

коли сделает все не пикнув – значит, можно брать. А станет нос воротить – значит, щенок благородный, с таким хлопот не оберешься.

– И меч его проверь, – посоветовал второй. – Спроси, где кован – в замке или в деревне, спроси, закалка двойная или тройная. А то меч плохой будет – сломается в первой драке, а новый по монетке-то ударит.

Дальше стражники перечислили недостатки экипировки Красавчика, потом перекинулись на его коня, которого не видали, но легко вообразили, и принялись обсуждать плоды воображения. Парень в линялом плаще сидел за своим столом в другом конце зала, цедил какое-то пойло и хмуро поглядывал на них, все больше теряя терпение. Наконец стражники сошлись на мнении, что хороший конь для воина – это кобыла, не крупная и не мелкая, а холкой этак под шею всаднику, поджарая, с развитой грудью и непременно гнедая. Хармон распрошался с ними и пересел за стол Красавчика.

Первым делом он окинул взглядом наручи парня. На плаще Хармон не заметил никакого герба, на наручах – тоже. Затем посмотрел в лицо Красавчику, прочел на нем нетерпение и раздражительность, однако и не подумал просить прощения.

– Меня зовут Хармон Паула Роджер, – сказал торговец и умолк.

– Я – Джоакин Ив Ханна, – ответил воин.

Ханна? Имя бабки, а не отца? Чадо благородных?.. Но выяснять это сразу Хармон не стал, а с полной серьезностью произнес:

– Ты хорошо дрался сегодня.

– Да ну... – отмахнулся Джоакин.

– Потешный бой, шутовское оружие. Понятно, что все это – насмешка над воинским делом. Но ведь умение-то и с деревянным мечом заметно.

На лице Джоакина отразилась несуразная смесь смущения, самодовольства и стыда.

– Ну, да... – выдавил парень и порозовел.

– Я заметил тебя утром и подумал: а этот парень знает толк в сражениях. В нынешнее-то время, да еще в Альмере, нечасто такого встретишь.

«Сражением» утреннюю возню на помосте назвать было сложно, скорей уж мордобоем или потасовкой. Но Хармон знал, что именно слово «сражение» придется парню по сердцу. И верно, тот зарделся пуще прежнего.

– И, как я понял, ты путешествуешь. Скитаешься по миру, ищешь приключений – верно?

– Это как ты понял? – переспросил Джоакин.

Вообще-то Хармон заметил это по выдавшему виду плащу воина – не одну сотню миль надо проехать, чтобы привести плащ к подобной плачевной старости. Однако вслух сказал:

– Альмера – земля мещан, ремесленников, а у тебя лицо воина. Ты прибыл из краев посувей, чем здешний. Может, с Запада?

Хармон не сомневался, что Джоакин родом из Южного Пути, – это слышалось по выговору. Любопытно было, соврет ли он на сей счет.

– Я с Печального Холма, что в Южном Пути, – честно ответил Джоакин.

– И ты – сын дворянина?

– Сын рыцаря, – уточнил Джоакин.

– Но сам – не рыцарь?

Джоакин помотал головой.

– И отчего же так вышло? Сын рыцаря, хорошо владеющий мечом, не служит своему сюзеру, не становится защитником родной земли, а пускается в странствия?

Парень хмуро вздохнул.

– Наша деревня – однощитная. Мой отец – рыцарь. Он передал свой щит первому сыну – моему старшему брату. Второй сын – средний брат – служит старшему оруженосцем. Я – младший брат.

Хармон невольно усмехнулся и тут же исправился, добавил в усмешку печали и сочувствия. Чего-то подобного он и ожидал. Извечная беда мелкой знати: крохотные феодалы, отпущенные ей, способны содержать одного тяжелого всадника, в лучшем случае – двоих. Лишним сыновьям остается скудный выбор: торговать мечом или ходить за плугом.

– Кому ты уже служил?

– Барону Бройфилду на севере Альмеры.

– Почему ушел от него?

– Мы... разошлись в вопросах чести.

«Барон тебя выгнал, – решил Хармон. – Еще и не заплатил. Интересно знать, почему?...»

– А кроме Бройфилда?

– Прежде я был в войске графа Рантигара, мы бились за Мельничные земли.

Хармон присвистнул. Вот этого он не ожидал!

– То есть ты побывал на большой войне?

Джоаким кивнул со сдержанной важностью. Да уж. Насколько знал Хармон по рассказам, прошлогодняя Война за Мельницы была суровой резней. Графу Рантигару достало ловкости и полководческого таланта, чтобы склепать из разномастных западных рыцарей, ополченцев и наемников довольно крепкое войско в двенадцать тысяч мечей. С ним он перешел Гулкий брод и вторгся на спорные Мельничьи земли. Бароны-Мельники не сразу сумели объединиться, и Рантигар захватил один за другим четыре замка, а затем выиграл трудную битву в полях, развевая баронские отряды. Однако Мельники оборонялись отчаянно и упорно, огрызались из-за крепостных стен, налетали с полей легкой конницей. Войско Рантигара наступало, но таяло. В конце концов дело решило вмешательство...

– Насколько я помню, – сказал Хармон, – вы потерпели поражение.

– Против нас выставили кайров. Первая Зима прислала Мельникам свой батальон, – холодно пояснил Джоаким. – Мы тоже просили помощи Первой Зимы, как и Мельники. Но герцог помог им, а не нам.

И правильно сделал, по мнению Хармона. Если отбросить вычурные дворянские словечки, то, чем занимался Рантигар, называлось бы резней и грабежом. Однако участие в этой бойне делало честь Джоакину как воину, в особенности – тот факт, что он вышел из нее целым.

– Ну что же, приятель, расскажу-ка я теперь о себе.

И рассказал.

Хармон Паула Роджер – торговец. Без малого двадцать лет он колесит по востоку империи, покупает то, что есть в избытке, везет и продает там, где этого не хватает. Шелк, бархат, сушеные фрукты – в Альмеру, стеклянную и бронзовую утварь – в Южный Путь, серебро и копченые колбасы – в Земли Короны. Ему принадлежат девять лошадей, два фургона и открытая телега. Служат Хармону шесть человек. Нередко он торгует на городских площадях, откинув задний борт фургона. Если предложат хорошую цену, сбывает весь товар скопом кому-то из местных торговцев. Но главный доход приносят Хармону благородные. При этих словах Джоаким оживился, и Хармон подмигнул ему. Да-да, благородные. Только не те дворяне, что разъезжают по городам блистающими процессиями с гербами на пополах; не те, что пляшут на столичных балах и похваляются на играх и турнирах; не те, что собирают войска и рубятся друг с другом за ценные земли. Нет, иные. Есть в империи немало дворян, сторонящихся шумной светской жизни. Кто стар, кто устал, кто нелюдим, а кто слишком умен для всей этой кутерьмы. Они живут в своих замках и поместьях, редко выезжая даже в ближайший город. Вот к ним-то и наведывается в гости Хармон Паула Роджер и предлагает товар – купленный за много миль, отлично подобранный под вкус хозяина и хозяйки.

– И много у тебя... м-м-м... покупателей?

– Пара дюжин зажиточных рыцарей, несколько баронов в Альмере, несколько – в Южном Пути.

– Тебя принимают в их замках?

– И за их столом. – У Джоакина загорелись глаза, и Хармон не сдержался: – И в постелях их жен.

Парня перекосило. От возмущения или от зависти – этого Хармон не разобрал. Торговец сжалился над ним:

– Учись понимать шутки – пригодится в жизни.

Джоакин сдержанно улыбнулся и только теперь спросил:

– Сколько ты платишь?

Важная штука – вопрос о цене. Задать его в нужный момент – немалое мастерство. Кто мнит себя ловким дельцом, поспешит с вопросом и этим лишь выдаст свое нетерпение и заинтересованность. А неопытный простофиля, напротив, затянет дело и заговорит о цене лишь тогда, когда крючок с наживкой уже глубоко войдет в его глотку. Джоакин затянул с вопросом.

Хармон назвал сумму. Она была много выше той, что получает старина Доксет, и чуть побольше той, которую имеет Снайп. Однако вдвое меньше денег, что платят наемному мечу в походе, и может стать, даже меньше жалованья смолденского городского стражника. Очень даже может стать.

Джоакин скривился, как от кислого вина.

– Ну, приятель, мы же не на войне, – примирительным тоном сказал Хармон. – Ты будешь спать в фургоне или в гостиницах, есть будешь досыта, а Луиза, к слову сказать, недурно стряпает. Жизнь твоя не окажется в опасности, в шкуре не появятся новых дырок, кроме тех, которые предусмотрели боги. А наибольшие подвиги, что от тебя ожидаются, – поколотить нахального бродягу или отсечь пару пальцев карманнику.

– Но ты – торговец...

«Ах, вот оно что! Для тебя, стало быть, слишком мало чести – служить мне. На это намекаешь?»

– А ты – наемник, – ровно произнес Хармон, исподлобья глядя в глаза Джоакину. – При этом нищий наемник.

Джоакин вскинулся.

– Я не наемник!..

– Ну, а кто? – так же ровно отрезал Хармон. – Ты не рыцарь, не оруженосец, не ополченец, у тебя нет сеньора, и ты продаешь свой меч за деньги. Продаешь даже скоморохам. Как же тебя назвать, приятель?

Джоакин смешался и отвел взгляд. Хармон встал.

– Значит, вот как сделаем. Я пойду спать. Завтра с утра мы трогаемся в путь. Хочешь служить мне – приходи. Не хочешь – уедем без тебя. Да, и вот что. До утра научись говорить мне «вы». А слово «хозяин» мне нравится еще больше.

Хармон Паула Роджер не сомневался, что молодой воин придет утром к постоялому двору. И он пришел, а верней, приехал. Под ним была поджарая гнедая кобыла.

Стрела

*22 марта 1774 г. от Сошествия
Первая Зима, герцогство Ориджин*

Карета скрипнула рессорами, сойдя с верхней точки перевала, – словно вздохнула с облегчением. Эрвин очнулся от дремоты и глянул в окно. Дорога плавно уходила вниз, змеясь по склону, и справа возносились к облакам хмурые утесы, а слева... Долина на миг ослепила Эрвина. Она была изумрудным пятном, манящей теплотой среди скал, весенним цветком, пробившимся сквозь снег. Домики крестьян под соломенными крышами – аккуратные, крохотные при взгляде с птичьего полета – казались золотистыми кусочками свежего хлеба. Между ними то там, то тут рассыпана сахарная пудра. Невозможно рассмотреть крупинцы с расстояния в добрый десяток миль, но Эрвин знал, что это – отары овец. А у восточного края долины лежал подлинный алмаз – голубое озеро. Город прирастал к нему, втискивался в уютный просвет между водой и скалами, а герцогский замок врезался в озеро, черным клыком засел в его синеве. Если по правде, то нужно признать: родная долина весьма красива. Блистательна той особой красотой, какой бывают наделены лишь женщины и песни, крайне редко – строения и места.

– Ничто прекрасное не должно пахнуть нищетой, – сказал Эрвин и подмигнул городу, лежащему внизу. – Можешь не поверить, но терпеть осталось недолго. Я принес тебе спасение.

Карета начала спуск, набирая ход.

Чертовски странно – возвращаться домой с чувством предвкушения. Эрвин хорошо знал, чем встретит его родная земля. Древний город, полный солдат и нищих; фамильный замок, напряженный и хмурый, как воин на часах; отцовские вассалы с каменными масками вместо лиц; сам отец, обладающий дивной способностью вложить угрозу в любое слово или движение, даже в молчание. И сестра – редкий проблеск света. Через неделю Иона выйдет замуж. Ее супругом станет граф Виттор Шейланд – правитель судоходной реки Торрей и узкой полоски прибрежной земли. Отец Виттора был банкиром, дед – купцом. Ни славой, ни могуществом, ни древностью рода он – не чета Ионе. До такой степени не ровня, что свадебные торжества будут выглядеть дурной комедией. И несмотря на все это, Эрвин чувствовал предвкушение.

Я сделаю кое-что. Я принесу перемену. Таков будет мой свадебный подарок, дорогая Иона! Десять поколений великих предков – славных военачальников и доблестных рыцарей – не смогли побороть единственного противника: бедность. А я смогу! Забавно, правда? Я – не рыцарь, не полководец, я – белая ворона. Однако тем, кто вернет славу Первой Зиме, буду именно я. Ты оценишь иронию, любимая сестричка.

Окончив спуск, карета прошла несколько миль петляющей пыльной дорогой и вкатилась в город. Он почти не изменился: те же аккуратные узкие дома в три окна, сжатые в плотную линию; остроконечные башни храмов и хмурые приземистые казармы; торговые ряды, покрытые красной черепицей; арочный акведук, протянувшийся с гор, и очереди у водяных труб; гранитные всадники на площади Славы и чумной монумент на площади Милосердия... Эрвин придирчиво разглядывал улицы Первой Зимы, высматривая признаки бедности, – и, к своему удовольствию, находил их в достатке. Поврежденные мостовые, истерзанные щелями; обвалившаяся штукатурка на фасадах; толпы попрошайек на папертях, унылая тишина у торговых рядов. Прекрасно!

А вот и собор Светлой Агаты – величавая громада, увенчанная сотней шпилей и охраняемая полчищами химер. Их – этих каменных чудовищ всевозможных размеров и мастей – здесь имеется триста тридцать шесть (если считать и двух забавных крылатых поросят, притаившихся под водостоками южной башни). Но странно: западный придел собора стоял в лесах,

а вдоль его фундамента пролегла глубокая траншея, в которой возились люди с лопатами. Что происходит? Треснул фундамент, проседает стена? Храм требует срочного ремонта? То, что нужно! Милость богов – не иначе! Отец ревностно относится к собору Агаты. Он может смотреть сквозь пальцы на обнищание горожан, но для ремонта храма станет искать средства любой ценой. А значит, он будет сговорчивее!

– Благодарю тебя, святая Праматерь! – Эрвин с улыбкой поклонился скульптуре Светлой Агаты над фасадом собора. – Трещина в фундаменте – отличная задумка! Я всегда знал, что могу на тебя положиться.

Приметив кареты с гербами дома Ориджин, строители принялись выкрикивать приветствия. Горожане на площади вторили им:

– Милорд Эрвин!

– С возвращением, милорд!

– Слава Ориджинам! Слава Ориджинам!

Мать бросила бы им пригоршню серебра. Иона помахала бы тонкой рукой и улыбнулась с таким трогательным румянцем, что впору всплакнуть от умиления. Отец... отцу было бы плевать, кричат ли ему что-то. Эрвин София Джессика рода Агаты, наследный герцог Ориджин, так и не научился отвечать на приветствия черни – в них ему неизменно слышалась насмешка. Он задернул шторку на окне кареты.

Экипаж пересек мост и остановился за первой, низкой стеной замка, во внешнем дворе. Эрвин раскрыл дверь и нетвердыми с долгой дороги ногами ступил на родную землю. На родной булыжник, если быть точным, – тщательно вымытый, но все же отдающий конским навозом, забившимся в щели.

Как назло, двор был полон людей, и появление лорда не осталось незамеченным. Его миглом окружили, осыпали приветствиями. Слуги схватили кладь, поволокли; кто-то желал Эрвину здравия, кто-то кланялся, кто-то салютовал; служанки поодаль откровенно тарачились, перешептываясь; верховые кайры в красно-черном, эскортировавшие его, замерли над толпой. Конные статуи отцовского могущества. И – мой инструмент. Мой прекрасный, решающий довод! Эрвин махнул рукой всаднику:

– Кайр, я желаю увидеть отца, и поскорее. Доложите обо мне!

– Слушаюсь, милорд.

Воин исчез. Кто-то сунул в руку Эрвину кубок орджа – горького пойла, разящего шишками. Он влил в себя весь кубок одним залпом, надеясь быстрее отделаться, скривился, с трудом выдохнул.

– Слава молодому герцогу!

– Долгих лет семье Ориджин! Долгих лет Первой Зиме!

Эрвин стоял среди толпы, как болван, хрипя обожженной глоткой. И что же, мне торчать здесь, с челядью, пока отец не соизволит принять? Почему никто из семьи меня не встречает?!

Едва он успел подумать об этом, как увидел Иону. Сестра... Хрупкая фигурка из белого фарфора, очень подвижные, тревожные губы, темные-темные глаза, чуть рассеянные, словно подернутые дымкой... И пестрые перья попугаев, вплетенные в смоляные волосы, и кружево снежной шали – ореол радужных искр вокруг лица.

– Я счастлив видеть вас, леди Иона София. – Эрвин поцеловал ей руку с лукавой улыбкой. Глаза сестры шаловливо сверкнули.

– И я несказанно рада вам, лорд Эрвин София, – церемонно поклонилась она ему. – Встаньте же и будьте моим добрым гостем. Разделите со мной радость, вино и хлеб.

И потянула его за руку в глубь двора, ко входу в теплицу. Едва дверь закрылась за ними, Иона обняла его. Эрвин ощутил, что она дрожит.

– Тебе холодно?

– Мне всегда холодно... Почти, – шепнула она и провела ладонями по его щекам. Пальцы были горячими.

– Как я справляюсь? – спросила Иона, разомкнув объятия. – Я о приветствии. Неплохо выходит, правда? Мне предстоит встретить пять сотен гостей... или тысячу... а может, весь Север. Иногда кажется, что я буду первую неделю заниматься лишь приветствиями, а вторую – лишь прощаниями.

– Ты прекрасна, – сказал Эрвин, покачав головой, – но приветствие... м-м-м...

Отступил на шаг, задрал подбородок, глядя чуть в сторону, протянул руку.

– Милорд... я рада... будьте моим гостем. Говори через силу, будто нехотя. Понимаешь? Поменьше душевности, совсем мало. А то еще решат, что ты и вправду им рада.

Тревожные губы сестры искривились наподобие улыбки, верхняя чуть поджалась, едва-едва обнажив зубы.

– Милорд, будьте моим гостем и разделите мой хлеб. Свою душевность оставлю при себе, если вам угодно.

– Да, много лучше, – согласился Эрвин. – Ты – принцесса Севера. Все эти гости недостойны тебя – ни по отдельности, ни вместе взятые.

– И жених?

– Он – в первую очередь. Жених – предводитель тех, кто тебя достоин. В его руках знамя.

Иона улыбнулась:

– Не могу понять, ты маскируешь ревность заботой или высокомерием? В любом случае, у тебя скверно выходит, ты это знаешь?

– М-м-м...

Когда не находишься с ответом, задай встречный вопрос.

– Как твое здоровье?

Иона сорвала цветок азалии, понюхала, помахала перед носом у брата.

– Это – неважный вопрос.

– Тогда такой: чего нового в Первой Зиме?

– И это не имеет значения.

– Кто будет среди гостей?

– Нет, нет, ужас! Спроси о том, что действительно хочешь узнать!

– И что же я хочу узнать?

– Ты хочешь спросить, счастлива ли я невестой. И боишься в одночасье и того, что я несчастна, и того, что слишком счастлива. Твое сердце замирает от волнения при мысли, что муж мой окажется бесчувственным камнем и в Шейланде я выплачу все глаза от тоски по тебе и матери, а дальше провалюсь в нескончаемую череду беременностей и истеку кровью, выдавив на свет очередное графское чадо. Но потом ты воображаешь, что я без памяти влюблена в графа Виттора и забуду вас, едва ступив на корабль. Ты представляешь, как после двух или трех лет моего молчания приедешь в Шейланд под скверным политическим предлогом, и я выйду к тебе в фамильных цветах мужа, без малейшего намека на перья в волосах, и протяну руку, глядя вот так, чуть в сторону: милорд... войдите, будьте нашим гостем. Да, именно – нашим. И тогда ты...

Эрвин схватил ее за плечи и как следует встряхнул.

– Да будь ты проклята, сестрица! Ответ уже наконец!

Оба рассмеялись, утихли, и на губах Ионы осталась мягкая улыбка.

– Отвечу. Я счастлива. Счастлива, что уеду отсюда. Никогда не была в Шейланде и не знаю, что там, как. Знаю одно: там будет иначе. Возможно, не будет холодно. Наверное, не будет скал и лугов, а будет лес и большая река с кораблями. Может статься, будут дожди и грязь, может, мои платья будут всегда серыми и мокрыми, как дворовый пес. Но, может, там

мне и не захочется вплетать перья. Возможно, вокруг окажутся люди с живыми лицами, станут смеяться или плакать, или кричать от гнева и топтать ногами от обиды... но не выхватывать мечи и рубить обидчика на куски, при этом ни на миг не меняясь в лице. Там все будет иначе, Эрвин, и я счастлива.

– Но?..

– А есть «но»?

– Есть. Ты говоришь все это ради «но», которое пойдет следом.

– Но. – Иона взяла его за руку. – Я не уверена, что люблю графа. Я счастлива, но едва ли люблю его. Он – забавное создание, к которому смогу привыкнуть.

Эрвин взял у нее цветок и приложил к губам сестры.

– Все изменится, очень скоро. И самое удивительное – все изменится к лучшему!

Иона округлила глаза:

– Ведь ты говоришь не о свадьбе?

– О, нет! Я о тех переменах, что привез с собой. Дайте мне поговорить с отцом – и я переверну мир.

– Что ты хочешь сделать?

– Найти нашего с тобою родителя и убедить его сказать одно-единственное слово: да!

– Так мало?..

– Все остальное уже сделано, сестрица! Нужен только последний шаг.

Он вышел из теплицы, увлекая Иону за собой.

Замок был полон гомона и движения. Завтра придут первые гости, а сегодня столица Ориджинов наряжалась, чистила перья, готовила угощения и забавы. Крестьянские телеги одна за другой вкатывались на подворье, и слуги окружали их, бойко расхватывали груз, волокли в погреба сыры, колбасы, солонину, мешки муки; катили бочонки вина и орджа; уносили в залы огромные связки разнотравья. Служанки, звонко перекрикиваясь, развешивали по балконам башен, галереям крепостных стен ленты и цветы. Мальчишки вели в конюшню нескольких жеребцов, а те артачились и всхрапывали, возбужденные людской кутерьмой. Городские купцы толпились у ворот кладовой, спорили о чем-то с кладовщиками; носильщики сгружали с телег короба с товаром, складывали угловатой кучей на краю подворья. В небо взметнулась пробная шутиха и гулко бахнула, каменные стены отбросили эхо.

Завидев Эрвина, большинство кланялись или салютовали, с улыбкой приветствовали:

– Слава Первой Зиме! Здоровья молодым лорду и леди!

– Они действительно так рады мне, – спросил Эрвин скептически, – или сказывается веянье грядущего праздника?

– Даже не сомневайся, рады. Не отнекивайся, – улыбнулась Иона.

Пожалуй, в этом была доля правды. Замковая челядь и низкородные горожане любили герцогских детей сильнее, чем самого герцога с его вассалами. Они видели в молодых Ориджи-нах больше человечности. Хотя, по меркам Первой Зимы, это могло бы сойти за оскорбление.

У дверей малой трапезной, как и у входов в башни, стояла пара часовых. Черные плащи, черные шлемы и алые камзолы поверх кольчуг, на груди каждого – фамильная летучая мышь Ориджинов со стрелой в когтях. Часовые молчали; с приближением Эрвина они положили ладони на рукояти мечей – в знак бдительности. Когда-то Эрвин спросил отца, зачем в замке столько стражи, если уже полвека герцоги не знали вассальных мятежей. «Это нужно не для нас, а для самих воинов, – ответил отец. – Необходимо умение, чтобы нести вахту».

– Я ищу лорда Десмонда, – обратился Эрвин к воинам. – Не здесь ли он случайно?

– Не знаем о его светлости, милорд. Здесь, в трапезной, ваша матушка, милорд.

Вот незадача! Эрвин жаждал увидеть отца. Полгода расчетов, хитроумных переговоров, иносказательных бесед, обещаний, угроз – всего того, из чего плетется ткань политики. Затем – месяц дороги в размышлениях и ожидании нынешней встречи. Один-единственный разговор

с отцом, одно-единственное «да» должно увенчать все старания! И Эрвину не терпелось его услышать.

Однако, если сейчас уйти, мать будет оскорблена, что сын не захотел повидаться с нею. Что ж... Эрвин раскрыл дверь малой трапезной.

Герцогиня София Джессика Августа являла собою суть и смысл светской жизни Первой Зимы. Не будь ее – замок жил бы лишь турнирами и воинскими посвящениями. Она же приносила в Первую Зиму душу.

Леди София поощряла музыку и живопись, устраивала певческие состязания, открывала театры. По-детски радовалась каждому найденному ею таланту, столь же бурно разочаровывалась. Неизменно приходила к выводу, что люди пусты, поверхностны, грубы и недостойны ее стараний, однако не оставляла своей деятельности. Заботясь о душах горожан, она изматывала епископа и святых отцов требованиями прочесть проповедь на ту или иную тему, вступала в теологические споры, обвиняла в безразличии и глупости. Затем, добившись желаемого, жертвовала церкви огромные суммы и следила, чтобы деньги были истрачены исключительно на фрески и скульптуры.

Не меньше пятисот золотых эфесов в год герцогиня раздавала полудюжине госпиталей, ею же учрежденных. При этом она почитала медицину грязным, омерзительным ремеслом, брезговала появляться в палатах и никогда не интересовалась, на что расходуются ее пятьсот эфесов. Эрвин подозревал, что добрая половина этой суммы оседает в карманах госпитальных управителей.

– Мой милый Эрвин!.. – Всплеснув ладонями, герцогиня вышла навстречу сыну и стремительно поцеловала в обе щеки. – Как ты добрался? Дорога развлекла тебя или утомила?

Не дав ему времени ответить, мать сама же продолжила:

– Южный Путь так мучительно безвкусен, так пуст... Люди мельтешат на станциях, кричат, торгуют, желают чего-то. Я истошаюсь, находясь среди них. Хочется ночевать в поле, а в городах вовсе не открывать дверей экипажа. Лишь горы приносят успокоение...

Эрвин попытался заверить леди Софию, что доехал хорошо, сохранив душевное и телесное здоровье. Герцогиня положила ладонь сыну на плечо, давая понять, что слышит его, а сама обернулась в сторону слуг на приставных лестницах, развертывающих по стене яркое полотнище.

– Нет же, нет! О, боги! Что вы делаете? Это «Сошествие Праматери Янмэй», в нем столько празднества! Ему следует висеть вон там, против южных окон, и оно заискрится. Сюда поместите нечто помягче, что-нибудь тенистое...

– «Агата в гроте косули»? – предложила Иона.

– Да, да, словно с губ сняла!

Эрвин огляделся. Три гобелена уже нашли свое место на стенах, еще несколько полотнищ слуги с величайшей осторожностью переносили по залу. Люстры свисали с потолочных стропил так, чтобы выгодно освещать те или иные фрагменты полотен. В воздухе висела щиплющая мелодия, навевающая то ли мечтательность, то ли зеленую тоску.

– Миледи, гобелены?.. – удивился Эрвин.

– Да, дорогой! Ты тоже чувствуешь, как они хороши здесь? В замковой часовне для них было слишком мрачно.

– Но это же малая трапезная, она – для слуг!

– Только не во время свадьбы, мой милый. Челядь разместится во дворе, под открытым небом. Здесь будет музыкальный салон. – И громче, слугам: – Свечи выше – те, что возле Праотцов! Праотцы пасмурны, как им и подобает, а пятно света на лицах все испортит.

Музыкальный салон?.. Эрвин поднял брови. В замке Первой Зимы – этом угрюмом бастионе? Что ж, возможно, и неплохая идея. Это развлечет первородных гостей и смягчит суровость замка, а графиня Сибил Нортвуд позеленеет от зависти, что само по себе забавно. Но

вот мастерство музыкантов оставляло желать лучшего. Клавесин, арфа и свирели мучительно старались попасть в унисон, но никак не справлялись с трудной задачей. Одна из свирелей уносила галопом вперед, словно конница авангарда, клавесин рысил следом, арфа погружалась в отрешенное самосозерцание. Именно она и придавала оттенок тоски. Судя по одежде, свирели были из группы бродячих артистов, а клавесинист и арфистка – горожане Первой Зимы.

– Крестьянское ополчение идет в бой, – прокомментировал Эрвин. – Чудеса выучки и дисциплины.

– Не рань мое сердце еще глубже, жестокий отпрыск, – вздохнула герцогиня. – Они довольно неплохи каждый в отдельности, хотя вместе еще не сыгрались. Но я поработаю с ними вечером, ночью и завтра также.

Масштаб подготовки неприятно поразил Эрвина. Эта свадьба – жест отчаяния! Праздновать ее так бурно – все равно что выставлять напоказ собственный позор!

Да, возможно, Иона радуется отъезду из Первой Зимы – сам Эрвин тоже радовался, отправляясь в столицу. Да, может быть, со временем, сестра полюбит мужа. Но то и другое не имеет значения. Виттор Шейланд не высокороден и чертовски богат. Любой, у кого имеется в голове хоть унция мозгов, сделает из этого очевидные выводы. Великий Дом Ориджин проиграл очередную схватку с нищетой и выплачивает дань победителю.

Эрвину захотелось крикнуть во весь голос: «Остановитесь! Снимите проклятые гобелены, прекратите репетицию! Отмените этот праздник унижения!» Но – рано. Требуется отцовское «да», а до тех пор Эрвин не в силах повлиять на что-либо.

– Мама, расскажи мне, – учтиво спросил молодой лорд, – как ты живешь? Что на душе? Взгляд леди Софии уплыл к небу.

– Весна ли, свадьба ли... Я ощущаю проблеск теплого света, словно иду навстречу восходящему солнцу. Хочется, неймется передать это – тебе, Ионе, отцу, всему миру. Света может быть так много, его на всех хватило бы! Я жажду, чтобы все его почувствовали, и не могу найти способ. Все так тщетно...

Эрвин украдкой переглянулся с сестрой.

Два года назад нечто сместилось в душе герцогини. Рихард Ориджин – краса и гордость северного рыцарства, старший сын леди Софии – отплыл каравеллой из Беломорья, направляясь на юго-запад, в Закатный Берег. Экспедиция не была военной, молодой лорд Рихард по поручению отца должен был провести несложные переговоры с западниками, потому взял всего один корабль эскорта. Обе каравеллы исчезли без следа – не пришли в Закатный Берег и не вернулись в северные воды.

С тех пор герцогиня София Джессика вела с богами непрерывный мысленный, лишь ей одной понятный диалог. Она словно верила, что существует какой-то, хоть сколько-нибудь значимый ответ...

Леди София продолжала с упоением в голосе:

– Святые отцы ничего не знают, я давно убедилась в этом. Их слова – эхо других слов, а те были эхом третьих, а те – четвертых... Цепочка призраков. Во всем этом слишком мало жизни. Лишь творения богов – Священные Предметы – даруют подлинный свет. Эрвин, дорогой, ты непременно должен отправиться со мною в святилище. Я хочу научить тебя смотреть на Предметы моими глазами – в них столько радости!

– Да, миледи, – покорно кивнул Эрвин.

– Я составлю вам компанию, – подбодрила брата Иона, тронув за локоть.

– А верно ли говорят, – обратилась к Эрвину мать, – что император Адриан также близко заинтересовался Священными Предметами? Правда ли, что он изучает божественные творения в надежде раскрыть их тайны, научиться говорить с ними?

– Да, миледи. Владыка Адриан поручил такую задачу магистрам Университета Фаунтерры.

– Как мудро! Предметы – это высшая истина, воплощенный свет! Они способны озарить и преобразить любую, даже самую ничтожную душу...

Невпопад резкая трель испортила концовку речи, и герцогиня воскликнула в сердцах:

– Прекратите, бездари! Утихните! Я займусь вами позже!

Эрвин пришел к выводу, что уделил матери достаточно времени, и дань вежливости отдана сполна. Спросил:

– Как отец? Занят ли он? Где могу его найти?

– Отец... – Леди София Джессика скатилась с небес на землю. – Десмонд. Он неизменен. Есть люди, стоящие выше перемен. Однако он приготовил для тебя кое-что.

– Для меня?

– Да, мой милый. У Десмонда припасена одна задумка, и тебе отводится в ней важная роль. Надеюсь, тебе придется по душе. Я была бы счастлива оказаться на твоём месте.

Весьма странно! Отец никогда не отводил ему важной роли в чем-либо.

– И какова его задумка? – спросил Эрвин, но не успел получить ответ. Черно-алая фигура воздвиглась за его спиной.

– Милорд, отец желает видеть вас.

Эрвин повернулся к человеку. Если вдуматься, это забавно до дрожи: толщина каменной маски на лице – столь же верный показатель родовитости, как и количество имен. Данный утес зовется Артур Эльза Мей рода Глории, посвященный кайр, барон Хайрок и кастелян замка Первой Зимы. Левая рука герцога.

– Да, кайр, я иду.

Едва они покинули малую трапезную, Артур хмуро сообщил:

– Вам следовало поприветствовать отца прежде, чем мать и сестру.

– Тьма, я и пытался это сделать с момента своего прибытия! Ваши люди потратили целый час, чтобы доложить обо мне!

Дальше шли молча, гулко выбивали шаги по галереям, по винтовым каменным ступеням. У дверей отцовской комнаты двое красно-черных воинов разом положили руки на эфесы мечей. Двое кайров здесь? Парадный караул? Никак, к моему приезду, сообразил Эрвин, и тут же на ум пришло памятное с детства: шестое правило общения с отцом – никогда не улыбайся, даже стоя за его дверью. Он вошел в комнату.

Герцог Десмонд Ориджин стоял спиной к сыну, у бойницы, упершись руками в стену. На нем была простая серая рубаха без ворота, но даже в ней он казался неуязвимым, словно закованным в броню. Тяжелая седая голова сидела на короткой шее. Фигура бога-быка, которому поклоняются кочевники на Западе...

Отец обернулся, и Эрвин склонил голову.

– Желаю здравия, милорд.

Герцог кивнул кастеляну:

– Можешь идти, Артур.

Тот ушел, хлопнула дверь.

– Эрвин... подойди.

Он подошел, герцог пожал ему руку.

– С возвращением, сын. Как сложилась дорога?

Эрвин сдержал бровь, поползшую было вверх. Сколь странная вежливость родителя!

– Дорога была легкой, милорд. Я старался добраться поскорее.

– Вот и хорошо. Садись.

Эрвин сел, герцог протянул ему кубок. Проклятая традиция – пить за встречу. Мерзкий, мерзкий ордж. На этот раз Эрвин почти не скривился.

Герцог осведомился о делах в столице, о Палате Представителей, о здоровье императора. Эрвин заверил, что столица процветает, Палата являет неизменную мудрость, а владыка

Адриан – здоров и полон сил. Эрвин добавил, что счастлив служить империи столь же преданно, как и родной Первой Зиме.

– Это похвально, – кивнул герцог. – Рад слышать.

– Как обстоят дела на Севере, милорд? Каковы новости?

Эрвин прекрасно знал, что все новости сводятся к тем или иным затратам и новым тысячам эфесов, взятым взаймы. Разумеется, отец не станет говорить об этом – великий лорд презирает беседы о деньгах. Но он подумает о деньгах – как раз это и нужно Эрвину.

– Все своим чередом, – ответил отец.

– Я видел леса у собора Светлой Агаты. Случилось нечто? Храм требует ремонта?

– Отнюдь. Я принял решение расширить усыпальницу, в связи с этим идет строительство подземной часовни и реконструкция западного придела. Как ты знаешь, необходимость назрела давно.

Эрвин постарался скрыть удивление. Усыпальница Ориджинов под фундаментом храма Светлой Агаты – это, по сути, подземный собор размером в половину своего надземного собрата. Усыпальница имеет свой алтарь, трансепты, нефы, капеллы. Она огромна, как сказочная пещера, и освещается искровыми лампами – свечные огоньки бесполезны в таком пространстве. Усыпальница уходит в глубь земли на сотню футов, ее своды опираются на колоссальные гранитные колонны и держат на себе фундамент собора Агаты. Склепы, которых в усыпальнице почти полсотни, врыты еще глубже в землю, к ним ведут крутые каменные лестницы. Как-никак, великие предки должны покоиться поближе к Подземному Царству.

Усыпальница переполнена, и уже давно его светлость Десмонд Ориджин высказывал мысль о необходимости достроить второй зал. Останавливала чудовищная стоимость сооружения. Первую усыпальницу строили общими усилиями несколько поколений Ориджинов. Неужели отец сумел найти такие средства?!

– Милорд, позвольте спросить – во что обойдется строительство?

– Точная сумма расходов еще не определена. – Тон отца сделался раздраженным. – Первые затраты составят около тридцати тысяч эфесов.

Эрвин присвистнул.

– Милорд, откуда... – Внезапно он понял, откуда взялись средства. – Иона?..

– Это в столице тебя обучили такой манере ставить вопросы? Ты не в столице. Говори четко и ясно.

Четкость и ясность – порою это весьма на пользу. Можно сформулировать вопрос так, что он станет красноречивей утверждения.

– Милорд, вы смогли позволить себе строительство благодаря выкупу, который заплатил за леди Иону банкир Шейланд?

Разумеется, Эрвин выделил интонацией титул сестры и профессию жениха. Герцог процедил:

– Не думаю, что это касается тебя. Выкуп уплачен, и я распорядился им, как счел нужным.

Давить на отца – опасное дело. Однако сейчас на стороне сына могущественный союзник – нищета. Необходимо, чтобы отец задумался о ней – ощутил глубину пропасти, вязкость дна под ногами. Тогда он одобрит план Эрвина.

– Каково ваше отношение к этому браку, милорд?

– Я позволил брак. Кажется, этим мое отношение выражено ясно.

– Граф Шейланд происходит из рода девятой Праматери. Его дед был купцом, отец – банкиром, он и сам не оставил банковское дело. Считаете ли вы, милорд, что он достоин называться нашим родичем?

– Ты оспариваешь мое решение?

– Нет, милорд. Я хочу вас понять.

Отец угрюмо качнул головой.

– В том и беда. Ты пытаешься понять вещи, которые лорду должны быть очевидны.

О, я понимаю много больше, чем вы думаете! В частности, милорд, мне ясно, что вы – в тупике. И даже продажа единственной дочери отсрочит крах на год, возможно, на два, но не больше. Как мудро и дальновидно, что вы вложили львиную долю выкупа в строительство огромной могилы и не погасили хотя бы часть наших бесчисленных долгов!

– Я убеждаюсь, – продолжил герцог, – что мое решение отозвать тебя из столицы было совершенно правильным.

А вот это уже нечто новенькое!..

– Отозвать из столицы?..

– Какое из этих слов тебе неясно?

– Я полагал, что прибыл на свадьбу сестры, милорд.

– Не только. Ты нужен мне здесь, на Севере. Я хочу, чтобы ты начал постигать науку, которую не преподают в Университете.

Нужен на Севере? Нет, милорд, я нужен в столице! И отправлюсь туда, как только вы дадите согласие.

– Милорд, о какой науке идет речь?

Вместо ответа его светлость подозвал Эрвина к бойнице, указал в проем:

– Что ты видишь там?

Эрвин видел изумрудную долину с овечками и крохотными крестьянскими домиками. Что хотел услышать отец – догадаться было трудно.

– Долину Первой Зимы, милорд. Сердце герцогства Ориджин.

– И как, если уж говорить твоим языком, бьется это сердце? Ровно? Мощно?

Молодой лорд округлил глаза. Отец сам начинает ту тему, к которой Эрвин пытался подступиться? Что за удачный день!

– Мы беднеем, отец. Мы почти нищи, – с выверенным холодком в голосе отчеканил Эрвин. – Два столетия назад батальоны наших кайров держали в страхе весь Север и Запад, в Первую Зиму текла золотая река податей и даров. Столетие назад мы лишились значительной части наложных земель – Корона передала их новым фаворитам, боясь нашего усиления. Но войны шли одна за другой, наши услуги требовались Короне, и она щедро вознаграждала нас. Последние же полвека... Мир и стабильность в империи – наша погибель. Красно-черные батальоны – по-прежнему грозная сила, но герцогству едва хватает денег, чтобы содержать ее. Что я вижу за окном, милорд? Соломенные домики с несчастными крестьянами, из которых мы выжимаем последние соки, чтобы прокормить и вооружить двадцать пять тысяч многоопытных убийц.

Эрвин перевел дух. Герцог медленно кивнул и сел.

– Хорошо, что ты понимаешь это. Признаться, я думал порою, что судьба родной земли и вовсе не волнует тебя. Я рад своей ошибке.

– Да, отец.

– Раз ты осознаешь наше положение, спрошу: не думал ли ты о том, как исправить дело?

Думал?! Ха! Ха-ха! Я посвятил последний год тому, чтобы сконструировать свой план, вдохнуть в него жизнь, заручиться поддержкой нужных людей, привести механизм в движение!

– Милорд, я весьма часто думал об этом. Более того, всю дорогу до Первой Зимы я жил надеждой посвятить вас в свои мысли.

– С большим удовольствием выслушаю, – благодушно наклонил голову герцог. – Приятно, что ты начинаешь размышлять как лорд.

Эрвин прочистил горло. Он множество раз продумывал эту речь. По правде, он даже ее репетировал.

– Милорд, как вы знаете, владыка Адриан готовит большие изменения в жизни империи Полари. Традиционно, лишь Земли Короны платят Династии постоянный налог. Все Великие Дома – правители графств и герцогств – обязаны Короне военной службой и другими вассальными повинностями, но не податью. Налог платят только те правители земель, кто желает откупиться от военной службы, а таких немного.

Герцог кивнул.

– Но аппетиты императора растут, – продолжал Эрвин. – Владыка Адриан тянет сеть рельсовых дорог. Он многократно заявлял: его мечта – соединить рельсами всю империю, так чтобы пересечь ее из края в край можно было бы меньше чем за месяц. Это чудовищная задача, грандиозный труд. Чтобы устроить это, потребуется в разы больше золота, чем Корона имеет сейчас. Существует лишь один мыслимый способ получить столько денег: обложить податью Великие Дома. Отменить вассальную службу для всех земель и заменить ее налогом.

– Правильно, – вновь кивнул герцог. – Наши представители в Палате докладывают, что именно таково и есть намерение императора. Но к чему ты ведешь?

– Великие Дома противятся налогу. Отмена воинской службы – удар по чести, а подать – удар по кошельку. Мало кто хочет лишиться одновременно и меча, и монеты. Особенно теперь, в спокойное время, когда военная служба столь мало обременительна. Начинается конфликт. Он достигнет вершины в сентябре: состоится заседание Палаты Представителей. Император выставит на голосование закон о налоге. Он не сможет ввести в действие реформы без поддержки хотя бы половины Палаты. Сейчас же на стороне императора лишь два Великих дома из тринадцати.

Отец согласно кивнул. Все шло на диво легко, Эрвин неся к цели, как стрела, выпущенная умелой рукой. Задним фоном мелькнула мысль: нет ли подвоха в подобной легкости?.. Однако в плане Эрвина не могло быть изъянов: все слишком тщательно рассчитано и выверено, все учтено!

– Владыка Адриан планирует исправить положение и привлечь на свою сторону недостающие голоса при помощи весьма эффективного инструмента: собственного брака. Император заявил, что этим летом заключит помолвку. Имеются три претендентки на корону правительницы, за спиной каждой стоят коалиции из нескольких Великих домов. Выбрав одну из невест, владыка Адриан получит в Палате поддержку соответствующей коалиции. Однако каждая претендентка имеет свои весомые недостатки, которые я опишу отдельно, если потребуется. Выбрав любую из них, император понесет определенный политический урон и окажется в уязвимом положении. Если говорить грубо, среди трех вариантов брака нет идеального. Владыке было бы выгоднее отложить помолвку либо выбрать невесту не из числа трех претенденток, которых сватают ему Великие Дома. Но тогда он не получит нужной поддержки в Палате, и его рельсовые реформы будут провалены. Как видим, император находится в затруднительном положении, если не сказать – тупиковом.

Эрвин выдержал драматическую паузу, придавая значимости своим следующим словам:

– Я нашел способ, как помочь владыке решить это затруднение.

Лишь несколько раз в жизни он видел своего отца удивленным – и сейчас был один из тех случаев. Герцог склонил голову, придвинулся, навис над столом с выражением величайшей заинтересованности.

– И что же это за способ?

– Милорд, мне удалось собрать свою собственную коалицию. В нее входят четыре Великих дома и еще одна значимая сила. Моя коалиция готова поддержать императорские реформы независимо от его брака. Тем самым он получает надежную опору в Палате и свободу в выборе невесты.

– Твоя коалиция?.. – переспросил герцог.

– Да, милорд.

– И кто же в нее входит, позволь узнать?

Эрвин перечислил – звонко отчеканил четыре имени. Три великих лорда-землеправителя и его преподобие архиепископ Фаунтерры. Договор с каждым из них был его гордостью, подлинным произведением искусства дипломатии!

– Конечно, я также рассчитывал на вашу поддержку, милорд, – добавил Эрвин, глядя в глаза отцу.

– Ты рассчитывал на мою поддержку? – Зрачки герцога сузились.

– Простите, милорд, я выразился дерзко. Я имел в виду следующее. Моя коалиция ожидает вашего согласия, чтобы начать действовать. Вам стоит лишь сказать «да» и позволить мне говорить от вашего имени.

– Что же произойдет, если я дам согласие?

– Мы поддержим императора на осеннем голосовании, и его реформы будут приведены в жизнь. Взамен он даст нам...

– Он даст нам взамен? – переспросил герцог и почему-то нахмурился. Эрвин не придал этому значения.

– Да, милорд. Император возьмет на содержание треть нашего войска, тем самым понизив наши расходы на сто пятьдесят тысяч эфесов в год. Кроме того, половина наших долгов Короне будет прощена. Но и это еще не все. Мы получим также...

Эрвин глубоко вдохнул и назвал главный приз. Нечто, о чем герцоги Ориджин мечтали на протяжении нескольких поколений. То, что решило бы все вопросы с деньгами.

Это должно было стать решающим аргументом, которому отец не смог бы противиться. Однако густые брови герцога сдвинулись к переносице. Конечно, слишком много чисел упомянуто в монологе! Отец на дух не переносит бесед о деньгах. Нужно перевести на его язык.

– С бедностью будет покончено, – сказал Эрвин. – Великий Дом Ориджин станет в один ряд с богатствами Альмеры, Надежды и королевства Шиммери. Первая Зима засияет новыми зданиями и искровыми огнями. Подземная усыпальница покажется мелочью – с такими деньгами мы легко выстроим новый собор. Милорд, мы можем даже отказаться от унижительного брака Ионы! Подберем ей достойного кавалера рода Светлой Агаты! Прошу вас, дайте согласие – и мы не будем больше знать потребности в деньгах.

Эрвин умолк, ожидая ответа.

Тогда лорд Десмонд склонил набок свою бычью голову и медленно, размеренно произнес:

– Дай-ка уточню, правильно ли тебя понял. Ты предлагаешь продать императору то, что и так принадлежит ему, да еще и выжать оплату побольше?

– Что?.. Отец, я не...

Герцог опустил руку на стол, Эрвин вздрогнул от стука и замолк.

– Милорд. Зови меня – милорд. Наша верность, наши мечи, наша поддержка уже принадлежит императору по закону крови – нашей крови и его. Я не поверил ушам, когда ты сказал, что намерен продать владыке мечи нашего войска!

– Милорд, но владыка благосклонно отнесся к моему предложению!

А вот этого говорить не стоило. Надо было почувствовать пропасть впереди и свернуть, но Эрвин слишком увлекся своим будущим триумфом.

– Отнесся благосклонно?.. – прорычал герцог. – Ты хочешь сказать, что уже изложил свой вздорный, омерзительный план самому императору?!

– Милорд, я говорил с ним на уровне намеков, только прошупывал...

– Но ты дал понять, что продаешь нашу поддержку за деньги! И не только нашу, а заодно и еще четверых подобных тебе интриганов! Как ты это назвал? – Герцог с отвращением выплюнул последние слова: – Твоя коалиция?!

– Простите, милорд, боюсь, что вы неправильно...

– Ты, вассал, потребовал со своего сюзерена платы за верность! Владыка Адриан родился нашим сюзереном, а мы – его вассалами, о чем ты, вероятно, позабыл. На случай такой вот забывчивости каждый лорд Великого Дома приносит императору личную клятву верности. Ты также принес ее и обязан помнить.

Эрвин опустил взгляд.

– Повтори клятву! – рявкнул герцог.

– Я буду честен перед своим господином и верен ему... Я буду служить его щитом и мечом, пока моя смерть или воля господина не освободит меня...

С усилием Эрвин выдал присягу – слово за словом. Отец встал и прошествовал к бойнице. Он слушал сына, стоя к нему спиной, и не повернулся, когда Эрвин окончил. Герцог тихо выговорил, роняя слова в бойницу, так, что сын еле расслышал их:

– Мятеж карается, согласно Юлианову закону, сожжением, либо смертью от щелока, либо четвертованием. Дворянам дается право выбора. Призыв к мятежу – тридцать длинных плетей для простолюдина и лишение титула для первородного. Хоть это, надеюсь, ты крепко запомнишь.

Эрвин был оглушен и раздавлен. Он не мог ни понять, ни поверить. Как вышло так, что он, выпускник Имперского Университета, обожающий столичную жизнь и дворцовые балы, он, один из редких дворян, кто понимает странные шутки владыки, он, Эрвин, всей душой ненавидящий Первую Зиму с ее чванливой жестокостью и плохо прикрытой нищетой... Тьма ледяная, кто же мог решить, что он, Эрвин, строит заговор ПРОТИВ столицы и В ПОЛЬЗУ Первой Зимы?! В чьей больной голове созрела такая мысль?

Глупый вопрос. Сия голова, укрытая снежной сединой, обернулась к нему, поиграла желваками, сжала в линию узкие бескровные губы. Пожалуй, на ядовитую змею герцог и то смотрел бы с меньшей гадливостью. Эрвину страстно захотелось свалиться на колени и заорать во весь голос: «Отец, очнись! Я не мятежник и не шантажист! Все, чего хотел, – немного помощи от государя, чьей семье мы честно служили веками. А еще хотел заседать в Палате и жить в столице, подальше от вас, милорд».

Он сумел сдержаться. Четвертое правило общения с отцом: никогда и ни в чем не оправдывайся. Оправдания – для собак и черни.

– Милорд, вы вольны лишить меня титула, раз уж так повернулось. Но будьте милостивы, расскажите, что вы думаете предпринять для процветания родной земли?

– Не паясничай, – устало рыкнул его светлость, хотя Эрвин и не думал паясничать.

– Рихард... – начал фразу Десмонд Ориджин и остановился.

Собственно, к чему продолжать? Одним именем брата уже все сказано. Рихард Ориджин был достойным наследником: обожал мечи и схватки, имел медвежье здоровье, был отчаянным воином и не по годам искусным полководцем, не ведал страха, не помышлял о дворцовых интригах. Рихард вообще мало о чем помышлял, кроме военного дела, – ничто иное его не интересовало. Кроме того, Рихард во всем соглашался с отцом: не потому что боялся его, а потому, что мыслили они одинаково, в общем направлении, словно два парусника, движимые одним ветром... Но Рихард погиб, к великому сожалению, и вам, отец, придется иметь дело со мной.

Оба помолчали, переводя дух.

– Что ж, сочту твой план юношеским слабоумием и постараюсь выбросить его из памяти, – заговорил наконец Десмонд Герда Ленор, великий лорд Ориджин. – Ты начинал речь с желания послужить Первой Зиме и Короне. Вернемся к той позиции. Она выгодна для нас, поскольку тебе вскоре представится возможность послужить и мне, и владыке Адриану одновременно. Я размышлял о возможностях улучшить наше положение. Некоторыми из своих соображений я поделился с императором и испросил его дозволения на действия. Он одобрил мою идею.

Дальше ровно и неторопливо его светлость изложил сыну план. Слова звучали отчетливо и твердо, не оставляя сомнений. «Смотри строю в лицо, говори низко, из солнечного сплетения, делай паузы между словами – и тебя будет слышать даже двадцатая шеренга», – вспомнилось Эрвину. Однако смысл все равно ускользал, и он решился переспросить:

– Милорд, вы хотите отправить меня в эксплораду?

– Да, сын, – кивнул герцог.

Полтысячи лет назад, когда держава была мала, а мир – велик, императоры позволяли лордам отправляться в походы за границы государства и присоединять к Империи новые земли. Половина вновь обретенных территорий становилась ленным владением лорда, остальное доставалась Короне. Такие походы звались эксплорадами. Но то было пятьсот лет назад!

– Милорд, я не могу понять. Неизведанных земель теперь не существует! Весь континент Поларис уже под властью Короны!

– Поларис – да.

У Эрвина глаза полезли на лоб.

– Так вы говорите о Запределье?..

– Верно.

Боги! Запределье – громадный, дикий, дремучий и холодный материк. Узкий перешеек, покрытый Кристальными горами, соединяет Поларис с Запредельем. По ту сторону перешейка нет людских поселений, не существует даже карт тех мест! В незапамятную эпоху, еще до Сошествия Праматерей, кочевые племена бродили по Запределью. Но даже они собрались с духом, перешли Кристальные горы и осели здесь, в Поларисе, – до того скверной была жизнь по ту сторону гор!

Теперь отец хочет получить под свою власть кусок Запределья? Зачем?!

– Вы пересечете горы и доберетесь до Спота – единственного поселка на перешейке, – продолжал излагать отец. – Там вы получите дополнительные припасы, их подвезут кораблем. После этого вы углубитесь в Запределье. Потребуется перейти Мягкие Поля и Лес Теней, находящийся за ними. Имеются сведения, что в глубине Леса Теней, на расстоянии около трехсот миль от Кристальных гор, протекает большая река. Это единственная река в известной части Запределья, и она не имеет названия. Легенды зовут ее просто Рекой. Твоя задача – найти на Реке место, подходящее для строительства искровой плотины.

– Искровой плотины, милорд?! В Запределье?!

– Я сказал достаточно.

Боги, но это же чушь! Постройка искровой плотины – колоссальная, нечеловеческая задача даже в обжитых землях внутри Империи Полари! За целый век построено всего десять плотин! А в Запределье, в сотнях миль от ближайшего поселения... Придется протянуть туда дорогу, возвести целый город для строителей и мастеровых, лишь затем браться за саму плотину. Тьма, да мы с трудом наскребли денег на подземную гробницу! Что говорить о сотнях миль рельсов и новом городе среди дремучей чащи! И даже если владыка Адриан согласится помогать средствами, людьми, знаниями (что само по себе сомнительно), то будет ли столь же милостив его наследник? А если нет – что тогда мы получим? Город в холодной глуши с тысячами несчастных нищих людей, больше – ничего.

– Милорд, мне позволено будет возразить?

– Нет.

– Могу ли я хотя бы высказать свои соображения?

– Ты получишь право высказаться завтра. Но знай заведомо, что это не изменит моего решения. Сегодня время встречи истекает, я жду еще одного посетителя.

Эрвин вздрогнул, когда осознал еще один аспект отцовской задумки.

– Поход до Реки и обратно займет несколько месяцев. Я вернусь в столицу осенью, помолвка Адриана будет уже позади!

– Ты вовсе не вернешься в столицу. По возвращении из эксплораты останешься в Первой Зиме. Летом я сам отправлюсь в Фаунтерру и принесу императору извинения за твои действия.

– Милорд, – взмолился Эрвин, – это лето – поворотный момент в истории! Возможность, которая не повторится! Я осознал свою ошибку, я покаюсь перед владыкой и докажу ему нашу верность. Я не посмею больше ступить ни шагу без вашего согласия. Но умоляю, позвольте мне провести лето в Фаунтерре!

Его светлость отрезал:

– Я твой отец и сюзерен. К счастью, мне нет нужды убеждать тебя. Ты просто выполнишь мою волю.

Да, милорд. Да, милорд. Разожми зубы, пошевели языком и выдави эти слова: да, милорд. Пока ты еще носишь титул, а твоя спина – кожу.

– Да, милорд, – процедил Эрвин.

– Хорошо. Вы отправитесь в поход, как только закончатся свадебные торжества. Теперь ступай.

Когда Эрвин отворил дверь, снаружи, вместе с караульными, стоял еще человек – очевидно, тот самый посетитель, которого ожидал отец. Герцог увидел его в проем и сказал:

– Познакомься, сын. Это один из твоих будущих спутников.

– Я к вашим услугам, милорд, – отвесил поклон гость. – Луис Мария из Отмели, имперский механик второй гильдии.

Эрвин скороговоркой отрекомендовался и поспешил удалиться, но перед тем механик успел взглянуть ему в лицо – бескровное, уродливое от гнева и досады.

Позже Эрвин не раз думал: сколь многое Луис Мария слышал сквозь дверь? Она тяжела и прочна, но говорили внутри на повышенных тонах, а каменные стены отлично отражают звук.

Искра

21–22 марта 1774 г.

Предлесье, графство Шейланд – Клык Медведя, графство Нортвуд

Сир Клайв Мария Белла, лорд Стагфорт, погиб так быстро, что не успел ни понять, ни ощутить ничего. Он лишь услышал шорох воздуха, и в следующий миг болт пробил его голову. Когда тело рыцаря, вылетев из седла, коснулось земли, душа уже очутилась на Звезде.

Большая часть отряда разделила участь Клайва, однако его дочь... Кто-то стеганул ее кобылу, и та понеслась галопом. Мира, припав к холке, слышала стук копыт, жаркое лошадиное дыхание, и много тише, вторым планом – людские крики, звон железа позади. Скоро эти звуки угасли. Мира придержала лошадь, пустила рысью и тогда решила оглянуться. Двое всадников нагнали ее – Гурон, один из воинов отца, и Лиша, служанка девушки.

– Нельзя останавливаться, миледи. За нами может быть погоня, – предупредил Гурон.

Она и не собиралась останавливаться. Гурон то и дело поглядывал на нее – видно, боялся, что Мира отстанет или расплается. Ей не хотелось плакать. Она даже не знала, чувствует ли что-то, только все звуки стали глухими, будто слышны сквозь подушку. И лес вокруг – он посерел, как в сумерки.

Через какое-то время Гурон уверился, что погони нет, и сбавил ход. Мира последовала примеру. Усталости она не чувствовала.

Воин со служанкой совещались о том, как быть теперь. «Почему они не спрашивают меня?» – безразлично подумала Мира. Ей было все равно куда ехать, и спутники как-то знали, что ей все равно. Гурон сказал: возвращаться в Стагфорт опасно – можно вновь попасть в засаду. Лиша согласилась. Гурон сказал: нужно ехать к лорду Виттору Шейланду, он – сюзерен покойного сира Клайва. Лиша сказала: это дурость. До замка Шейландов три дня пути, а то и больше. Надо двигаться прежним путем, и уже к вечеру они будут в безопасности. Гурон согласился.

Когда-то давно, нынешним утром, они направлялись в Нортвуд, в Клык Медведя, по приглашению Нортвудской графини Сибил. В замке графини варят кофе, – подумала Мира. Еще подумала: там есть ручной медведь. То и другое не имело смысла. Но иных мыслей не было, лишь выцветший серый туман в голове. Мира скакала, сжимая коленями горячие бока кобылы.

После полудня они пересекли реку и въехали в графство Нортвуд. Отряд конной стражи встретил их, Гурон пересказал капитану случившееся. Тот выделил всадников для эскорта. Вокруг – логромный северный лес, тусклый и глухой.

Лиша поехала рядом с хозяйкой, заговорила. Речь звучала как мурчание кошки. Она хочет меня утешить? – предположила Мира. Так странно.

– Не беспокойся, – сказала Мира. – Не волнуйся обо мне.

Лиша говорила и дальше, даже тронула хозяйку за локоть. Мира не знала, что отвечать, и не знала, зачем. Она переждала, и Лиша умолкла.

На закате отряд выехал к замку. Клык Медведя всегда возникает неожиданно: дорога петляет в дремучей чаще, за сто ярдов лес уже непрогляден, как вдруг внезапно деревья исчезают и открывается город. Склон холма и берег реки покрыт лабиринтом бурых бревенчатых домов, вода пестрит лодками и причалами. Возвышенность занимает замок: огромный, тяжелый и угловатый. Клык Медведя – столица северных лесов.

Позже они ждали в светлице, солнце умирало, все кругом было черным или розовым. Слуга зажигал свечи, от них становилось темнее. «Графиня скоро выйдет к вам, миледи... Не прикажете ли вина или кофе?..» Мира смотрела на свечи. Почему они горят так тускло?

Девушка зажала пальцами один фитилек, и он погас. Другой, третий. Отец говорил: «Люби тех, кто тебе дорог. Люби каждую минуту, не теряй времени. Когда-нибудь человек уйдет, и это случится внезапно». Внезапно. Мира погасила последнюю свечу. Боль в пальцах была столь же тускла, как тлеющий фитилек. Это случится внезапно...

В светлицу, выпятив грудь, вошел дворецкий и проорал:

– Сибил Дорина Дениза рода Сьюзен, графиня Нортвуд.

Тут же отступил в сторону, и миледи появилась в комнате.

Графиня Сибил – видное существо. Когда рядом она, сложно смотреть на кого-либо другого. Она высока и статна, у нее пшеничные волосы и широкие плечи, на ней изумрудное платье с золотыми узорами, отороченное белым медвежьим пухом.

– Мия, бедное дитя! – воскликнула графиня. – Это невысказано, что за ужас! Я ушам не поверила!

– Ваша милость... – с поклоном выговорила Мира.

Сибил схватила ее за руку, усадила в кресло, сама уселась рядом, не выпуская девичьей ладони. Несколько раз щелкнула пальцами в воздухе, и слуги разбежались – точно знали, что от них требуется.

– Ну же, дорогая, как ты себя чувствуешь? Не держи горя в себе!

Мира тоже поняла, что от нее требуется.

– Я так благодарна вам за сочувствие, миледи, – сказала она. – На нас напали из засады в Предлесье, около границы Нортвуда. Моего отца убили, а также почти всех, кто был с нами.

– Чудовищно! – воскликнула графиня и порывисто притянула Миру к себе. Вероятно, девушке предлагалось поплакать на плече, отороченном медвежьим пухом. Мира притронулась к плечу графини кончиком носа, немного выждала, осторожно отстранилась.

– Миледи, нам не следовало показываться вам в столь плачевном виде. Мы решились продолжить путь в Клык Медведя лишь потому, что обратная дорога чересчур опасна. Если вы будете столь добры и дадите отряд всадников, чтобы сопроводить нас назад, в Стагфорд...

– Нет, нет, нет! – Графиня энергично замотала головой. – Какая чушь! Я сама разберусь во всем! Мои люди обыщут Предлесье и изловят этих головорезов. Ты же, дитя, побудешь здесь, в безопасности. Я позабочусь о тебе.

Мира – не дитя, зимою ей исполнилось семнадцать. Сюзереном ее отца был граф Виттор Шейланд. Теперь он, выходит, ее сюзерен. Однако, нимало не смущаясь этим, Сибил Нортвуд принимала живое участие в жизни девушки, оказывала покровительство. Возможно, из-за древних корней Мириной родословной – графиня падка на громкие имена. А может быть, дело в матери Миры, умершей много лет назад, и в дочке графини – ровеснице Миры.

– Мой сюзерен – граф Виттор, – отметила девушка. – Ему следует узнать о том, что случилось.

Сибил взмахнула ладонью.

– Узнает непременно, я пошлю гонца. Однако, девочка моя, ты ошибаешься, если думаешь, что Виттору будет до этого дело. Твой сюзерен женится. Его ждут три недели беспробудного пьянства и малахольная принцесса в придачу.

Ах, да, Мира слыхала об этом. Все, что касалось свадеб, не очень-то интересовало ее и не задерживалось в памяти.

Слуга принес пару деревянных кубков, наполнил пряной пахучей жидкостью. Графиня протянула один Мире:

– Ханги – лучшее лекарство для души. Выпей, дитя.

Не дожидаясь, Сибил выпила настойку одним залпом, довольно фыркнула, покраснела. Мира сделала несколько глотков. Горло обожгло, туман в голове стал еще гуще. Свой кубок графиня ткнула слуге, и тот вновь наполнил его.

– Теперь расскажи мне – как выглядели те, кто напал на вас?

Мира не знала этого. Она подозвала Гурона, воин рассказал:

– Их было не меньше дюжины, ваша милость. Они не носили никаких гербов, но одеты были похоже, не вразнобой. И вооружены одинаково – арбалеты и секиры.

– Стало быть, на лесных разбойников не смахивают?

– Нет, ваша милость. Оружие хорошее, бились ловко. Все наши полегли в одну минуту.

– Отчего же тогда ты жив? – не без презрения спросила Сибил.

Гурон потупился и не нашелся с ответом.

– Может, и к лучшему. Ты сопровождал девочку. Одной ей было бы нелегко. – Графиня отправила его взмахом руки.

Не похожи на разбойников, думала Мира. Это должно что-то означать. Но понять сложно – слишком туманно в голове, и слишком мало сил.

– За твоего отца – доброго рыцаря и благородного человека, – подняла Сибил кубок. – Радость и покой его душе.

Потом они очутились за столом, полным угощений. Было много мяса и рыбы, и мало хлеба. Ягодные соусы, какие-то травы, соленья. Все острое или пряное, как всегда в Нортвуде. Мира с трудом впихнула в себя пару кусков. Ее мутило от ханти, от запахов, от тусклого тумана. Графиня говорила с нею, и девушка старалась отвечать, хотя и с трудом понимала собственную речь.

Наконец, эта пытка окончилась – Миру проводили в покои. Служанке позволили провести ночь в комнате хозяйки, на случай если что понадобится. Мне ничего не понадобится, подумала Мира, я лягу, закрою глаза и тут же исчезну.

Она забылась, едва сомкнув веки.

Далеко за полночь девушка проснулась. Царила темень, лишь в небе за окном сияла Звезда и мерцали несколько огней на башнях. Но пелена пропала, огоньки виделись ясно, даже слепили. И все другое виделось ясно. Отец ушел следом за матерью. Теперь нет никого, я одна в темноте. Те, кто близок, уходят внезапно. Остается пустота. Я и есть пустота. Я – холодная тьма.

Мира ощутила слезы в глазах. Она плакала много часов или дней под тихое посапывание служанки. Спустя месяцы наступил рассвет, и Мира уснула, истратив на горе все свои силы.

* * *

В замке Нортвудов живет ученый медведь. Его имя – Маверик. Если бы Мира умела заводить друзей, с ним первым свела бы дружбу.

Маверик – могучий огромный хищник, далеко за тысячу фунтов весом. Его когти длинней Мириного указательного пальца, голова – лобастая, широкая, как бочка, с добродушными круглыми глазками и влажным блестящим носом. Шерсть его меняет цвет каждый сезон, и сейчас, по весне, она сделалась роскошно изумрудной, искристой, словно шелк.

Маверик до неприличия умен. Если сказать ему: «Маверик, станцуй!» – он окинет тебя внимательным взглядом и, найдя в твоей руке рыбку или сахарную булку, примется кружиться на задних лапах, притопывая, покачивая влево-вправо тяжелой башкой и иногда неуклюже приседая. Когда ты засмеешься и не удержишься от возгласа: «Ай, какой молодец!» – Маверик повернется к тебе, раскроет пасть и красноречиво укажет в нее лапой. Тогда ты увидишь чудовищные дюймовые клыки и нежный розовой язычок.

Также медведь умеет кланяться на три стороны, колотить себя в грудь, тереть лапами глаза, будто плачет (последнее зверь непременно устроит, если спеть ему рыцарскую балладу). Он может даже притворяться мертвым, упав на спину! А еще Маверик различает людей в лицо. Если входит Джонас – смотритель зверинца, – медведь садится на увесистую задницу

и раскрывает пасть. При графе Нортвуде он чешет подмышки или покусывает брюхо, а при графине Сибил – становится во весь рост и поднимает правую лапу с таким торжественным видом, будто воин императорской гвардии на почетном карауле. Маверик обожает графиню, это знают все в замке. Говорят, леди Сибил может войти к медведю в клетку и обнять его, потянуть за ухо или положить ладонь зверю на язык. Правда, Маверик должен быть при этом весьма сытым, а графиня – не такой уж трезвой, но все же.

Когда в зверинец входит Мира, изумрудный медведь улыбается. И сегодня улыбнулся, даже лизнул собственный нос. Девушка проснулась, когда солнце было очень высоко. Лиша подевалась куда-то, и Мира порадовалась уединению. Оделась, умыла лицо водой из кувшина и отправилась на прогулку по замку. Хорошо зная это строение, она выбирала наиболее безлюдные залы и коридоры. Люди утомительны, Мира давно обнаружила это. Люди часто задают вопросы и, что куда хуже, испытывают чувства. Их лица выражают что-то, их голоса меняют тональность. Они говорят слова – значащие излишне много или, напротив, ничего не значащие. Мира выросла в крохотном форте на северной окраине империи, и мир людей представлялся ей хаотичным, беспорядочным, непредсказуемым. Маверик – иное дело. Он весьма немногословен, чаще всего говорит лишь: «Арр-роо-о-о!» или «Уу-у-урр-р-р». В каждую из этих двух фраз он вкладывает разные смыслы, но Мира всегда удается понять, что имеется в виду.

Замок Клык Медведя огромен и пахнет сосной. В нем высокие тенистые залы, необъятные жерла каминов, перекрестья мечей и алебард на стенах, массивные кресла и несокрушимые столы. Шкуры здесь повсюду – на полах, на стенах, скамьях и креслах, на гигантских кроватях вроде той, в какой спала сегодня Мира. Залы утыканы охотничьими трофеями. Есть вепри и волки, и лоси, и бронебоки, и даже черепа клыканов. Но не медведи, никогда. Медведь – символ мощи Нортвуда, ни один охотник в этой земле не решится его убить... конечно, если хищник не атакует первым.

Миновав череду залов и переходов, Мира очутилась в зверинце, и Маверик улыбнулся ей. Она уселась перед прутьями решетки и сказала:

– Здравствуй, мой хороший. Как тебе живется? Я надеюсь, ты доволен и сыт.

Маверик подтвердил:

– Уу-у-урр-р-р.

Девушка призналась:

– Немного завидую тебе. А еще я скучала.

Маверик улыбнулся и лизнул нос.

– Можно, я поглажу тебя по голове? – спросила Мира, хотя и не знала, хватит ли ей смелости на это.

Маверик как-то неопределенно глядел на нее, и Мира поняла, что он не в восторге от предложения.

– Что ж, тогда потанцуй для меня. Ну, станцуй.

У нее не было лакомства, но Маверик поразмыслил немного, поднялся на задние лапы и закружился, приплясывая. Просто для того, чтобы порадовать Миру. Ему было несложно.

– Ай, молодец!

– Леди Минерва, – позвали ее.

Мира увидела рыжеволосую девушку в сером шерстяном платье. Глория – дочка графини Сибил. Как и мать, Глория была весьма хороша собою. Ее красота складывалась из пышущего здоровьем тела, полных энергии движений, выразительных черт – больших зеленых глаз, золотисто-рыжих локонов, пухлых губ. Несколько портили лицо лишь веснушки на щеках, придающие ему налет какой-то сельской простоты.

Глория приходилась ровесницей Мира, даже смахивала телосложением, и, по всей теории, девушки должны были сдружиться. Однако дочь графини слишком рано почувствовала власть в своих детских ручках и сделалась грубовато капризна. Пять лет назад, когда девочки

виделись в прошлый раз, любимым развлечением Глории было изводить слуг идиотскими поручениями вроде того, чтобы связать за хвосты трех котов и бросить на обеденный стол среди гостей. Немало удовольствия доставляло ей сделать пакость: разбить что-нибудь, испачкать, сломать – а после смотреть, как графиня наказывает одну из горничных. Леди Сибил готова была обвинить кого угодно, только не дочь.

Впрочем, графиня сумела трезво оценить характер дочери и приняла меры. Глория была отдана на воспитание в девичий пансион при монастыре Елены-у-Озера, где провела три года. Это закрытое заведение, практикующее суровую дисциплину, пользовалось славой лучшей школы невест в Империи Полари. В отличие от других пансионов, что обучали девушек лишь светским манерам, благородным искусствам, умению вести беседы и смирению, Елена-у-Озера давала ученицам нечто большее: мастерство правителя. Считалось, что выпускницы пансиона Елены способны стать поддержкой своим мужьям не только в домашних и светских делах, но и в политике, и в дипломатии.

Похоже, пансион сделал свое дело. Глория вежливо поклонилась, произнесла без капли былой заносчивости:

– Леди Минерва, я от всей души соболезную вам.

– Благодарю, вы очень добры.

– Матушка ищет вас. Время завтрака, леди Минерва. Не разделите ли с нами трапезу?

Мира была приятно удивлена. Даже то, что дочь графини пришла за нею сама, а не послала слугу, – уже красивый жест.

– С удовольствием, леди Глория.

– Минерва Джемма Алессандра рода Янмэй, леди Стагфорт, – провозгласил лакей, раскрыв перед Мирой двери трапезной, и девушка удивилась звуку собственного полного имени. Минерва Джемма – нечто слишком помпезное и золоченое, никто не зовет ее так.

Их ожидали за столом леди Сибил и ее муж. Граф Элиас Нортвуд носил снежно-седые волосы до плеч, перехваченные, по северной традиции, серебряным обручем. Этим исчерпывалось благородство его внешности. В остальных чертах граф выглядел тощим, желчным, брюзгливым стариком, каковым и являлся. Он был на четыре десятилетия старше жены. Из всех жизненных явлений Элиаса интересовали только корабли: речные и морские; ладьи, каравеллы и галеоны; их оснащение и ходовые качества. Любыми другими делами, не связанными с судоходством, заведовала леди Сибил, и граф не вникал в них без крайней надобности.

Глория была единственным ребенком Элиаса и Сибил. В год их свадьбы графу исполнилось шестьдесят, в таком возрасте даже один ребенок – уже божья милость. От первого брака граф имел троих сыновей, но все они были сейчас в разъездах.

– Как тебе спалось, дитя мое? – спросила Сибил.

«Дитя» – это я, а не Глория, поняла Мира, поймав взгляд графини.

– Благодарю, миледи. Я спала хорошо и чувствую себя бодрой.

Сибил предложила ей место напротив себя. Мира села и попросила:

– Я бы выпила кофе, если позволите.

– Так и знала, что ты это скажешь, – улыбнулась графиня. Перед Мирой оказалась чашка пахучего горького напитка, диковинного здесь, на севере. Девушка с наслаждением сделала несколько глотков. Есть две вещи на свете, которые чудесно проясняют мысли: уединение и кофе.

– Миледи, я думала о том, что случилось, – сказала Мира.

– И что же?

– Моего отца убили, миледи. В книгах пишут: нужно судить о намерениях по результатам. Я полагаю, засаду устроили именно для того, чтобы убить отца. Это был не грабеж и не случайная стычка. Кто-то послал головорезов для преднамеренного убийства.

– Разве у доброго сира Клайва были враги?

– В здешних краях – нет. Но еще до моего рождения отец жил в столице, и его коснулась одна скверная история – дворцовый заговор. У него могли остаться враги с тех времен.

– Умное дитя.

Сибил сказала это не столько Мире, сколько мужу. Элиасу, похоже, было все равно: он отрезал кусочки от сырной косички, клал за правую щеку и сосредоточенно жевал немногочисленными зубами. Взгляд его блуждал где-то.

– Сперва и мы подумали так же, – сообщила графиня. – Но потом кое-что всплыло. Найди себя в этой книге, милая.

Сибил протянула Мире тяжелый том в кожаном переплете. Золотое перо, скрещенное с мечом, было вытиснено на обложке, ниже вилась надпись: «Истоки, течение и ветви блистательного рода Янмэй». Родословная правящей династии? Шутка, что ли? Мира застенчиво улыбнулась. Да, ее имя можно найти где-то на последних страницах книги – она знала это с детства. Ниточка кровного родства тянется от нее через одну, другую, третью семью и приводит к самому владыке Адриану – его величеству императору Полари. Мира приходится ему троюродной племянницей или кем-то вроде. Однако...

– Миледи, простите, но это ложный путь. Между мною и престолом стоит дюжина людей, много более достойных и знатных, чем я. И даже будь это не так, владыка Адриан полон сил. Он родит сыновей, и станет вовсе не важно, как сплетаются веточки древа. Мне до наследницы престола – столько же, как медведю Маверику до Шиммерийской принцессы.

– Родители так учили тебя в детстве и поступали правильно. Если бы ты думала, что имеешь хоть шанс унаследовать корону, то размечталась бы попусту. Но прошло немало лет, кое-что поменялось.

Графиня раскрыла книгу и принялась водить карандашом по страницам, вычеркивая одно имя за другим. Десяток вельмож угодили на плаху или лишились титулов после Шутовского заговора – отчерк длинной косой линией. Эти погибли на охоте – карандашные крестики поверх имен. Тот лишился головы в междоусобице – новый крестик. Этот ушел в монахи и отрекся от прав наследования. Нескольких забрал мор (чирк, чирк – ложатся скрещенные линии), кто-то пережил трясучку и утратил разум (чирк). А в этой семье четверо детей умерли еще во младенчестве – боги прокляли. Крест, крест... Кто же остается?

Сибил Нортвуд обвела кругами три имени.

– После всего, моя милая, ты – четвертая в очереди престолонаследия. А если не брать в учет Менсона, который уж семнадцать лет как сделался шутком и посмешищем для всего двора, то ты – третья.

Мира пожалала плечами: третья – так третья.

– Это ничего не меняет, миледи. Император собирается жениться, вскоре на свет появится прямой наследник.

– Вот именно – собирается.

Сибил со значением посмотрела на Миру. Девушка не понимала, куда клонит графиня, и призналась в этом.

– Наивное дитя! – воскликнула Сибил.

– Заговор. Новый паскудный заговор, – проворчал граф.

– Вы имеете в виду... – начала Мира и запнулась. Догадка показалась слишком несурзной.

– Это тебя хотели убить, а не отца! – заявила Глория и тут же исправилась: – Вас, леди Минерва.

– Да, дитя мое. Не бедный сир Клайв был целью, а ты. Тебя намеревались убить, чтобы расчистить путь другому претенденту на престол.

Какой в этом смысл, если император жив и здоров? Абсурд...

И вдруг Мира поняла.

– Так вы полагаете, случится еще убийство?

– И не одно! – кровожадно заявила Глория.

– Я полагаю, владыке очень интересно будет про все это узнать, – сказала Сибил. – История больно уж смахивает на начало заговора, и мишенью вполне может оказаться сам Адриан. Нам нужно ехать в столицу.

– Нам?..

– А ты думала вернуться в родной замок? И кто же там защитит тебя – конюх да горничная? В Стагфорте осталась жалкая горстка людей, один из которых служит не тебе, это уж ясно.

Наверное, так и есть. Мира думала об этом: не случайно же убийцы так хорошо знали, где и когда устраивать засаду.

Но ехать в столицу Империи... Фаунтерра – гигантский муравейник, суетливый и тщеславный, переполненный словами и чувствами... заговорами. Мира никогда не бывала там. Какое выбрать из двух зол: броситься в этот людской водоворот или вернуться в опустевший и холодный родной дом? Что более терпимо – оказаться одинокой в глуши или одинокой среди толпы? Как вернее сойдешь с ума – от людского шума или от тоски?

– Вижу, милая, ты довольна, – зорко подметила графиня. – Какая девушка не мечтает о блестящей столичной жизни, приемах и балах, аудиенции у самого владыки! Мы завтра же отправимся в дорогу, и через месяц ты увидишь Фаунтерру – лучший город на свете!

В глубине души Мира порадовалась тому, что графиня решила за нее.

– И вы едете в столицу, миледи? И Глория?

– Свадьба, – буркнул граф Элиас. – Нас ждут в Первой Зиме.

– Ах, разумеется! Ориджины наконец-то пристроили замуж свою малахольную принцессу – великий повод для праздника! Дорогой Элиас, избавь меня от этого. Поезжай с детьми в Первую Зиму, передай мои извинения, поздравления и все остальное, что подобает. В столице меня ждет встреча с персоной поважнее, чем стая красно-черных зазнаек.

Ревнивая зависть графини Сибил к семье Ориджин – не тайна. Их род более древний и знатный, история герцогства полна легендарных фигур и громких побед, а долина Первой Зимы – святыня, место сошествия Праматерей на землю. Нортвуд же обширен и довольно могуч, но в глазах всей Империи – это дремучий лес с медведями и бородатыми мужланами. Пожалуй, графиня только рада поводу избавиться от свадебного приглашения. На сей раз Мира вполне понимала ее чувства: нет ничего утомительней, чем лицемерить в угоду вежливости.

– Езжайте, – согласился граф. Добавил, глядя в потолок: – Только не слишком обольщайтесь насчет благодарности владыки. Династия не любит чувствовать себя обязанной. Я-то знаю эту породу. Тебя, Сибил, император не осыплет почестями и не поведет за ручку на первый танец. Просто, когда полетят головы, твоя не окажется в их числе – вот такая будет благодарность. А тебя... – неопределенно махнул он рукой в сторону Минервы, – тебя Адриан и вовсе не заметит.

Монета

*Поздний март – ранний апрель 1774 года от Сошествия
Северо-восток герцогства Альмера*

Лучшая забава – люди. Хармон Паула Роджер всегда любил меткие поговорки.

Из года в год он колесил одним и тем же кругом: восточная Альмера, Земля Короны, Южный Путь, графство Шейланд, северная Альмера, восточная Альмера. Одинаково пыльные дороги летом, одинаково грязные – весной; городки и села, замки – они рознились на первый взгляд, но по сути все одно. Хармон умел читать, но не любил, да и жалел денег на книги. Хармон любил выпить, но сдерживался в дороге. Рыжие тяжеловесы шли медленно, волоча грузные фургоны торговца, мили вползали под колеса одна за другой, без конца. Иной бы завыл от скуки на его месте, сменил ремесло. Хармон же находил развлечение в своей свите.

К примеру, его забавляло смотреть, как бранится с женой Вихорь – темноволосый патлатый крестьянин, служивший Хармону конюхом и грузчиком. Вихорь вечно ворчал на Луизу – себе под нос, но так, чтобы жена слышала:

– Лепешку дай... Снова черствая, зубы обломаю. Сушишь ты их, что ли. По голове бы дать такой лепешкой... Куда пошла? В реку купаться? Ты что, мелкая? Бабеха старая – и туда же, купается! Скоро кожу с себя смоешь... Лучше воды принеси, штаны мне постирай. От грязищи уже что твои ходули – не гнутся. Пошли Сару за молоком на хутор. Денег нет? У хозяина попроси. Чего я должен. Ты женщина – вот и проси.

Луиза отвечала редко, зато громко и смачно:

– Господин нашелся! Раскомандовался! Закрой коробочку, господин! Хотела бы господина – не за тебя бы пошла!

Потом перебиралась на полдня в другую телегу и выкрикивала оттуда что-нибудь обидное, если изобретала. Могла при случае запустить в мужа яблоком или кружкой.

Вихренок при этом пытался помирить родителей и попадал под горячую руку, а хитрая Сара – десятилетняя дочка конюха – поддакивала одному из родителей против второго и часто получала угощение.

Забавлял Хармона и старый пьянчуга Доксет – больше возница, нежели охранник. Он обожал травить байки о своем славном военном прошлом. Точные обстоятельства того времени помнил туманно, однако нимало не смущался, а выдумывал подробности прямо по ходу рассказа. Например, Доксет не раз рассказывал, как бился против болотников на берегу Сидара. Правда, первоначально он сражался топором и зарубил пятерых мечников в кольчугах, а в прошлом году сообщил, что дрался копьем и заколол оруженосца, а рыцаря спешил; теперешней же весной выяснилось, что Доксет сам чуть не утонул на переправе, когда кто-то из благородных всадил ему в плечо арбалетный болт, и, выбравшись на берег, он вырвал болт из плеча и увидел, что оперение сделано из чистого серебра.

Частым слушателем Доксета бывал Вихренок. По первой паренек удивлялся расхождениям в рассказах, а затем привык, уразумел, что на войне ведь всякое бывает, на то и война. С тех пор Вихренок частенько донимал Доксета вопросами вроде:

– А случалось тебе драться верхом? А булавой? А если конь тебя копытом по шлему ударит, что будет? А герцога или графа видал вблизи? А доспехи у них какие? А стрелу можно в полете поймать?

И старый солдат, недолго думая, отвечал, что стрелу поймать можно, но надо левой рукой и поближе к оперенью; что графа от герцога отличить легко: у графа серебряный герб на плече, а у герцога – золотой на груди; что в битве при Лоувилле вражеский жеребец так угостил Док-

сета копытом по лбу, что шлем вмялся и не снимался с головы, но ничего, башка не треснула, только звезды увидал и неделю есть не мог, лишь воду пил.

Снайп – тот был развлечением иного рода. Извечно смурной, он ничего не говорил о себе, хотя Хармон и без того давно знал, что Снайп – дезертир, и в родных землях его ожидает кол или виселица. Снайп мог молчать целыми днями, а глядел порою так хмуро, что встречные крестьяне принимали его за разбойника и шарахались с дороги. Однако временами что-нибудь, какое-то незначительное событие вдруг навевало ему мечтательность. Снайп тихо вздыхал и скреб ногтями щетину на щеках, а вечером выпивал пару кружек вместе с Доксетом и говорил: «М-да, жизнь...» Так случалось, например, когда Снайп глядел на перебранки Вихоря с Луизой. Дезертир не прочь был бы и сам побраниться с женой, чтобы та поорала всласть и запустила в него чем-то, а он дал бы ей оплеуху, а после завалил на пол и задрал подол... Так, по крайней мере, представлял себе ход Снайповых мечтаний Хармон Паула Роджер.

Однако со дня отбытия из Смолдена все прежние забавы померкли и отошли назад против того любопытнейшего зрелища, какое являл собой новый наемник.

Самим своим приходом Джоакин внес немалое оживление в жизнь Хармоновой свиты. Он отрекомендовался следующим образом:

– Джоакин Ив Ханна. Я – новый щит вашего хозяина.

После чего пожал руки мужчинам, потрепал по головам детей и с хозяйским видом прошелся вдоль обоза, разглядывая, что где, как устроено, хорошо ли уложено. Хармон даже заподозрил было, что вот-вот получит пару ценных советов и важных замечаний, однако после осмотра Джоакин лишь одобрительно кивнул. Остальная свита скучилась поближе к хозяину и принялась весьма вопросительно молчать.

– Я нанял третьего охранника, – сообщил Хармон. – Жена любит мужа, а монета – меч. Вихренок восторженно хрюкнул, Луиза улыбнулась. Конюх проворчал:

– А стряпать-то тебе, жена, побольше придется. Может, хоть теперь расстараяешься.

Снайп бросил: «Ну...» – не то чтобы с ревностью, а скорее с сомнением. Доксет же растерялся и не сказал ничего, но первым подкрался к новенькому и стал кружить около него, пристрастно разглядывая. Следом пошли на сближение и остальные.

Едва обоз тронулся, Джоакин определил себе место: чуть впереди головного фургона, которым правили поочередно Хармон и Снайп, немного слева. Это была гибкая и удачная позиция. В безлюдных местах Джоакин мог придержать кобылу, поравняться с фургоном и поделиться с хозяином той или иной ценной мыслью.

– Что за дорога такая? Не дорога, а одни ямы. Здешнему лорду надо бы о ней побеспокоиться, а то позор же, – говорил Джоакин не так, будто жалуется, а этак по-отечески журил неведомого лорда. – Лошадка-то моя ничего, плавно идет, а в фургоне у вас, поди, весь зад можно отбить.

Или говорил:

– Тучи сгущаются, может дождь пойти. Но мне-то ничего, к дождю не привыкать. Я считаю, надо любить всякую погоду.

Или так:

– Я вот не понимаю таких земель, как Альмера. Я люблю: если север, так чтоб снег, если юг, так чтоб жарница, равнина – значит, равнина, горы – значит, горы. А тут и не холодно, и не жарко, и на скалу не влезешь, и по степи не поскачешь. Холмы вот эти – что это такое?

Зато, въезжая в очередную придорожную деревню, молодой воин выдвигался ярдов на десять вперед и шествовал во главе обоза, как знаменосец в авангарде войска. Как и всякий человек с мечом, он вызывал у крестьян сперва опасение, а затем любопытство. Когда Джоакина спрашивали, он отвечал гордо и немногословно:

– Мы – люди Хармона Паулы.

В обеденный привал Джоакин не выявил ни малейшего беспокойства, а просто сел около торговца и безмятежно ждал, пока ему выделят причитающуюся долю харчей. Ломоть сыра и кусок ветчины, которые отрезала ему Луиза, оказались больше, чем у Вихоря и Снайпа.

Для ночлега Хармон предложил парню место в головном фургоне, в задней его половине – вместе со Снайпом и грузом посуды. Тот отказался:

– Я люблю, когда небо над головой, чтобы свободу чувствовать. А то спать на досках, среди мешков – я этого не понимаю.

Он расстелил под ясенем куртку, подложил под голову седло, укрылся плащом и вскоре уснул крепким сном. Если судить по басовитому похрапыванию, которое издавал Джоакин, ни страхи, ни угрызения совести не тревожили его.

Человек торгует тем, что имеет. Купцы – товаром, молодки – красотой, дворяне – родо-витостью, рыцари – отвагой. Джоакин Ив Ханна торговал важностью и делал это ловко. Хармон Паула отдавал ему должное, как один мастер отдает должное искусству другого.

Остальные не замечали этого мастерства. Вихренок смотрел на меч и шлем Джоакина, Луиза – на крепкие руки и широкую грудь, Доксет видел молодое гладкое лицо, не испорченное морщинами, и норовил назвать Джоакина «сынком»... Хармон же видел опытного торговца важностью с целым арсеналом трюков и приемов. Джоакин мог бы, пожалуй, даже взять мальчишку в подмастерья и передавать ему свое мастерство.

Джоакин мог бы начать науку: говори обо всем так, будто именно ты решаешь, что хорошо, а что – плохо. Дорога крива; лес жидковат; граница графства идет через холмы, а лучше бы по реке; мост деревянный – ну и правильно, зачем камень тратить.

Давай советы, и побольше, – поучал бы Джоакин. Но немногословно, чтобы не подумали, что оно тебе в радость. Оброни пару фраз, проходя мимо, ведь без тебя не справятся. Как уложить бочки в телеге, где обосноваться на привал, как удобнее держать поводья, надо ли коней ночью стеречь – кому и знать, как не тебе?

Не суетись, показывал бы он собственным примером. Суета – для мелюзги. Делай все неспешно, без тебя не начнут и не закончат. Улыбайся пореже, а если уж не сдержался и хохотнул, то прибавь со значением: «Смешно!..» – ведь это ты не сдуру так гогочешь, а одобряешь удачную шутку.

Если при тебе рассказали нечто неприятное, ты не сочувствуй и не вздыхай, будто баба. Выложил вот Вихорь, как видал тем летом городок, целиком сгоревший от пожара, одни кучи углей вместо домов, – а ты ему на это: «Бывает». Ты-то знаешь, что бывает в жизни и не такое.

Про себя говори немного. Иные жалуются на жизнь, всякие страсти рассказывают – это глупо. Сообщи о себе лишь то, что придется к месту, и верни при этом выгодный финтик. Увидел ты, например, у Доксета копье – вот и скажи: «Бился как-то и я копьем, да против кольчужного рыцаря с секирой. Я-то его поймал и проколол в конце, но попотеть пришлось. Меч – он надежнее будет». И по эфесу при этом похлопай.

И главное, наставлял бы Джоакин напоследок. Если что взаправду умеешь, то носи это умение с неброским достоинством, как знаменем им не размахивай, но и сверкнуть при подходящем случае не стесняйся.

Следующим от Смолдена утром Хармон Паула проснулся от ритмичного лязгающего стука и, откинув завесу, увидел Джоакина с мечом в руке, обнаженного по пояс. Заложив за спину левую руку, красавчик насканивал на яшень, рубил то слева, то справа, и тут же ловко отшагивал вбок, уклоняясь от контратаки. Мышцы его играли, на груди поблескивали капли пота. Чередуя выпады с уходами или блоками, Джоакин двигался вокруг дерева. Сучки и щепки разлетались в стороны. Луиза, Сара и Вихренок во все глаза пялились на него, даже

Снайп уважительно покачивал головой. Вот парень крутанулся вокруг себя, перехватил меч двумя руками, занес над головой и, обернувшись, снес толстую ветку. Хах!

– Ого!.. – выдохнул Вихренко. Сара хлопнула в ладоши.

«И вот я знаю все, чего можно ждать от парня», – подумал Хармон отчасти с удовольствием, но больше – с досадой. Прочитывать людей с тою легкостью, с какой ученые мужи читают книги, давно уже было для Хармона не искусством или предметом гордости, а простой привычкой. Книжки, подобные Джоакиновой, Хармон не раз брал с полок, раскрывал, пролистывал, изучал... покупал их и продавал, бывало по одной, бывало и на вес. В них не было для него загадки, и где-то краешком души он об этом жалел.

Хармон не знал, что очень вскоре парень удивит его.

Шестимильный лес тянулся узкой лентой по сырой низине. Длиною он достигал добрых тридцати миль, а в ширину в самом широком месте имел всего шесть, чем и заслужил название. Однако известно, что пересечь Шестимильный поперек – плохая затея. Ручьи заболочивают низину и превращают землю в топкую кашу. Одна из двух дорог, идущих сквозь лес, весной вовсе непроходима, по второй еще так-сяк можно проехать, если груз не тяжел и несколько дней не было дождя. На вторую дорогу и свернул Хармон Паула со своим обозом.

– Шестимильный впоперек? – переспросил Снайп, сидя на козлах.

– А чего такого? Неделю дождя не было, думаю, проедем. Иначе-то крик на целый день, – безмятежно ответил Хармон, забрался в свою занавешенную половину фургона и разлегся на топчане из овчины.

Снайп хмыкнул, но поворотил в лес.

Пару миль дорога радовала: колеса катились плавно, чаща веяла свежей прохладцей, щебетали птицы. Пару раз поперек дороги попадались высохшие упавшие стволы, но Джоакин со Снайпом легко отгаскивали их и освобождали путь. Раз повстречали кабаньи следы, и Джоакин поделился несколькими мыслями об охоте – с самим собою, надо полагать, поскольку Снайп молчал, а остальные едва ли слышали.

Но вот дорога пошла вниз и начала понемногу раскисать. Пересекли первый ручей, спугнули зайца на водопое. Под копытами зачавкала грязь, впрочем, лошади справлялись и шли ровно.

Показался новый ручей, через него перекидывался бревенчатый мосток – старый на вид, подгнивший кое-где, но вроде прочный. Тяжеловесы ступили на него, осторожно упираясь копытами в скользкую опору.

– А это что там, хижина, что ль?.. – спросил Джоакин, вглядываясь в просвет меж деревьев.

– Ага, добрый путник, она самая, – ответил некто хриплый, выступив из кустов на дорогу.

Хармон, слегка отодвинув завесу, выглянул в щель. За первым человеком на дороге показались еще двое. Косматые, коренастые, эти двое были наряжены в куртки из вываренной кожи с нашитыми бляшками и неспешно приближались, поигрывая боевыми секирами. Один взял под уздцы упряжных лошадей, другой подошел к Джоакину. Третий – хриплый – загородил собой съезд с мостка. Он опирался на древко цепа, на себе имел кольчугу и стальной полушлем. Это был старик – седой и морщинистый, но жилистый и весьма еще далекий от дряхлости.

– Вы в нашем ленном владении, добрые путники, – сообщил хриплый. – За проезд через мосток путевой сбор полагается.

– Что-то я не вижу гербов на ваших... хм... доспехах, – заметил Джоакин. – Лорд, владеющий лесом, хоть знает, что вы ему так усердно служите?

Косматый секироносец гыгыкнул и остановился футах в трех от груди Джоакиновой кобылы. Весьма удачная позиция чтобы с одного замаха подсесть кобыле ногу и при этом не попасть под меч всадника. Парень положил ладонь на эфес. Сзади раздался посвист. Оглянув-

шись на звук, Джоакин увидел лучника – тот сидел верхом на ветви, взведя тетиву, и лукаво подмигивал всаднику. Наконечник стрелы глядел Джоакину в затылок.

– Мы – сами себе лорды, добрые путники, – заявил старик. – Я – лорд Седой, перед вами братья-лорды Бурый и Оглобля, а тот, что на ветке, – милорд Ловкач. Пожалуйста оплату, добрые путники, и идите своей дорогой.

– Сколько? – хмуро буркнул Снайп.

– За лошадь – по две агатки, за людей – по три, за красавчика с мечом – gloria будет в самый раз. Итого сколько же вышло? – старик беззубо ухмыльнулся. – Не силен в сложении...

– Примерно с елену набежало, – подытожил лучник. – А может, полторы – что-то я со счету сбился.

– Ишь... – бросил Снайп.

Тогда Джоакин спрыгнул с лошади. Бойко свистнула стрела, но прошла мимо – парень метнулся слишком быстро. Вот он уже на ногах, а вот – заносит обнаженный меч. Косматый шагнул к нему и рубанул. Джоакин отбил, лягнула сталь. Секира ушла вниз-вбок, и пока косматый вновь заносил ее, Джоакин ударил с короткого замаха и рассек противнику предплечье. Секира брякнулась на бревна, брызнула кровь, косматый завизжал, как свинья. Красавчик шагнул к нему, но вместо того чтобы добить, обхватил противника и крутанул вокруг себя – ни дать ни взять пляска на деревенской свадьбе. Вовремя: лучник, нацелившись было, увел выстрел вбок, чтобы не попасть в товарища, и стрела, назначенная Джоакину, лишь оцарапала руку. Отбросив раненого, Джоакин выхватил кинжал из ножен и метнул. Лучник хрипнул, с хрустом обвалился наземь.

Все это случилось так скоро, что остальные едва успели прийти в движение. Снайп взял топор и спрыгнул с козел, старик, перехватив цеп, бросился к Джоакину. Разбойник, что прежде держал лошадей, надвинулся на Снайпа и обрушил секиру. Дезертир парировал, ударил в ответ. Оружие сшибалось опять и опять. Бой на топорах сравнительно нетороплив, так что Хармон имел времени в достатке. Он взвел арбалет, тщательно прицелился и пробил разбойнику правое плечо. Тот выронил оружие, и следующим ударом Снайп прорубил ему бок ниже ребер.

Хриплый тем временем теснил Джоакина. Проворно орудуя цепом, он не давал парню приблизиться для мечевой атаки. Чугунный шипастый шар на цепи угрожающе посвистывал, выписывал дуги в опасной близости от Джоакиного носа.

– Эй, седой лорд, – прикрикнул Хармон, наводя арбалет. – Ты бы бросил эту грюкалку, а то, неровен час, покалечишься...

Старик оглянулся и оценил шансы. Снайп подступил к нему.

– Хармон?.. – крикнул седой. – Никак Хармон-торговец! Сказал бы сразу, что это ты. Чего прячешься-то?!

– Да я, видишь, задремал в фургоне, – миролюбиво признался Хармон. – Проснулся – а тут такая катавасия... Но ты это, цеп все-таки положи. Иначе не выйдет у нас взаимного понимания.

Бежать было некуда – Седой стоял на мостке, зажатый Джоакином с фронта и Снайпом с тылу. Он нехотя бросил оружие.

– Хармон, ну ты сам-то... – проворчал старик. – Зачем ты с нами так, будто мы разбойники какие...

– Нет, что ты! – округлил глаза торговец. – И в мыслях такого не имел! Какие же вы разбойники? Честные лесные лорды, работники цепа и топора. Но вот мой наемник новенький – он в здешних местах впервой, не признал вас сразу... Ты уж не серчай.

Из арьергарда подтянулся, наконец, Доксет. Он толкал перед собой острием копья молоденького перепуганного паренька, рядом важно шествовал Вихренок.

– Хозяин, там в кустах еще один был, мы вот его изловили, видишь!

– Молодцы, – похвалил Хармон. – Отберите у него все железки, что найдете, и отпустите на все четыре. На кой он нам.

Хриплый старик оживился:

– Хармон, так, может, это... и я тож пойду?

– О раненых товарищах не желаешь побеспокоиться?

Секироносец с дырой в боку уже не дергался, остальные двое сопели и постанывали. Было заметно, что старику плевать на них и сохранение собственной шкуры видится ему единственно важной задачей. Однако он просипел:

– А то как же. Возьму их, значит, под ручки, и пойдем себе.

– Конечно, – кивнул Хармон. – Возьмешь и пойдешь, отчего же нет. Раненым уход нужен, старикам – покой. Тридцать агаток.

– Чего?!

– Агаток. Это круглые такие серебряшки с женским личиком. Тридцать. Это трижды столько, сколько у тебя пальцев.

– Хармон... Хармон!.. – заныл Седой. – Хармон, слышь... Это же пол-елены! Откуда у меня столько? Помилосердствуй!

– Помнится, год назад наше с тобою знакомство стало мне в дюжину агаток.

– Так дюжина же! Не тридцать! – возопил старик.

– Так и год прошел. А деньги к деньгам липнут, как снег к снегу. И вот я думаю, что ты на мою дюжину серебряков еще полторы успел наклепать. Я бы точно успел, останься та дюжина в моем кошельке.

– Они... э... они... там, в хижине.

– А то как же! Конечно, в хижине, – участливо кивнул Хармон. – Сам сходишь?

– Да, да! Мигом обернусь!

Хармон зажмурился.

– Раз, два... – раскрыл глаза. – Вот и прошел миг. Считаю, обернулся. Красавчик, возьми у лесного лорда оплату.

– Э, э, стой!

Джоакин упер острие меча в кадык хриплому и выдавил капельку крови. Старик сунул руку за спину, снял с пояса висевший сзади мешочек, затем еще один. Снайп оглядел его и убедился, что изъято все. Хармон развязал мешочки и пересчитал. Двадцать четыре агатки – три полновесных серебряных глории. И еще горсть-другая медных звездочек.

– Я рад, что ты поступил осмотрительно, седой лорд. Это было весьма разумное вложение денег. Теперь забирай своих недорезанных приятелей – и прочь с дороги.

Прежде чем двинуться дальше, Снайп подобрал топоры и лук, а Джоакин выдернул из бедра лучника свой кинжал.

С полмили молодой наемник угрюмо молчал. Затем поравнялся с Хармоном и спросил:

– Это ты... вы мне, выходит, испытание устроили? Вы же знали, что у мостка эта шваль обретается?

– Ну, не то чтобы знал, но надеялся, – ответил торговец, – Год времени прошел, кто-нибудь мог удосужиться их изловить. Однако дорога, как видишь, грязная, здешние люди ее не любят, а уж рыцарский отряд точно тут не поедет, так что...

– Ну, Хармон! Вы поступили... – Джоакин замялся.

– Если у тебя там на языке вертится «подло» или «низко», или еще экое словцо, то ты его лучше придержи. Подло было бы взять с хозяина плату за охрану, а потом не суметь справиться с горсткой лесных голодранцев. Вот это было бы низко. А я поступил всего лишь неожиданно... но и прибыльно для тебя.

Хармон махнул рукой, подзывая, Джоакин нехотя подъехал поближе. Торговец протянул ему полдюжины агаток.

– Бери. Ты заслужил их. Отличная работа.
Джоакин взял монеты и глухо переспросил:

– Правда?

– Чистая. Я даже не ждал от тебя такой прыти. Ты больно уж похваляешься. Многие похваляются, но ты ловчее, чем бывают хвастуны.

Слова звучали искренне – Хармон приятно удивился Джоакинову мастерству. Но это была лишь половина удивления. Вторую вызвал кинжал.

После схватки Джоакин наспех обтер его травой от крови, а на ближайшем привале принялся основательно чистить. Увидев оружие, Хармон присел рядом, попросил поглядеть. Отличная, изящная работа: узкое сверкающее лезвие, витиеватая посеребренная гарда, но главное – два полукруглых выреза в основании рукояти, этак под черничную ягоду размером.

– Где ты взял его? – спросил Хармон.

– Боевой трофеей.

– Ты же понимаешь, приятель, что это за штука?

Джоакин кивнул. Но Хармон все же уточнил:

– Это искровой кинжал. Одним касанием лезвия можно уложить тяжелого латника.

– В нем нет очей, – печально буркнул Джоакин.

– Верно, – согласился Хармон, поглаживая пальцем пустые выемки. – С очами стоил бы дороже, чем вся твоя экипировка вкупе с лошаденкой. Но и без них ты мог бы выручить за него пару елен. Хочешь, помогу продать?

– Нет, – покачал головой Джоакин.

Хармон повертел кинжал еще, разглядел вензель на навершии рукояти.

– Это парадное оружие, не боевое, – сказал Хармон. – Для сражения он слишком короток и изящен. Такой штуке место в дворцовой зале, на боку у какого-нибудь лорденыша.

– И что?

– Ты не мог взять его трофеем в бою. Мог украсть, но вряд ли, если я хорошо рассмотрел тебя. А мог добыть в поединке – это более похоже. В любом случае, за то или другое легко можешь вляпаться на позорный столб с плетьюми. А если попадешь на глаза тому, кто украшает грудь таким же вензелем, – Хармон показал навершие кинжала, – то, глядишь, и пеньковым ожерельем разживешься.

– Не продам, – хмуро покачал головой Джоакин и отобрал кинжал.

По мнению Хармона Паулы, это было глупое решение. Таскать на поясе обвинение против самого себя, вместо того чтобы носить серебро в кармане, – явная дурость. Однако когда Хармон вернулся в фургон, глаза его поблескивали. Загадка. Хорошо, когда в человеке – загадка! Для него самого, может, и не особо, но вот наблюдать его со стороны, пытаться разгадать – отличная забава!

Хорошо бы девицу ему, подумал Хармон о парне. Такие, как он, особо забавны, когда влюблены... или когда в них самих влюбляются. Хармон Паула не ожидал, как скоро он окажется прав, и даже дважды.

Стрела

*Апрель 1774 года от Сошествия
Кристалльные горы (герцогство Ориджин)*

– ...По этой самой тропе! Наши Праотцы – сотня здоровых мужиков, все как на подбор суровые, крепкие, бородастые; им все нипочем, как дикому вепрю. А среди них – семнадцать нежных цветочков, розовых таких жемчужинок – святые Праматери. Они ступают по тропе своими тонкими ножками, со всех сторон окруженные надежной мужской защитой. Янмэй Милосердная и Светлая Агата, и Мириам Темноокая, и...

Ты всех семнадцать Праматерей перечислишь или кого забудешь? Или устанешь наконец? – подумал с надеждой Эрвин. Говоривший, однако, не знал усталости. Он звался бароном Филиппом Лоуфертом и являлся имперским наблюдателем при экспедиционном отряде. Для всякого похода за известные границы Империи необходимо включать в число участников человека, напрямую служащего Короне, – закон Константина, издан в тринадцатом веке... Филиппу Лоуферту было изрядно за сорок, он носил козлиную бородку и считал себя гением красноречия.

– ...Женщина – это жемчужинка, и ей подобает лежать на мягком ложе в безопасном укрытии раковины, в объятиях железного панциря. Вот каков должен быть мужчина – несокрушимый, жесткий, а внутри него – нежная душа, раскрывающаяся только...

Одежда Филиппа пестрела золочеными вензелями повсюду, куда только можно было их вlepить. С этакой слащавой улыбочкой он изрекал банальные пошлости непрерывным, безудержным потоком.

– ...Только тогда женщина будет счастлива с вами, если сможете оградить ее непробиваемой стеной и заслонить от жестокого мира. Вот так, молодой человек.

Ах, да. Еще он упорно называл Эрвина Софию Джессику, наследного герцога древней земли Ориджин, «молодым человеком».

– Я чрезвычайно благодарен за науку, барон. Вы раскрыли мне глаза, – сообщил Эрвин. Филипп не уловил сарказма.

– Да, молодой человек, быть мужчиной – это искусство. Когда я впервые оказался в этих горах...

Скалы – взметнувшиеся к небу величавые громады – выглядели хрупкими. Много веков назад неведомая сила ударила в них и расколола, раскрошила, как стекло. Сквозь горный хребет, прорезая его, легло ущелье – зияющая рана, заваленная обломками породы. Мельчайшие были размером с мизинец, крупнейшие – со сторожевую башню, поваленную и замершую на дне ущелья в нелепом угловатом равновесии. Среди обломков находила себе путь река, шипела и журчала, вспенивалась, порою подхватывала несколько камней и волокла, сбивая в нестройные груды. И тут же река принималась злиться, становилась на дыбы, преодолевая собою же созданные заторы. От потока восходили склоны ущелья – сперва плавно, затем круче, а затем превращались в отвесные темные стены, испещренные прожилками блестящих пород. Вдоль подножья скал, в сотне ярдов над рекой, лепилась к склону тропа, по ней, неторопливо извиваясь, ползла цепочка путешественников.

Отряд состоял из сорока человек. Его ядро составляли одиннадцать кайров – северных рыцарей, прошедших посвящение. Каждого кайра сопровождали двое греев – пеших воинов, состоящих в услужении у рыцарей. Воины делились на две группы – ведущую и замыкающую, защищая отряд с фронта и тыла.

В авангарде ехал также механик Луис Мария. То и дело он останавливал коня, чтобы зарисовать некую деталь рельефа, и весь отряд принужден был останавливаться вместе с ним.

Герцог Десмонд Ориджин питал наивные надежды на то, что через Кристальные горы можно проложить рельсовую дорогу. Он отдельно оговорил это, когда давал распоряжения Эрвину и Луису. Следуя приказу, механик старательно наносил на карту маршрут и помечал преграды, которые придется устранить.

В безопасной середке отряда ехали Эрвин с имперским наблюдателем. В спину им дышали вьючные ослы, ведомые греями. Животные издавали характерный запах, отлично ощутимый благодаря попутному ветру. Процессия двигалась со скоростью самого медленного ослика, то есть еле ползла.

Ширины тропы хватало лишь на одного всадника, Филипп Лоуферт ехал на корпус позади Эрвина и без усталости разглагольствовал. Его слова смешивались с колоритным благоуханием вьючных ослов.

– Когда я впервые оказался в Кристальных горах, со мною была девушка по имени Вильгельмина. У нее были золотые кудри и глаза – как спелые оливки, и фигура... Да, на фигуру стоило посмотреть. Мы поднялись с нею на скалу, вот туда, на самую верхушку, встали на краю. От ветра волосы растрепались, прямо как грива у льва. Я обнял ее сзади, повернул лицом к ветру и спрашиваю: «Чувствуешь?»

Тьма, до чего же болят ноги! Шестые сутки пути, часов по десять в седле каждый день. Эрвин всерьез подозревал, что его бедра стерлись уже до костей, и удивлялся, как еще не тянется за ним по земле кровавый след. Спина каменела от постоянного напряжения, Эрвин позабыл о том, что когда-то обладал чудесной способностью наклоняться без боли. Вчера он попробовал пойти пешком, и, как назло, весь день тропа вела то вверх, то вниз, переваливая через многочисленные уступы. К вечеру Эрвин взмок от пота и хватал воздух ртом, как загнанная лошадь. Одежда отвратительно прилипла к телу, ступни горели, кожа покрылась пунцовыми пятнами. Он поражался нечеловеческой выносливости пехотинцев, умудрявшихся тащить на себе амуницию. Сам-то Эрвин шел налегке, предоставив свой немалый багаж заботам осликов. Он оставил при себе только меч и получил от него тринадцать ударов по щиколотке, шесть – по колену, и вдобавок две весьма ловких подсечки (Эрвин вел счет). Сегодня он не стал повторять вчерашний подвиг и поехал верхом. Бедра, стертые о седло, – все же меньшее из зол.

– ...И я спрашиваю Вильгельмину: «Чувствуешь?» А она мне: «Что чувствую?» Я прижимаю ее к себе крепче и говорю: «Священную силу». И она в ответ: «Это просто ветер дует», – а я говорю: «Нет, это сила любви. Разве ты не знала? Святые Праматери сошли в мир из этих самых скал и принесли с собою любовь! С тех пор Кристальные горы наполнены силой любви!»

Отец говорил: благородный человек должен воспитывать в себе терпение ко всему – к боли, морозу и жаре, усталости и голоду. А как насчет терпения к скабрёзностям? Как бы вам понравились, милорд, шесть дней пути бок о бок с... вот с этим?

– А знаете, молодой человек, как называют вон те две округлых вершины?

Где уж мне знать! Я всего лишь родился и вырос в этих горах.

– Это Перси Святой Катрины, – провозгласил Филипп. – А вон та узкая темная пещера – слышали ее прозвище?

Эрвин ужаснулся при мысли о том, что, возможно, сейчас услышит, и поспешил перехватить инициативу:

– Пещера зовется гротом Косули. В ней Светлая Агата расположилась для ночлега, изнемогая от голода, как вдруг увидела худую белоснежную козулю. Воин, что был с Агатой, схватил копьё, желая убить животное, но Праматерь удержала его руку со словами: «Отпусти ее. Она слаба и одинока, будь милосерден». Косуля убежала в глубь грота, Праматерь из любопытства пошла за нею. Пещера пронизывала всю скалу, и вскоре Светлая Агата добралась до выхода на западный склон горы и оттуда увидела цветущую плодородную долину.

Эрвин говорил подольше, стараясь оттянуть продолжение Филиппова словоблудия, но вот неизбежный момент наступил.

– Да-да, именно это я и рассказал Вильгельмине, когда мы вошли в грот Косули.

Отряд в очередной раз остановился, Филипп Лоуферт подъехал ближе к Эрвину, самодовольно улыбаясь.

– Тогда Вильгельмина спрашивает меня: «А почему Праматерь Агату называют Светлой?» А я и отвечаю: «Из-за цвета волос, они были у Агаты словно жидкое серебро. А тебя, милая, менестрели назовут в своих песнях Вильгельминой Златокудрой». Я сказал это и зарылся лицом в ее волосы, а она так и замерла. Женщины обожают, когда ласкаешь их волосы. Запомните это, молодой человек.

С меня хватит. В конце концов, я – глава эксплораты, мое место – впереди! Эрвин отпустил поводья и двинулся по тропе к авангарду.

– Почему снова встали?! В чем заминка?

Грей сторонились и прижимались к скале, пропуская лорда. Но, видимо, не особо расторопно, а может быть, Эрвин ехал слишком быстро. Один из воинов не успел отскочить, и герцогский жеребец сшиб его с ног. Невезучий пехотинец слетел с тропы и покатился по склону. Десятью ярдами ниже он угодил ногой в щель меж камней, послышался хруст. Грей учатся терпеть боль молча, но этот не справился и заорал во все горло.

Первым порывом Эрвина было спрыгнуть с коня, сбежать вниз и попытаться помочь несчастному. Он замешкался, примериваясь, как бы спуститься безопасно и самому не скатиться в ущелье. Тем временем Теобарт – капитан кайров – выкрикнул приказ, и несколько воинов побежали к раненому. Когда Эрвин добрался до места, они вытаскивали покалеченную ногу из расщелины, а раненый кусал себя за руку, пытаясь сдержать крик. Подошел Фильден – лекарь отряда. Бесцеремонно ощупал ногу, срезал штанину. Кость была переломана в двух местах, иззубренный обломок разорвал кожу и торчал наружу, лилась кровь. Эрвина замутило, он отвернулся, уставился на реку. Раненый то затихал на время, то вновь захлебывался воплем, а лекарь отрывисто приказывал что-то. Эрвин не смотрел на них, но и не уходил. Наконец крики прекратились. Нога воина была перемотана тряпицей и обжата двумя деревянными брусками, связанными меж собой. Лекарь вытирал ладони от крови.

– Раненого зовут Бак, – доложил капитан. – Он грей кайра Джемиса.

Эрвин пока еще не выучил имен всех своих подчиненных, но Джемиса помнил: этот кайр взял с собою пса.

Джемис встал над раненым, оглядел его сверху вниз. Серая овчарка появилась рядом с хозяином, деловито обнюхала кровавую повязку на ноге грея, лизнула. Бак смотрел на кайра виновато и испуганно.

– Скотина, – процедил Джемис. – Неуклюжая тварь.

– Простите, господин, – выдавил Бак.

– Ты должен был уступить дорогу лорду.

– Да, господин. Моя вина.

– И что мне теперь делать с тобой?

Овчарка почуяла настроение хозяина и ощерилась. Раненый грей сжался, обхватив себя руками. Эрвину следовало бы сейчас вернуться на тропу и предоставить кайру Джемису наказать грея любым удобным способом. Эрвин – наследный лорд; Бак – низкородный мальчишка лет четырнадцати, крестьянский сын, судя по широкому веснушчатому лицу. Не может быть сомнений в том, кто из них виновник происшествия.

Позже Эрвин не раз спрашивал себя – отчего же он поступил иначе? Зачем-то взял и сказал:

– Джемис, ваш грей ни в чем не виноват. Это я был неосторожен на тропе.

Кайр обернулся к лорду. Злость на его лице дополнилась недоумением, растерянностью. Джемис лишился слуги в самом начале долгого похода, и это создаст ему массу неудобств. До последнего момента он хотя бы знал, на ком сможет выместить досаду. Теперь вину взял на себя лорд, тем самым лишив кайра возможности выплеснуть раздражение и наказать виновника.

– Милорд, не защищайте его, – проворчал Джемис. – Он – тупая скотина, я сожалею, что взял его в обучение.

Кайр пнул раненого.

– Прекратите, – приказал Эрвин. – С вами двое греев, верно? Второй будет служить вам в походе, когда Бак вернется в Первую Зиму.

– Милорд, никуда он не вернется! – отрезал Джемис. – Я не позволю ему прохладиться!

– Вы с ума сошли?! – удивился Эрвин. – Как он сможет идти?

– Фильден, сколько времени нужно, чтобы срослись кости? – Джемис повернулся к лекарю.

– Месяц.

– Месяц этот дурак проведет верхом на осле. А потом отработает с лихвой! Я его научу ловкости.

Эрвин нахмурился, происходящее начало сильно его беспокоить. По северным законам кайр – полновластный хозяин грея. Лорду не следует вмешиваться в их взаимоотношения. Однако суть в том, что Эрвин отдал прямой приказ, а Джемис ослушался. Неподчинение нельзя спускать ни при каких обстоятельствах – уж этот урок Эрвин хорошо усвоил от отца.

– Кайр, вы меня, похоже, не услышали, – процедил молодой лорд. – Я сказал, что раненый вернется в Первую Зиму.

– Милорд, – возмутился Джемис, – но это же мой грей!

– Мне плевать, чей он! – бросил Эрвин с нарастающим раздражением. – Будь он хоть слугой архиепископа, он все равно вернется в Первую Зиму, поскольку я так решил.

Джемис упрямо склонил голову, взвешивая на языке слова. Капитан Теобарт внимательно прислушивался к диалогу, но не спешил вмешиваться. Лекарь и несколько греев также были рядом. Внезапно Эрвин осознал, чем дело обернулось для него: испытанием. Если кайру хватит наглости ослушаться лорда, весь отряд узнает об этом, и Эрвин будет опозорен. Придется наказать Джемиса... но тогда выйдет, что и раненый, и его хозяин пострадали из-за Эрвиновой неуклюжести. Грей – простолюдин, плевать на него. Но наказать рыцаря за свою собственную промашку – это не к лицу лорду.

Эрвин не знал, что делать в таких ситуациях. Он буравил Джемиса взглядом и ждал, всей душой надеясь, что тот подчинится.

– Милорд, – вымолвил кайр, – у Бака нога сломана, он сам не доберется до Первой Зимы. Прикажете ему умереть по дороге? Или мне следует отдать второго грея ему в няньки?

Вопрос попахивал откровенной издевкой. Кровь бросилась в лицо Эрвину, он против воли сжал кулаки. Серая овчарка Джемиса подняла морду и пристально смотрела на Эрвина.

– Кайр, я дам своего грея в сопровождение раненому, – ледяным тоном вымолвил лорд. – У вас имеются еще вопросы?

Вот тут капитан Теобарт сделал худшее, что только мог выдумать. Он сказал Джемису:

– Выполняйте приказ, кайр.

– Слушаюсь, капитан, – с ухмылкой кивнул Джемис и потрепал по холке собаку.

На самом деле, к походной жизни можно привыкнуть.

Можно смириться с солнцем, которое светит особо яростно именно тогда, когда ты движешься в гору, и выжимает из твоей спины ручьи пота. Можно привыкнуть и к холоду, который воцаряется на теневом склоне, едва только солнце спрячется за вершинами. К зябкой сырости,

что ночью заползает в шатер, выпадает росой на одежду и одеяла и заставляет тебя дрожать, словно мокрый щенок. С пищей свыкнуться сложнее: она жестка, как подметка, и настолько солонна, что скулы сводит; а в качестве разнообразия на вечернем привале можно отведать смердящего варева из котла. Можно, в конечном итоге, привыкнуть и к вечной грязи под ногтями, и к слою пыли на волосах, и к необходимости совершить пробежку в сотню ярдов, если желаешь в уединении справить нужду. Приходится смириться и с вонью, которая неизменно сопровождает отряд: смрад конского навоза, ослиной мочи, человеческого пота, грязной одежды... Искусство путешественника состоит в том, чтобы ничего не замечать. Умелый путник подобен волю или корове: он впадает в состояние блаженного тупого безразличия. Бредет и ест, ест и бредет, не заботясь ни о чем...

Эрвин тщетно старался привести себя в нужное состояние духа. Боли в ногах и спине, мозоли на самых неожиданных частях тела, жар и холод, собачий рацион – он тешил себя надеждой, что когда-нибудь (не завтра, конечно, но спустя время) сможет как-то смириться со всем этим. Что давалось сложнее всего – это мыслительный голод. День за днем проходили без единой интересной беседы, без новостей, без открытий, не давая уму даже скудной пищи. Пустая голова ныла куда мучительней пустого желудка, требовала подпитки. Величавые картины природы сменялись слишком медленно, разговоры были редки и пусты. Мысли Эрвина, не находя достойного предмета, вновь и вновь обращались к безрадостным темам: отцовской несправедливости, позорному замужеству сестры, упущенной политической возможности. С утра до ночи Эрвин ходил угрюмый, как ворон. Все, что он оставил в Первой Зиме, было из рук вон плохо. Любое воспоминание нагоняло тоску, тот же результат давали и мысли о будущем. Осенью, когда отряд вернется, император уже заключит помолвку; более расторопные из Великих Домов получат призы: владения, льготы, привилегии. Ориджины же так и останутся прозябать в своих славных и нищих просторах. Прекрасная Иона станет хозяйкой огрызка земли, по причуде истории именуемого графством. Она выносит в себе купеческого сыночка, который – по еще одной странной причуде – получит родовое имя Светлой Агаты. Деньги, взятые выкупом за невесту, будут потрачены с великой пользой: под мостовой Соборной площади выстроится огромная могила с полусотней комфортных склепов, один из которых – о счастье! – достанется ему, Эрвину Софии Джессике, наследному герцогу Ориджину.

Впрочем, сегодня к букету жизнерадостных мыслей добавилась еще одна – новая, свеженькая. Стычка с кайром Джемисом не шла из головы. Скверный это был случай, если задуматься. Такого происходить не должно.

Джемис позволил себе пререкание с лордом, да еще в присутствии свидетелей. Возможно, справедливость была на его стороне. Возможно, не Эрвину следовало решать, как поступить с греем Джемиса. Но суть не в том, кто прав. Суть в том, что Джемис зарвался, а Эрвин спустил. Прозевал тот короткий решающий миг, когда нужно было показать твердость, жестко пресечь спор и наложить наказание. А затем вмешался капитан Теобарт и испортил положение лорда. Он подтвердил приказ Эрвина, а строптивый кайр подчинился. Фактически выполнил то, что требовалось, но показал, что повинется лишь капитану, а не герцогскому сынку. На вечернем привале весь отряд узнает про это. Даже если смолчит сам Джемис, то уж точно разболтают греи.

И вот возникает вопрос: чем окончится поход, если сорок вооруженных мужчин возомнят, будто могут не подчиняться лорду?

– Теобарт, – позвал Эрвин. Капитан обернулся:

– Милорд?

О чем я, собственно, хотел спросить? Вы сознавали, капитан, какую дурость делаете, когда окунули меня носом в грязь? Не планируете ли вы, случаем, поднять мятеж?.. Теобарт

терпеливо ожидал вопроса. Морщинистое суровое лицо, седая борода, обритый наголо череп. Глаза холодные, но ясные, без тени хитринки.

Капитан Теобарт знаком Эрвину с детства. Шестой сын небогатого кайра, в семнадцать лет Теобарт уже и сам получил красно-черный плащ, а в двадцать три сделался оруженосцем герцога Ориджина, Эрвинова отца. Они бились бок о бок на нескольких войнах. Говорят, Теобарт дважды спасал великого лорда от смерти. Говорят, один из долгов герцог вернул. Теобарт – не горячая голова. В Первой Зиме он оставил жену и трех дочурок. Надеется дожить до старости, получить от герцога кусок земли в награду за верную службу и оставить дочкам хорошее наследство.

Вне сомнений, герцог Ориджин приставил его к Эрвину в качестве няньки. Опытной такой, рассудительной, бритоголовой няньки, весьма скорой в обращении с мечом. По всей видимости, Теобарт действовал из одних лишь благих побуждений. Решил, что Эрвин не справится с Джемисом, вступился на стороне лорда. Добрый рыцарь, по идее, именно так и должен поступать...

– Где остановимся на ночлег? – наконец спросил Эрвин.

– До заката еще около часа, милорд. Мы успеем подняться на уступ под южным склоном Орла, – указал Теобарт рукой, – там будет достаточно места для лагеря.

Эрвин огляделся. Тропа спустилась ближе к реке, и отряд как раз вышел на просторную поляну с несколькими приземистыми деревьями. Поляну, мурлыча, пересекал ручеек, вливался в речку.

– Капитан, заночуем тут, – скомандовал Эрвин.

– Милорд, из-за близости к воде здесь будет очень сыро. На уступе место более подходящее.

– Остановимся здесь, – повторил Эрвин.

– Да, милорд.

Капитан отдал приказ, отряд остановился, всадники спешились.

– Теобарт, – добавил Эрвин, – я хочу, чтобы этой ночью первую вахту нес кайр Джемис.

Капитан ответил очень спокойно – не возразил, а проинформировал:

– Ночная вахта – дело греев, а не кайров, милорд. Рыцарям редко дают подобные поручения.

– Я это знаю.

– Слушаюсь, милорд.

Эрвину остро захотелось отдать какое-нибудь абсурдное распоряжение: поставить шатры среди реки, пустить на мясо осла, отправить четверку кайров собирать эдельвейсы. Он всегда презирал лордов, что проверяют свою власть при помощи дурацких приказов, а вот сейчас на удивление хорошо понимал их чувства.

– Теобарт, велите разжечь для меня отдельный костер.

Обычно, останавливаясь на привал, разводили два огня: для греев и для кайров. Эрвин, имперский наблюдатель и механик присоединялись к рыцарям. Даже для двух костров топливо находилось с трудом: жесткие скрюченные деревца едва годились на дрова, валежника было мало, как и сухой травы. Третий костер означал лишний час поисков топлива в окрестностях лагеря и не давал никакой практической пользы.

– Слушаюсь, милорд, – кивнул капитан.

При всем богатстве фантазии, Эрвин не смог бы назвать это своим управленческим успехом. Но все же на душе стало спокойнее.

Он подозвал Томми – своего оставшегося денщика – и велел распаковать багаж. Эрвин взял с собою несколько вещиц, надеясь скрасить ими быт путешественника. По походным меркам, они оказались настолько причудливыми, что до нынешнего дня Эрвин стеснялся выставлять их напоказ. Слуга распаковал складной стол с тремя стульями; бочонок шиммерийского

вина, голову сыра, копченый окорок, горшок оливок, несколько яблок и жестянку шоколадных конфет. На столе появилась даже масляная лампа, в которой заплясал уютный желтый огонек.

Для светского ужина не хватало лишь гостей. Эрвин пригласил барона Филиппа и механика Луиса, оба с большим удовольствием согласились. Филипп даже раздобыл из собственного багажа жбан крепкой пряной настойки, по его словам – литлендской. Конечно, имперский наблюдатель слащав и глуп, а механик – низкородный мещанин, но все же это образованные люди, выходцы из Земель Короны.

Костер возле лордского стола был зажжен первым. Греи еще складывали поленья для двух других очагов, когда Эрвин с гостями приступили к трапезе.

– Приятно смотреть на огонь, – приговаривал Филипп, отрезая себе шмат мяса. – Пламя пробуждает в человеке его сокрытое нутро. В каждом из нас, молодые люди, дремлет звериная сила. Особенно она могуча в женщинах. Какой бы кроткой ни была девица, но стоит разбудить в ней спящую силу – и вы увидите пред собою пантеру.

Он рассказал о нескольких кротких девицах, которых знал. Поведал и о том, какое особое наслаждение – предаваться любви на снегу у горящего костра. Эрвин не вслушивался в слова, но само звучание голоса доставляло ему удовольствие, поскольку Филипп говорил с восточным акцентом: подтягивал «у», припадал на «ш», смягчал «а» настолько, что они превращались почти в «э». Так говорят в Фаунтерре, в особняках столичной знати; с таким вот акцентом мурлычут надменные первородные леди и франтовитые судари с искровыми рапирами на боках.

Механик Луис Мария чувствовал себя поначалу неловко, но вино и сытость сделали свое дело, постепенно он разговорился. До сей поры Эрвин не давал себе труда присматриваться и прислушиваться к нему. Лорд питал к Луису ощутимую антипатию и предпочитал держать его на расстоянии. Не то чтобы Луис чем-то не угодил ему. Все дело в диспозиции, как сказал бы полководец. В той диспозиции, которую занимал Луис по одну сторону двери, в то время как по другую сторону этой двери старый герцог смешивал с грязью молодого.

Однако сейчас, под вкус шиммерийского вина, Луис показался Эрвину весьма забавным человечком. Механику едва ли исполнилось двадцать пять. У него были волнистые волосы цвета соломы, наивные зеленые глаза и веснушки на щеках. Он стеснялся и становился комично рассеян: совал в рот нож вместо вилки, пытался хлебнуть из опустевшего кубка, невпопад всохатывал и постоянно просил прощения за что-нибудь.

Как выяснилось очень скоро, Луис Мария был влюблен. Где-то в Землях Короны его ждала девица, которую механик называл не иначе как «моя леди». Он не ставил целью хвастовство, а, кажется, просто не мог не говорить о своей даме сердца. Со слов Луиса выходило, что «его леди» – нежное большеглазое тщедушное создание, сродни горной лани. И только слепой мог не заметить, что «его леди» – прекраснейшая из женщин на свете!

– Молодой человек, давеча вы были среди гостей на свадьбе в Первой Зиме, – с некоторой насмешкой заметил Филипп. – И, конечно, видели сестру лорда Эрвина – леди Иону. Что же тогда вы скажете о женской красоте?

– Милорд, вы меня простите, – смешался Луис и покраснел до кончиков ушей, – я ничего плохого... Вы не подумайте, милорд, я в высочайшем... глубочайшем восторге и в полном почтении к леди Ионе! Но если бы вы видели мою леди, милорд, то вы бы поняли! Она...

Луис растерялся, пытаясь подобрать слова.

– ...Моя леди – она как тончайшее белое кружево, как лебяжий пух! Даже боюсь дотронуться – кажется, мои руки слишком грубы, чтобы коснуться ее кожи, а мои слова слишком неуклюжи для ее слуха. Боюсь даже дохнуть в ее сторону. Вот кажется, вдруг подую – а она погаснет, словно огонек свечи! Такая она, милорд!

– Это скверно, молодой человек, что боитесь дотронуться, – со знанием дела вставил Филипп. – Девицы любят, когда их трогают, и чем грубее – тем лучше. Схватите ее покрепче, молодой человек, и она тут же растет.

– Нет, нет, что вы! – в ужасе вскричал Луис. – Я ни в коем случае, у меня исключительно чистые помыслы! Как только вернусь из эксплораты, тут же попрошу руки моей леди. Только бы боги были милосердны и уговорили ее согласиться! Если хотите знать, мне и деньги-то нужны, чтобы составить достойный выкуп за невесту. Потому я и в путешествие нанялся!

– Ради выкупа-то? – Филипп хохотнул. – Что за чушь! Вы бы лучше на эти деньги купили ей парфюм или брошь жемчужную – тогда-то девица падет в ваши объятия. А сватовство – это потом успеется. Свататься будете, когда сударыня уже иссохнет, изойдется от тоски по вас. Тогда она своего папеньку уговорит и безо всякого выкупа за вас пойдет. Уж будьте уверены, молодой человек!

– Вы говорите ужасные вещи, сударь! Поверьте, что я питаю к моей леди самые чистые и высокие чувства и никогда себе не позволю...

– Чтобы вы знали, молодой человек: высокие чувства – это признак мужского бессилия.

Эрвин слушал, не вмешиваясь в их перепалку. Механик со своей щенячьей влюбленностью оказался прекрасным развлечением, вполне способным развеять походную скуку. Ирония заключалась уже в самом его присутствии здесь: как только угораздило это двуногое чудо оказаться в походе с четырьмя десятками головорезов?..

Начинало темнеть. Неаппетитные запахи из солдатских котлов и оживленные голоса греев говорили о том, что остальные члены отряда наконец тоже приступили к трапезе. Эрвин высмотрел кайра Джемиса: тот прохаживался вдоль восточного края лагеря, серая овчарка лежала неподалеку, переводя голодные глаза с котла на хозяина – и обратно к котлу. Прелесть первой вахты состоит в том, что часовые вынуждены дежурить с пустым желудком и глотать слюни от запахов чужой еды. Лишь после полуночи, сменившись с вахты, можно будет перекусить холодными объедками.

Кайр Джемис поймал взгляд Эрвина и положил руку на эфес. Традиционный жест бдительности часового смотрелся в данной ситуации весьма двусмысленно. Потом Джемис перевел взгляд на Луиса и качнул головой – коротко, но красноречиво. Он, низкородный южный сопляк, жрет лакомства с вашего стола, милорд, пока я – славный рыцарь и ваш соотечественник! – захлебываюсь слюной. Эрвин подмигнул Джемису: то-то же, делайте выводы.

Когда он вновь прислушался к разговору, тема уже переменялась, разногласия между Луисом и Филиппом были забыты.

– Моя леди, сударь, – она без ума от столичной жизни, – рассказывал механик барону. – Бедняжка всего единожды была в Фаунтерре, и то лишь месяц, но с тех пор все время вспоминает! Она будет так рада, если я смогу рассказать ей что-то о столице. Ведь вы жили в Фаунтерре, сударь? Знакомы ли с владыкой? Каков он? Как проходят приемы?

– Наш владыка Адриан – великий человек, – со значением изрек Филипп. – Раз в столетие посылают боги на Землю такого правителя. То, что нам кажется незыблемым и вечным, для Адриана – не преграда. Если на его пути окажется море, он скажет: «Копайте здесь и здесь», – и будут копать, пока море не стечет и не исчезнет. Все в нашем мире подвластно желанию императора. Воля владыки – самое твердое, что есть на свете. Все остальное вынуждено подстроиться под нее, как молоко принимает форму кувшина, в который налито.

– А дворцовые приемы? Правда ли они столь великолепны, как рассказывают?

– Молодой человек, я не видел ничего великолепней и блистательней, чем двор владыки Адриана!

Эрвин повел бровью. Он не встречал Филиппа ни на одном из множества балов, устраиваемых Короной, да и сам барон Лоуферт не очень-то напоминал персону из высшего общества. Механик, однако, принимал повествование Филиппа за чистую монету.

– Расскажите, прошу вас, во всех подробностях. Я постараюсь запомнить для моей леди!

Филипп рассказал, обращая особое внимание на женскую сторону вопроса. Какие девицы бывают на балах, во что наряжаются, как себя ведут, и в особенности как они падки на зрелое очарование уверенного в себе мужчины.

– Вы понимаете, сударь, что я не могу раскрывать подлинных имен. Тою зимой при маскарде встретил я одну хорошенькую юную леди в маске иволги – назову ее, скажем, Мариеттой. И вот я закружил ее в танце, а Мариетта щебечет из-под своего клювика: «Сир, у вас такие крепкие руки! Вы, наверное, привычны к оружию потяжелее, чем рапира». А я говорю: «Сударыня, мое главное оружие – не железный клинок»...

Эрвин отправлял в рот оливки, маленькими глотками смаковал терпкое вино. Кайры издали поглядывали в его сторону, жуя овсянку. В отблесках огней сложно было понять их выражения, да Эрвину и было все равно. Ну, если приложить немного усилий, то будет все равно. Поглядывают – и пускай себе.

– А кто из дам красивее всех при дворе? – спросил механик.

– Молодой человек, этот вопрос сразу выдает в вас мужчину, далекого от столицы. Красивейшая леди двора и столицы и всех центральных земель – это, конечно, Аланис Альмера, дочь герцога Айдена.

– О, я слышал это имя! Расскажите, будьте добры! Моя леди так интересуется светской жизнью, так любит послушать о придворных!

Филипп с удовольствием потер руки, наслаждаясь ролью рассказчика.

– Леди Аланис – это бриллиант, который боги своими руками создали, отшлифовали и послали на Землю, чтобы люди поняли, какова есть истинная красота. Когда увидите ее, вы не сможете отвести взгляд, будете взирать на нее, онемев от восторга. Леди Аланис блистает на спортивных играх – зрители рыдают от восхищения, когда она выходит на арену, ступая своими длинными божественными ножками! А кроме того, леди Аланис приходится любимой дочерью и наследницей первому советнику владыки.

Досада царапнула горло Эрвину. Леди Аланис Альмера являлась одной из фигур его плана – прекрасной беспронимчивой стратегии, которой не суждено реализоваться. Эрвин не испытывал ни малейшей симпатии к самой Аланис, но то, чего он добился бы, используя ее, – о-о-о!.. Приз мог превзойти самые буйные фантазии!

– Вы умолчали о главном касательно данной персоны, – сказал Эрвин. – Когда мы вернемся в Первую Зиму, леди Аланис Альмера будет императрицей.

Луис Мария округлил глаза и подался к лорду в живейшем любопытстве. Филипп обиженно проворчал:

– Отчего вы так уверены, молодой человек? Леди Аланис наделена множеством достоинств, но и две другие претендентки – замечательные девушки!

Эрвин снисходительно улыбнулся.

– Сударь, вы полагаете, брак императора хоть как-то связан с личными качествами его невесты?

– По-вашему, владыка Адриан – слепой? Думаете, он не сумеет отличить красивую женщину от заурядной? Вы меня поражаете, молодой человек!

Эрвин лишь покачал головой. Он отлично знал, чем продиктован императорский брак, когда и как, на каких условиях будет заключен. Эрвин изучал этот вопрос с той тщательностью, с какой штурман изучает карты, готовясь вести судно в плавание. Но сыпать знаниями за кружкой вина, чтобы утереть нос одному глупцу и впечатлить другого?..

– Пожалуй, вы правы, сударь, – сказал Эрвин, и Филипп с важным видом кивнул.

– Так вот, Луис, я говорил о леди Аланис Альмера... – продолжил имперский наблюдатель.

И вдруг его голос пропал, прекратил достигать слуха Эрвина. Следом пропал и сам Филипп, и механик с ним вместе, и солдатские костры, и кайр Джемис с овчаркой, и горы... Одна беседа, случившаяся полгода назад, возникла в памяти и поглотила внимание Эрвина. То было ранней осенью во дворце Пера и Меча, в банкетном зале, где гремела музыка. С того разговора все начиналось.

2 сентября 1773 г.

Фаунтерра, престольная резиденция

– Ваша светлость, я рад передать вам слова почтения, сказанные моим отцом. Герцог Десмонд Ориджин желает вам долгих лет здравия и благополучия.

Собеседник Эрвина имеет весьма узнаваемую внешность: ястребиный нос, седые бакенбарды, угловатые скулы, выдающаяся нижняя челюсть. Аристократ высочайшей пробы, с малых лет привычный к огромной власти. Айден Альмера рода Праматери Агаты – властитель пятидесяти городов, шести судоходных рек и двадцати миллионов акров земель в самом центре Полариса.

– Благодарю, милорд. Прошу вас передать отцу мои ответные пожелания благоденствия. Пусть слава и богатство дома Ориджин множится от года к году, к нашей общей радости.

Герцог Айден Альмера – сверстник Эрвинова отца, Десмонда Ориджина. Положение в обществе и дальнейшее родство сближает их, придавая их отношениям подобие дружеских. Люди одного поколения, великие лорды, правители двух сильнейших земель империи, отпрыски рода Светлой Агаты – четвертой по счету среди Праматерей и красивейшей из них.

Айден Альмера всячески старается подчеркнуть тесноту уз, связывающих его с домом Ориджин: при каждом празднике шлет богатые дары герцогу Десмонду, в разговорах с ним по возможности использует местоимение «мы», не устает напоминать, как велик и славен род Агаты, и сколь важно его отпрыскам держаться вместе и оказывать друг другу поддержку. Недавно есть поговорка: «Лишь северянин умеет любить Север, лишь Агата может понять Агату». Айден Альмера родился тысячью миль южнее Ориджина, но не пожалел времени, чтобы посетить Первую Зиму и выказать свою глубочайшую заинтересованность в делах Севера. Наконец, герцог Альмера поощряет дружбу своей дочери Аланис с Ионой Ориджин. «Мои принцессы», – говорит он, видя девушек, и на миг даже оттаивает в теплой улыбке.

Герцог Десмонд Ориджин принимает за чистую монету все эти знаки симпатии и уважения – и совершает ошибку. За видимой общностью великих лордов скрываются существенные различия. Десмонд – воин до мозга костей, человек чести, презирающий любую хитрость, кроме тактической. Айден – расчетливый политик, вознесшийся на костях чужого неудачного заговора. Десмонд беднеет год от года, влезает в чудовищные долги, чтобы поддержать видимость блеска. Айден получает доход с двух искровых плотин и нескольких сотен ремесленных цехов, его прибылям может позавидовать и Корона. Десмонд правит северной окраиной державы и посещает столицу раз в несколько лет; Айден – первый советник императора. Герцог Ориджин выдал дочь за купеческого внука; герцог Альмера прочит свою наследницу замуж за государя.

Именно в этом, последнем обстоятельстве и состоит подлинная причина дружелюбия Айдена. Аланис Альмера – первая красавица государства, но для брака с императором ей необходим также политический вес. Слово великого герцога Ориджина в поддержку Аланис существенно повышает ее шансы на корону.

– Я также хочу выразить свое восхищение вашей дочери, неотразимой леди Аланис, – говорит Эрвин.

– Ничто не мешает вам сказать это ей самой, не так ли, милорд?

Похвалы в адрес дочки приятны Айдену, она – такой же предмет его гордости, как и древность рода, и могущество управляемой им земли. Однако герцог старается скрывать это.

– Верно, ваша светлость, я буду счастлив возможности побеседовать с нею. Впрочем, судьбу дочери лучше обсуждать с отцом, нежели с нею самой, не так ли?

Музыка звенит, переливается трелями. Чтобы слышать друг друга, собеседникам приходится почти соприкасаться головами. Но это дает уверенность в том, что предмет разговора останется между ними.

– Ваш отец, милорд, имеет соображения относительно будущей судьбы моей дочери?

– Мой отец заверяет, что примет самое деятельное участие в судьбе вашей дочери, как и было согласовано. Герцог Десмонд Ориджин сделает все, от него зависящее, чтобы брак леди Аланис устроился наилучшим образом ко всеобщему счастью.

Летом, при визите в столицу, герцог Десмонд обещал Айдену долгожданную поддержку. Так что сказанные Эрвином слова не содержат ничего нового – это лишь подтверждение уже действующего договора между Ориджином и Альмерой. Но, придав голосу вкрадчивый оттенок, Эрвин дает понять, что имеет в виду нечто большее. Лорд Айден приподнимает бровь.

– Ваш отец – человек чести. Вряд ли его слово, данное мне, нуждается в повторном подтверждении. Уверен, он послал вас ко мне не за этим.

Он вовсе меня не посылал, думает Эрвин. Он даже не счел нужным сообщить мне условия вашего договора.

– Ваша светлость, отец предполагает, что если брак вашей дочери устроится, как запланировано, то леди Аланис, как и подобает жене, станет поддерживать своего мужа во всех его начинаниях.

– Разумеется.

– И, вероятно, владычица Аланис станет преданной сторонницей императорских реформ, рельсового строительства. – Эрвин делает паузу и добавляет с ударением: – Всеобщего налога с земель...

Герцог Айден хмурится.

– Милорд, вы сбиваете меня с толку. Разумеется, став императрицей, Аланис поддержит реформы! Как и я, и ваш отец, и герцогство Надежда. В этом и состоит суть нашего соглашения. Вы намерены утомлять меня пересказом действующих договоренностей?

Я пытаюсь выяснить детали этих соглашений, ведь отец держит меня в неведении. Сейчас я узнал, что в коалицию входит также Надежда. Но это не главное. На самом деле меня волнует то, какую цену вы обещали отцу за его поддержку.

– Ваша светлость, последнее, чего мне хотелось бы, – это утомлять вас пустыми разговорами. Но та часть закона о реформах, которая посвящена всеобщему налогу, беспокоит моего отца. И чем дальше, тем больше. Ваша светлость должны понимать, что окраинное расположение Ориджина ставит его в незавидные финансовые условия, и нововведенный налог жесточайшим образом усугубит дело.

Вспышка гнева искажает благородные черты лица Айдена.

– Милорд, это было ясно оговорено! Когда Аланис наденет корону, я добьюсь для Ориджина освобождения от налогов на все время ее правления! Ваш отец изволит ставить под сомнение мое слово?!

Ага, мы добрались до сути! Вы обещали отцу освобождение от налога в обмен на его слово в поддержку Аланис. Точнее – в обмен на его отказ поддержать любую другую императрицу. Аланис проживет еще никак не меньше пятидесяти лет, и избавление от подати на все это время кажется щедрым даром... но лишь на первый взгляд. Налог будет введен будущей осенью, сейчас мы не платим его – и все равно едва сводим концы с концами. По сути, первый советник императора обещает нам всего лишь сохранение нынешнего положения дел! Иными

словами, мы будем год от года беднеть, как беднеем сейчас... а Айден Альмера тем временем усадит дочь на престол. Наши выгоды несоизмеримы, и я хочу это исправить.

– Ни в коем случае, ваша светлость. Ваше слово нерушимо, это знает каждый. Но мой отец сомневается в том, что свобода от подати на годы правления леди Аланис спасет казну герцогства Ориджин.

– Было бы абсурдно обещать больший срок, и ваш отец это прекрасно понимает!

– Я имею в виду не больший срок без налогов, а некоторые... дополнительные привилегии.

Проверка. Если Айден обещал Десмонду что-то еще, сейчас он об этом скажет.

– Ни о каких больше привилегиях речь не шла, милорд, – сухо отрезал Айден Альмера.

Бедный, бедный герцог Десмонд! Лучший полководец империи Полари, и при этом худший политик. Как же отец умудрился согласиться на подобный договор?! Когда император женится на Аланис, власть герцога Альмера станет практически неограниченной. Айден Альмера – первый советник государя, его дочь – императрица, его брат архиепископ Галлард – глава Церкви Праотцов. Имея в руках такие инструменты, Айден легко подомнет под себя весь двор. С того момента мы не увидим от Короны никаких милостей и поблажек – мы просто станем не нужны!

Решающий момент – сейчас. Наша сила нужна государю, чтобы провести в жизнь реформы, а первому советнику – чтобы выдать дочь за императора. Если мы хотим спасти свое положение, это нужно делать сегодня!

– Вы правы, милорд, – говорит Эрвин, – о других привилегиях прежде речь не шла. Однако сейчас...

– Ваш отец намерен изменить условия договора? Я не ослышался?!

Отец – нет. Но с вами говорит не мой отец, а я.

– Великого Дома Ориджин достигли слухи, что герцогству Надежда вы обещали более щедрую благодарность.

Это выстрел наугад. На самом деле Эрвин ничего подобного не слышал, да и о самом участии Надежды в тайной коалиции узнал только что. Но Надеждой правит Генри Фарвей – старый хитрец и политический соперник Айдена Альмеры. Чтобы купить его лояльность, Айдену наверняка пришлось раскошелиться. Иное дело – простодушный отец Эрвина...

Выстрел попадает в цель: морщины на переносице герцога Альмеры становятся глубже.

– Милорд, ваш отец должен понять. Надежда давно добивается у Короны права на постройку искровой плотины, я не могу вечно сдерживать их. Рано или поздно они все равно получили бы желаемое. Я обещал им лишь сократить срок ожидания.

Искровая плотина! Эрвину стоило большого труда скрыть негодование. Айден обещал Надежде искровую плотину! Это значит – всплеск жизни: мастерские с искровыми станками, мощные плавильные печи, рельсовые дороги, освещенные города! А родной Ориджин за ту же самую услугу получит... ничего? Право и дальше прозябать в нищете?!

– И тем не менее – искровая плотина, ваша светлость!

– Милорд Эрвин, мне совершенно не по нраву ваш тон. Надежда располагает рекой, удобной для постройки плотины. Горные реки Ориджина мало отвечают такой цели. Вы намерены обвинить в этом меня?

– Нет, ваша светлость... – Эрвин медлит, глядя в лицо лорду Айдену. Возникает ощущение, что Айден темнит, умалчивает о чем-то. Возможно, Надежде обещано нечто большее, чем лен на плотину.

– Что-нибудь еще, лорд Эрвин?

– Да, ваша светлость. Великий Дом Ориджин осознает сложности возведения плотины на северных реках. Поэтому мы не ведем речь о ней, но все же вынуждены напомнить: одна лишь свобода от подати не исправит того положения, которое мы очень хотели бы изменить.

– И чего же вы хотите?

Пора выбрать: дальше темнить, пытаясь выведать еще подробности, или сказать напрямую. Лорд Айден умен, вряд ли удастся вытянуть больше, чем уже удалось. Музыка продолжает греметь, Эрвин наклоняется к уху правителя Альмеры и произносит:

– Мы хотели бы...

Он сообщает, чего хочет.

Герцог Айден просит повторить, и Эрвин повторяет.

– Ваш отец лишился рассудка! – выдыхает Айден в ответ.

Отец? Нет, отец понятия не имеет об этом разговоре. Приз, который я назвал, – лично мой приз. Мой план спасения, мой способ вытащить из пропасти свое семейство.

– Мне следует дословно передать ваш ответ герцогу Десмонду Ориджину? – чеканит слова Эрвин. – Сообщить ему, что, по вашему мнению, он лишился рассудка?

– Сообщите ему, милорд, – цедит сквозь зубы Айден, – что он дал мне слово. Он обещал мне свою поддержку, а я обещал ему свободу от налогов на время правления Аланис – и ничего больше. Если герцог Десмонд Ориджин желает взять назад свое слово, то пусть скажет мне об этом лично.

– Ваша светлость, – кланяется Эрвин, – жаль, что вы не пошли нам навстречу.

Он держит долгую-долгую паузу, давая Айдену время распробовать угрозу на вкус. Пусть ощутит, каково это – иметь во врагах двадцать тысяч лучших мечей Империи. Пусть поразмыслит, взвесит, чего стоит его коалиция без непобедимого Ориджина. Пусть выносит на языке и процедит сквозь зубы три слова: «Постойте, лорд Эрвин».

Айден молчит, не сводя с Эрвина ястребиных глаз.

Ну же! Давай, скажи! «Постойте, лорд Эрвин, продолжим нашу беседу...»

Айден молчит.

И вдруг с неожиданным азартом Эрвин думает: а нет – так даже лучше! Давайте, молчите дальше! Промолчите, и я найду способ обойтись без вас. Я сам возьму свой приз, и это будет лично моя заслуга. Не ваша, герцог Айден Альмера, и не отцовская. Я дам Северу то, чего не смог дать великий Десмонд Ориджин!

Айден молчит.

– Ваша светлость, – говорит Эрвин, – мой отец никогда не отказывался от своих слов. Уверен, данная ситуация не станет исключением. Простите, что потревожил вас.

Откланявшись, он отворачивается и тогда позволяет улыбке появиться на устах.

– Милорд... милорд!

– А?..

Эрвин удивленно осмотрелся. Оказалось, он сидел за складным столиком с пустой чашей в руке, за пределами колечка света от масляной лампы царила непроглядная темень, ночной холод пробирался под одежду. Луис Мария протягивал к нему руку, но не решался потеревить.

– Милорд, простите, я подумал, что вы уснули. Костер почти угас, прикажете ли послать еще за дровами?

– За дровами?.. Нет, с чего бы. Ночь уже. Идите спать!

– Да, милорд. Благодарю за приглашение к ужину!

– Прекрасная вышла беседа, господа, – сказал Эрвин, не слышавший даже половины разговора, и отправился в свой шатер с чувством приятно проведенного времени. Как ни странно, вполне терпимый вышел вечер.

На рассвете он проснулся от холода и острой рези в горле. «А вот и простуда», – без тени удивления отметил Эрвин и пошевелился, проверяя остальные болячки. Все на месте: спина деревянная, бедра ноют, шумит голова. Да здравствует новый день походной жизни.

Эрвин София Джессика влил в себя несколько глотков орджа, собрался с духом и принялся одеваться, дрожа от озноба.

Искра

24 марта – 7 мая 1774 г.

Графство Нортвуд – герцогство Южный Путь – Земли Короны

Рассвет, мгла, закат. Рассвет, мгла, закат. Рассвет, мгла...

В один из этих сумеречных дней Мира похоронила отца.

После похорон она осталась в Стагфорте на ночь и еще на одну. Кто-то говорил ей, что родные стены помогают пережить горе. Это оказалось ложью. Родные стены пахли невозвратным счастьем, каждый камень напоминал об отце. Среди них Мире хотелось выть от одиночества.

Рассвет, мгла, закат.

Девушку ожидало долгое путешествие в столицу, на котором так настаивала графиня Нортвуд. Мира не противилась. Оставаться в родном доме стало невыносимо. Она собрала вещи, их оказалось немного: одежда и обувь, три любимых книги, мешочек серебряных монет, отцовская шкатулка с бумагами. Там хранились грамоты о пожаловании рыцарства и чина, запись о браке, старые письма. Зачем Мира взяла их – она не знала в точности. Возможно, она увидит императора. Возможно, владыка захочет узнать, каким человеком был его верный подданный сир Клайв.

Рассвет, мгла.

В Клыке Медведя она попрощалась с Мавериком, осторожно тронув за лапу. Цепочка экипажей и всадников выкатилась из замковых ворот и двинулась от столицы Нортвуда на юг по Торговому тракту. За окнами потянулись бесконечные леса. Сумрак и сырость; папоротник, мох и хвоя; ряды исполинских сосен – залог морского могущества Севера. Однажды налетел ливень со шквальным ветром. Процессия остановилась, всадники спешили, кутаясь в плащи. Небо было черно, сосны скрипели, раскачиваясь. Одуревший от страха заяц метался среди деревьев. Капли гремели по крыше кареты, вода заливала стекла, казалось, экипаж идет ко дну.

Мгла, закат, мгла, рассвет...

Дорога раскисла от дождя, пришлось простоять целый день, прежде чем удалось сдвинуть с места кареты. Кто-то охотился, кто-то что-то жарил на огромном костре, после графиня подсовывала Мире жирные кусочки мяса:

– Ну же, поешь вкусного! Ты бледна, как скелет.

Девушку мутило. Все вокруг было чужим, далеким. На свете не осталось ничего близкого и родного.

Закат... слезы, мгла... рассвет.

Лес порою сменялся крохотными полями, выгрызенными среди чащи, и поселениями – этими исконно нортвудскими деревнями, похожими на форты. Их окружали рвы и высокие частоколы; встречные люди были неизменно коренасты и хмуры. Затем лес возвращался, вновь подступал к самому тракту и стискивал его. Ложился сумрак.

Рассвет... закат. Слезы... Рассвет... закат.

Днями Мира пыталась читать. Она надеялась, любимые истории хоть немного облегчат одиночество и тоску. Но книги оказались пусты и глупы. В них не говорилось о том единственном, что сейчас было важно. А все прочее не имело смысла.

Ночами силилась уснуть: свернувшись клубком на сиденье кареты, или в комнатке постоялого двора, или в холодных гостевых покоях какого-нибудь нортвудского лорда. Навестив по пути очередного своего вассала, графиня со свитой останавливалась на ночлег. Леди Сибил не спала в такие ночи: лорды устраивали бурные пиры, вскрывали бочонки ханти, шумели, хохотали, горланили песни, порою дрались. Мира также не спала – зябко ежилась

среди одеял, сжималась в комок от тоски под гулкие отзвуки пиршества. Впрочем, такие ночи были немного лучше остальных: кроме горя, девушка чувствовала и желание – попасть наконец в те места, где графиню никто не знает.

Рассвет... мгла...

Она пробовала молиться. Мира молила святую Праматерь Янмэй даровать радость и покой душе отца. Но просить для себя самой девушка не смела, и молитва не приносила успокоения, боль не слабела. Наверное, где-то на Звезде или в Подземном Царстве отец теперь счастлив... Мира мучительно хотела, чтобы он был не в счастливом где-то, а здесь, в тоскливом и туманном здесь. Она ничего не могла поделать с этим желанием.

Закат... тьма... рассвет...

Однажды они наткнулись на сгоревшую деревню. Крыши и внутренности домов выгорели, но стены, срубленные из толстых бревен, лишь обуглились, превратились в черные глухие остовы, над которыми еще курился дым. Графиня велела воинам осмотреть селение, затем они свернули с дороги и спустя полдня приехали к хмурому замку над озером с кувшинками и лебедями. Леди Сибил долго и гневно говорила со здешним бароном, а Мира силилась разглядеть лицо лорда сквозь мглу, но видела лишь бороду...

В одной из гостиниц Миру обокрали. Грязный мужчина с оспинами на лице неуклюже столкнулся с девушкой, тут же принялся кланяться до земли и просить прощения. Воины графини оттащили его от Миры и обыскали, за пазухой мужчины обнаружился мешочек серебряных монет с вышитой на нем чайкой Стагфорта. По приказу леди Сибил проходимцу отрезали уши, чтобы честный люд мог издали распознать вора. Он обливался кровью и визжал надрывно, как свинья. Вопли прорвали пелену, окутывавшую Миру. Девушка думала: хотела бы, чтобы вот так визжал под ножом убийца отца? Она не нашла ответа.

Закат... рассвет... мгла...

Леса поредели, поля сделались просторнее, появились стада. Селения больше не щетились частоколами, среди деревянных срубов попадались редкие каменные строения: церковь, жилище старейшины. Торговый тракт вывел к двум речкам, что звались Близняшками. На узком лоскуте земли между ними стояла пограничная крепость. Мост через Верхнюю Близняшку они пересекли свободно, а на Нижней Близняшке оплатили немалую мостовую пошлину.

– Итак, мы в герцогстве Южный Путь, – сказала графиня, когда карета сошла на ровную землю. – Не герцогство, а удавка на шее северян!

Единственный торговый маршрут, ведущий из Земель Короны в северные Нортвуд и Ориджин, пролегал через Южный Путь. Здешние купцы и феодалы получали от дорожных наценок огромные прибыли – куда больше, чем имели с продажи зерна, меди и мрамора, производимых в самом Южном Пути. За последнее столетие они нажили сказочные богатства. Герцоги Ориджины и Нортвудские графы не раз ходили войной на «кровопийц» – и всякий раз вынуждены были убраться восвояси, когда Корона вступалась за торгашей. Южный Путь платил императору немалую подать.

Торговые войны были для Миры чем-то весьма далеким. В Предлесье, где она выросла, торговли почти не существовало. Меж крестьян был в ходу прямой обмен товарами, как и в древности. Из денег ходили медные звездочки и служили в основном для сдачи при неравном обмене. Серебряные агатки, а тем более глории и елены, являли собою диковинку.

Земля Южного Пути, развернувшаяся за окнами кареты, выглядела странно для глаз северянки. Все было слишком: поля чересчур широки, коровы и собаки – жирны, крестьянские избы велики, хотя и неопрятны. Даже небо слишком чисто! На севере, в соседстве с холодным морем, небо всегда подернуто туманной дымкой, а здесь – сияет лазурью. Перемена принесла Мире облегчение: ничто больше не напоминало родных мест, и мысли, цепляясь за необычное,

реже скатывались в пропасть печали. На третьей неделе пути к девушке вернулась способность читать книги.

Один за другим они проехали несколько городов, приросших к Торговому тракту. Улицы были полны лавок, трактиров, гостиниц и на первый взгляд казались гостеприимными. Однако люди – они глядели на северян прямо и нагло, без боязни, и еще... с предвкушением добычи, пожалуй. За еду и кров требовали втридорога, причем с таким видом, будто делали одолжение. Гордость не позволяла графине торговаться, и она поручила все переговоры одному из своих рыцарей. Впрочем, это не слишком улучшило положение. Местные купцы прекрасно видели графские гербы на дверцах карет – изумрудных медведей с поднятой правой лапой – и безошибочно чуяли добычу, как терьер чует лисьи норы.

Зато сама дорога стала лучше: шире, глаже. Кареты меньше тряслись на ухабах, не увязали колесами в глубоких колеях. Как выяснилось, в топких и ненадежных местах дорога укреплялась множеством дубовых свай, вбитых в грунт. Книга почти не плясала в руках. Под яркими лучами солнца, рвущимися в окно, Мира глотала страницу за страницей, забываясь, растворяясь в чтении.

Рассвет... книга... закат...

Один из городов стоял прямо на Торговом тракте, преграждал его своими воротами. На въезде с северян потребовали безумных денег – три глории. Когда люди графини стали возмущаться, служка, собиравший плату, отпустил шутку насчет нищего Севера. Нортвудцы взбесились, в два счета разоружили городских стражников и принялись избивать шутника. Леди Сибил наблюдала за действием несколько минут, затем велела прекратить, чтобы избежать долгих выяснений со здешним лордом. Перед тем как двинуться дальше, швырнула в ближайшую лужу три серебряных глории.

Рассвет... день... закат. Рассвет, день...

Спустя месяц после смерти отца Мира и леди Сибил со свитой прибыли в Лабелин – крупнейший город Южного Пути.

Два больших города, виденных девушкой прежде – Уэймар, столица Шейланда, и Клык Медведя, столица Нортвуда, – были вжаты в кольца крепостных стен, крепко сбиты, плотно застроены домиками, напоминая пчелиные соты. Лабелин в Южном Пути оказался совершенно иным. Он растекся на добрую квадратную милю и не знал фортификаций. Дома располагались вальяжно, отделенные друг от друга переулками, и были огромны. Многие имели по три этажа, некоторые – даже по четыре. Парадные входы украшали мраморные колонны, на фронтонах белели вычурные барельефы, окна сверкали гигантскими стеклами в половину человеческого роста. У резных дубовых дверей домов маячили ливрейные лакеи – будто стояли на страже. Величина и роскошь зданий казалась Мире уродливой.

Огромны были и экипажи, колесившие по улицам: в иной помещалось восемь человек, причем сидя вразвалку. Улочкой северного города вроде Клыка Медведя такой экипаж просто не проехал бы, но здесь хватало места даже для двух встречных карет! Некоторые улицы Лабелина были столь широки, что Мира побоялась бы перейти их.

Здесьние люди были до странности похожи друг на друга: мужчины пузаты и бородаты, женщины носили косы ниже пояса. Наряды у большинства – крикливо алые или зеленые, нередко с золотой вышивкой. На севере дворяне носили свои фамильные цвета, а чернь одевалась большей частью в белый либо коричневый – ведь яркая одежда намного дороже. Но здесь, в Южном Пути, даже извозчики сверкали красными ливреями!

Любимым занятием лабелинцев являлась еда. Каждый четвертый дом оказывался таверной. По вечерам, едва начинались сумерки, слуги вытаскивали столы прямо на улицы, и за

ними до глубокой ночи пировали бородатые люди в ярких кафтанах. У дверей таверн сияли масляные лампы, на столах – свечи; всевозможные запахи еды – пряные, соленые, острые, сладкие – разливались по улицам; разносились громкие голоса, вспышки смеха. Сновали трактирные слуги, нося по улицам то бочонок вина, то связки соленой рыбы, то копченого поросенка прямо на вертеле... Миру пугало и раздражало все это. Она не любила ни резких запахов, ни громких голосов, ни сытых людей – те казались ей самодовольными и глупыми.

Графиня решила остановиться в гостинице «Звезда империи» на Соборной площади. Целиком выстроенная из белого камня, гостиница занимала целый квартал. Родной замок Миры – Стагфорт – вместе со стенами и рвами уступал по площади этой гостинице. Центральная часть «Звезды империи» представляла собою гигантский трапезный зал с полукруглым сводом, опиравшимся на колонны, – словно главный неф собора. Несколько сотен человек могли бы разом пообедать здесь... Мире делалось дурно от мысли о множестве одновременно жующих челюстей. Расходящиеся от зала в стороны крылья гостиницы заполнялись покоями: второй этаж – роскошные комнаты для знати; на первом под ними – помещения для слуг. Размеры Мириной спальни позволяли въехать в нее верхом на лошади... да и на кровати скакун легко уместился бы. Трудно придумать нечто более неудобное, чем громадная спальня с бордовыми стенами, испещренными золотым орнаментом... Впрочем, Мира все равно почти не спала ночами.

На второй день графиня Сибил отослала назад в Нортвуд большую часть своих слуг и стражников, сопровождавших в дороге, оставив при себе только двоих лучших воинов. Мира удивилась этому, графиня пояснила:

– И здесь, и в дороге до Фаунтерры нам не понадобятся собственные слуги, дорогая. Смотри.

Она дернула золотистый шнур, свисавший со стены у кровати, и спустя минуту гостиничный лакей появился в комнате:

– Чего изволите, госпожа?

Вскоре Мира убедилась, что прислуга «Звезды империи» готова выполнить любое ее пожелание и прихоть. Воды? Вина? Кофе? Апельсинов и шоколада? Все возникало по мановению руки.

– Можно ли попросить еды сюда, в покои? Очень не хочется спускаться в трапезный зал...

– Да, госпожа. Что пожелаете отведать? Не изволите ли каплуна в сметанном соусе, или пирогов с семгой?..

– Есть ли прачка в гостинице?

– Конечно, госпожа. Ваша одежда будет выстирана и выглажена к утру! Не изволите ли пригласить в покои швею и заказать новых платьев?

– Извините, если мой вопрос прозвучит странно... имеются ли у вас книги?..

– Да, госпожа! В библиотеке «Звезды империи» хранятся сотни томов. Желаете с нею ознакомиться?..

Мира испытала благоговейный ужас. На севере лишь высшая знать могла позволить себе большие библиотеки!

А снаружи, за стенами «Звезды империи», царил кичливый суматоха. Грохотали телеги, носились кареты, орали торговцы. Купеческие лотки разворачивались повсюду: на улицах, площадях, чуть ли не на ступенях собора. Весь город напоминал огромную ярмарку. Люди будто соревновались в том, кто займет больше места и произведет больше шума. Вскоре девушка утратила всякое желание покидать стены гостиницы.

Она пила кофе, ела шоколадные конфеты – это диковинное сладкое лакомство в эмалированных жестянках. Если хотелось свежего воздуха, выходила на балкон. И почти все свое время Мира проводила за чтением. Она чередовала, под настроение, познавательные «Города

и земли империи Полари», глубокую и вдумчивую «Философию Праотцов», лукаво жизнерадостные «Славные приключения сира Лайона в Шиммери». Мира следила за тем, чтобы голова не оставалась свободной, мысли все время были чем-то заняты. Стоило ей дать сознанию отдых – мысли тут же возвращались к погибшему отцу, душу заполняли тоска и одиночество.

Графиня Нортвуд смотрела на Миру с уважением и хвалила:

– Как приятно видеть молодую девушку, столь стремящуюся к знаниям!

В отличие от Миры, Сибил рано вставала с постели, делала гимнастические упражнения, выезжала на конную прогулку за город. Графиня твердо следовала завету Праматерей: «Развивай свое тело и наполняй его силами. Красота и здоровье неразделимы». Дома, на Севере, она совершала также ежедневную пробежку в четыре-пять миль, но здесь приходилось ограничиваться верховым выездом. Вернувшись, Сибил умывалась и требовала подавать завтрак. За чаем листала книгу – не больше нескольких страниц за раз, поскольку читала графиня медленно. Затем она наряжалась и до ночи исчезала из гостиницы: навещала разных людей, улаживала торговые дела.

Деятельность графини неожиданно коснулась и Миры. На второй день пребывания в Лабелине в покои заявились две портнихи, сняли с Миры все мыслимые мерки, затем долго и почтительно внимали пожеланиям графини. Сибил намеревалась заказать для Миры целый гардероб.

– Дитя мое, мы направляемся в столицу, ко двору владыки. Твоя одежда совершенно не годится, потребуется нечто более подобающее.

Следом за портнихами в покоях Миры побывали башмачник и шляпница, и ювелир. Девушка начала тревожиться.

– Миледи, я вряд ли смогу позволить себе такие траты. Небогатой девушке приличествует выглядеть скромно – разве это правило не действует в столице?

– О, не заботься о тратах. Я возьму на свой счет все расходы.

Мира пробовала еще возражать, но графиня лишь отмахнулась. Она была щедра и упряма, и если уж собралась кого-нибудь облагодетельствовать, то противостоять ей было сложно.

Мира была погружена в себя, да и слишком мало разбиралась в моде, чтобы участвовать в заказах. Она доверилась вкусу графини. Однако день на пятый началось нечто совсем уж странное. В гостиницу явился цирюльник и разложил перед Сибил пару десятков локонов, окрашенных в разные оттенки. Графиня выбрала блекло-рыжий, похожий на волосы ее дочери, и велела цирюльнику завтра прийти с краской.

– Зачем это, миледи? В столице модно перекрашивать волосы?..

– Нет, дорогая. Если поймут, что твои волосы крашены, то непременно решат, что их родной цвет – мышинный. Поэтому нужна краска наилучшего качества и самый опытный цирюльник.

– Но зачем их вообще красить?

– Как это – зачем? – удивилась графиня. – Такой цвет волос у Глории!

– У вашей дочери, миледи?.. И что же?..

– А то, что если некий человек, видевший мою дочь, захочет описать ее, он скажет: «Девушка лет семнадцати, ростом пять футов четыре дюйма, стройная, светлокожая, с веснушками на щеках, медными волосами и зелеными глазами». Чтобы ты подходила под описание, мы перекрасим волосы, поставим хной несколько веснушек и поворожим над твоими глазами.

Мира растерялась.

– Простите, миледи, но зачем вы хотите, чтобы я походила на вашу дочь?

– Ах, дитя, я постоянно забываю о твоей наивности. Мне следовало бы раньше все пояснить. Мы направляемся в столицу, чтобы сообщить владыке Адриану о покушении на тебя –

его пусть далекою, но все же наследницу. Однако есть ли смысл убивать наследников престола, оставив в живых правящего императора?

– Конечно, нет.

– Стало быть, некто хочет убить самого императора, а также нескольких его наследников, с тем чтобы Корону получил оставшийся в живых претендент.

– Вероятно, так и есть, миледи.

– И где же, по-твоему, находится этот преступник, если не в Фаунтерре, при дворе владыки Адриана? И что он предпримет, если вдруг повстречает тебя – ту самую девушку, которую уже пытался отправить на Звезду?

Об этом Мира не думала. Горе затмевало чувство опасности. Лишь после слов графини Мира осознала: действительно, нет никаких причин, чтобы преступники отказались от задуманного! Хотя первое покушение провалилось, убийцы могут попытаться довести дело до конца.

– Разве никто в Фаунтерре не знает Глорию? Если я назовусь ее именем, обман не раскроется?

– В столице бывают торговцы с Севера, которые могли видеть мою дочь, но они не вхожи во дворец Пера и Меча. При дворе владыки никто не знает Глорию в лицо: столичная знать редко посещает Нортвуд.

В последних словах ясно слышалась досада.

– Миледи, но присвоить чужое имя – преступление, в особенности если это имя благородного человека.

– Обещаю тебе, мы раскроем подмену сразу же, как только будет пойман преступник! Человек неповинен в обмане в том случае, если он сам развеял заблуждение, прежде чем оно нанесло кому-либо вред.

Как правительнице графства, леди Сибил нередко доводилось вершить правосудие. Можно было полагаться на ее знание законов. Мира склонялась к тому, что дерзкая задумка графини действительно имеет смысл.

– А как быть с цветом глаз? Мои – серые, у Глории – зеленые.

Вместо ответа графиня велела:

– Запрокинь голову, широко раскрой глаза.

Из небольшого пузырька графиня уронила по паре капель в каждый глаз девушки.

– Теперь смотри.

Она поднесла к лицу Миры зеркальце, и брови девушки взметнулись от удивления. Радужки глаз из дымчато-серых сделались зелеными!

– Это смесь соков мариники и локонта, – пояснила леди Сибил. – Будь у Глории карие глаза, пришлось бы сложнее – нет средства, придающего этот цвет. Но для зеленых и голубых глаз травники давно изобрели снадобья – барышни любят такие цвета. Раз в два дня мы будем повторять это действие – и твои глаза останутся зелеными.

Следующим вечером цирюльник расправился с Мириной косой. Волосы девушки укоротились на фут и теперь едва доставали до плеч. Оказалось, что они немного вьются. Мира не помнила этого: сколько знала себя, она носила длинные волосы. И вновь это чувство невозвратной потери: как многое изменилось, без тени надежды на то, что станет как прежде.

– Вот, совсем другое дело! – радостно воскликнула графиня. – Теперь ты похожа на первородную! Только девицы из черни носят длиннющие косы. Им недосуг ухаживать за прической как следует... Полюбуйся, какая красotka!

Мира глянула в зеркало. Рыжая зеленоглазая девица с россыпью веснушек на округлых щечках. Кто я теперь? От Минервы из Стагфорта, от папиной Крошки Мии, от Миры почти не осталось следа. Теперь меня зовут Глория. Глория Сибил Дорина рода Праматери Сьюзен. Дочь

графини Сибил, энергичной правительницы Нортвуда. Внучка Дорины, баронессы из Лисьего Дола, что некогда выдала восемнадцатилетнюю дочь за шестидесятилетнего графа, обменяв ее молодость на титул...

Не то чтобы Мира теперь точь-в-точь походила на Глорию: ее скулы очерчивались резче, а глаза были посажены шире, чем у дочери графини. Однако тот, кто видел Глорию лишь несколько раз, не сможет распознать подмены. Иными словами, все, кто мог бы узнать ее в новом обличье, остались на Севере, за сотни миль отсюда.

Итак, теперь меня нет. Возможно, это к лучшему? Может ли горевать тот, кого не существует? Мира невесело усмехнулась этой мысли, на ее щеках проступили крохотные ямочки.

– Улыбайся пореже, дорогая, – тут же приказала графиня. – От улыбки появляются ямочки на щеках. Так бывает у девиц рода Янмэй, к которым Глория не принадлежит. Лучше будет, если постарайшься вовсе не улыбаться.

О, это легкая задача, подумала Мира.

Проведя в Лабелине неделю, леди Сибил, Мира и двое рыцарей графини двинулись в дальнейший путь. До Фаунтерры, столицы империи Полари, оставалось еще триста миль.

Эта часть дороги... В книгах подобное путешествие назвали бы чудесным или диковинным, или сказочным, но Мира знала, что все описания слишком слабы. Сложно назвать словами то, что непохоже ни на сказку, ни на чудо!

Конечно, девушка знала заранее, что такое рельсовый поезд. Она даже решила для себя: я не буду пялиться на него и раскрывать рот, как последняя деревенщина. Но она устала и раскрыла рот.

Северяне прошли сквозь мраморное, похожее на храм, здание станции и вышли на перрон. Вдоль него с юга на север тянулись блестящие струны рельсов, а на рельсах стоял поезд. Во главе его было запряжено бронзовое чудовище. Дракон, монстр среди монстров! Размёрами искровой тягач не уступал крепостной башне, положенной набок! Он стоял на восемнадцати колесах, каждое из них было выше Миры. Лобастая морда тягача пялилась на дорогу двумя громадными круглыми стеклами-глазами. Над головой ветвились металлические рога, задевали кончиками провод, тянущийся от столба к столбу вдоль дороги. Внизу морды тягача, над самыми рельсами, располагался могучий треугольный таран, призванный сметать с дороги любую случайную преграду. Таран был помят и потерт, и его царапины являлись единственными дефектами в облике великолепной машины. За вычетом тарана, все остальное – бока тягача, дверцы, поручни, лесенки на крышу, балкончики по бокам, фонари, глядящие вперед и в стороны, – все сверкало бронзовой желтизной с вкраплениями стекла и красного дерева. Не машина, а слиток золота размером с галеон!

За тягачом, связанные в единую цепь, следовали вагоны. Они были немного меньше своего вожака и оттого выглядели еще красивее. Стенки вагонов были сделаны из лакированного красного дерева, укрепленного вертикальными бронзовыми ребрами. Вдоль стен шли рядами овальные окна, а под ними располагались золотистые вензеля или медальоны со сценками из Деяний Святых. Как выяснилось, каждый из вагонов посвящался одной из Праматерей и носил ее имя. Вагоны имели по шесть пар больших колес, обшитых диковинным упругим материалом – литлендским каучуком. Рядом с каждым большим колесом располагалось маленькое, оно держалось ниже края рельса и упиралось в рельс изнутри – так, чтобы поезд не соскочил с пути. Тросы и трубки тянулись под днищем вагона от оси к оси. Спереди вагона имелась лестничка, а на крыше – веранда с навесом и скамьями. Также на крыше крепились продолговатые медные баки для воды, своей массивностью они уравнивали легкомыслие веранды. Вагонов в поезде имелось целых семь!

Весь состав, от головы и до хвоста, уходящего далеко назад, был произведением искусства, смешением мастерства ювелира с гением архитектора.

Один из нортвудских рыцарей за спиной у Миры непристойно выругался. Второй сказал:
– Да уж...

– Прошу на борт, миледи и сиры! – пригласил станционный лакей. – Вагон Софьи Величавой, передняя половина.

Роскошь внутри вагона была под стать внешнему убранству. Комната, доставшаяся Мире, оказалась едва ли не просторнее привычных ей покоев в Стагфорте, окно было больше и прозрачней, чем дома, а перина – мягче. Имелся также столик с письменными принадлежностями и удобное кресло. Вместо свечей применялся искровой фонарь: нужно лишь дернуть за шнур, и под потолком в стеклянной колбе засияет синеватый огонь – ярче, чем люстра на дюжину свечей. Но больше всего Миру поразили уборная и умывальня. Там и там всегда имелась вода, достаточно было повернуть рычаг. И вода оказалась теплой! Никому на Севере не пришло бы в голову жечь дрова, чтобы умыться. Даже в зимнюю стужу северяне топили баню не чаще двух раз в месяц. В остальное время мылись ледяной водой, а то и снегом... или не мылись вовсе, кому как угодно. Но здесь, в поезде, не приходилось беречь дрова. Все делала сила искры: зажигала фонари, согревала воду, вращала колеса. Приводила в движение, разгоняла, тащила огромный состав – тысячи, тысячи пудов дерева и металла.

Поезд шел с безумной скоростью: как верховая лошадь быстрой рысью. Мира смотрела в окно, на предместья Лабелина, что плавно скользили мимо нее, и прикидывала. Пожалуй, пустив коня галопом, она обогнала бы этот состав. Но животное упадет замертво через пару часов такой гонки, а бронзовый тягач идет, идет, идет, не зная усталости. Лакей сказал, что остановки будут делаться лишь дважды в сутки и не больше, чем на час. Пожалуй, поезд проходит за час миль семь-восемь. Это значит, триста миль до столицы Империи Полари он преодолет за... двое суток?!

Быть не может! Они потратили почти месяц, чтобы добраться из Клыка Медведя в Лабелин, а это – лишь немногим большее расстояние! Мира настолько не поверила собственным вычислениям, что взяла перо и чернила, пересчитала столбиком, как в детстве. Да, все верно, двое суток! В день после завтрашнего они окажутся в Фаунтерре!

Боги, неужели в столице вся жизнь идет столь же быстро, как этот поезд?..

Центральный вагон был помещением для obsługi. В нем же располагалась трапезная, где благородные пассажиры обедали и ужинали. Дорожная кухня оказалась довольно легкой, сыры и овощи преобладали над мясом, к радости Миры и неудовольствию графини. Напитки и фрукты подавались прямо в комнаты по первому требованию.

В качестве развлечений имелись смотровые площадки на крышах, игровой салон и небольшая библиотека в вагоне Елены Прозорливой. В библиотеке Мира обнаружила еще одну диковинку: «Голос Короны» – печатную книгу новостей.

При Университете Фаунтерры имелся печатный цех – крупнейший во всей Полари. То, на что монах-переписчик затрачивал месяц кропотливого труда, механик печатного цеха мог сделать за день. Такая скорость давала Короне неслыханную возможность: описывать свежие события – новости. Можно было, к примеру, в апреле сочинить очерк о том, что случилось в марте, а в мае отпечатать на станках и разослать книги читателям. Издаваемый регулярно, «Голос Короны» был исключительной книгой, посвященной текущим событиям, а не прошлым или вымышленным. Его читателями являлись крупнейшие богачи и вельможи, в число которых отец Миры не входил. Сейчас, в поезде, девушка впервые листала это удивительное издание.

Механический почерк станка был прост и бережливо уборист, без вензелей, росчерков, красных литер. Мира ощутила разочарование. Книга, переписанная человеком, всегда хранила отблеск его характера, тепло ладоней, запах настроения. Здесь рука переписчика дрогнула,

выдавая промелькнувшее волнение; тут он начал страницу со вдохновением и вывел роскошный витиеватый вензель; а вот нажал чуть сильнее, словно споря с автором или, напротив, горячо соглашаясь с ним... «Голос Короны» был бездушен, набран из полчищ одинаковых холоднокровных букв. Зато в нем нашлись иллюстрации, манера исполнения которых понравилась девушке. Рисунки состояли из твердых, смелых линий, без полутонов и недомолвок – это были гравюры, перенесенные на бумагу.

Первая же иллюстрация изображала поезд, весьма похожий на тот, в котором ехала Мира. «Заветная мечта владыки» – значилось в заглавии страницы. Император Адриан выступил в Палате Представителей и заявил, что намерен соединить все большие города империи рельсовыми дорогами. «Я мечтаю, – говорил Адриан, – чтобы всю Полари с севера на юг, от Беломорья до Львиных Врат, можно было пересечь за две недели. Придет конец разрозненности, склокам, усобицам между землями. Империя станет подобна одному большому городу, а слыханое ли дело, чтобы два района одного города враждовали меж собой? Обмен товарами возрастет многократно, и прибыль от этого положит край голоду. Станет меньше нищеты и бедности: каждый здоровый мужчина, если захочет, сможет найти работу на рельсовых стройках, и для этого не нужно будет владеть ремеслом или мечом. Средства, что ныне тратятся на возведение замков, ковку мечей и лат, пойдут на строительство искровых цехов. Рано или поздно каждый город империи получит искровый свет, тепло, водоснабжение. Вообразите себе державу, в которой каждый живет так, как сейчас – обитатели центра столицы! Следуйте за мною, и я покажу вам эту державу».

Мира в сомнении покачала головой, прочтя эти слова. Конечно, она не посмела бы назвать императора наивным человеком... но хорошо помнила четыреста миль глухих лесов, скользкой грязи, угрюмых деревень между Клыком Медведя и Лабелином. Мира не представляла себе, сколько пудов золота и десятилетий труда уйдет на то, чтобы связать рельсами хотя бы эти два города. А уж всю империю...

На следующих страницах Мира нашла портрет своего сюзерена. Граф Виттор Шейланд, правитель Предлесья и Поречья – узкой и скудной полосы земель, вытянувшейся вдоль судходной реки Торрей. Мира видела его всего дважды в жизни и с трудом узнала на портрете. Молодой мужчина лет тридцати, вьющиеся каштановые волосы, острый нос и подбородок... Самой примечательной чертой графа Виттора была кожа: неестественно белая, словно перо чайки. Мира испугалась и завизжала, впервые увидев его. Ей тогда было лет семь, мертвенно-бледный граф показался малышке ожившим скелетом. Отец краснел от стыда, когда просил за нее прощения у сюзерена, а тот широко улыбнулся в ответ и протянул Мире раскрытые ладони:

– Вот, крошка, потрогай – я теплый, не мертвец.

Она осторожно дотронулась, руки графа оказались горячими и мягкими. Таким он и вспоминался теперь: открытым мягким человеком с улыбкой на лице. Из всех первородных, кого знала Мира, в нем было меньше всего гордыни. Возможно, потому что Виттор – граф лишь во втором поколении. Его предки были купцами, весьма преуспели в банковском деле и сумели породниться с Великим домом Шейланд.

На соседней странице красовался портрет другого вельможи, и он составлял разительный контраст с улыбочивым Виттором. Все черты человека на гравюре были пропитаны надменностью: неестественно ровная осанка, холодный взгляд в сторону и вдаль, задранный подбородок, орлиный нос, холеная бородка, даже плащ, перекинутый через сгиб руки. На плаще различался герб вельможи – крепостная башня на фоне заходящего солнца. Этого человека Мира не знала в лицо и нашла в тексте его имя и титул: Айден, герцог Альмера, советник двух императоров. Что может объединять его с Виттором Шейландом, кто поместил на соседние страницы столь непохожих людей?

«Верные соратники владыки» – так говорил о них автор книги. На памятном заседании Палаты, где император Адриан заявил о своих колоссальных планах на будущее, два землевладельца горячо поддержали его. Ими были граф Виттор Шейланд и герцог Айден Альмера.

Мира слегка нахмурилась, стараясь прочесть меж строк недосказанное. Конечно, книга была полна лестных слов о владыке, графе Витторе и герцоге Айдене. Иначе и быть не могло: о высшей знати в книгах пишут либо хорошее, либо ничего. Однако, если вдуматься глубже, выходило, что из тринадцати Великих домов, правящих землями империи, великий план владыки поддержали только два! Ни Южный Путь и Литленд – ближайшие соседи Короны, ни Надежда – золотonosное центральное герцогство, ни Ориджин – верный клинок императоров на протяжении двухсот лет – никто из них не упоминался в числе «соратников владыки». Выходило, что одиннадцать из тринадцати Великих домов не пришли в восторг от идеи связать империю рельсовыми дорогами. Интересно, почему?

Поезд шел, скользя по рельсам мягкими колесами. За окном возникали и исчезали деревни, города, замки; равнины сменялись холмами, холмы – озерами. Реки, извиваясь, то придвигались к дороге, то откатывались, то проныривали прямо под рельсами, и поезд пересекал их по невидимым из окна мостам... Картины сменялись так быстро и часто, что Мира не успевала всмотреться и запомнить. Однако само течение просторов за стеклом, ощущение громадного расстояния, пройденного и покоренного, успокаивало ее. Поезд шел, и Мира чувствовала себя живой. Обе ночи в вагоне она крепко проспала.

Утром третьего дня, точно согласуясь с расчетами Миры, поезд въехал в Фаунтерру – столицу империи Полари, старейший и величайший город подлунного мира.

Города, деревни, почтовые станции, гостиницы, леса, поля... Все, увиденное за прошедший месяц, переполнило память, спуталось в пеструю неразбериху. Девушка обнаружила, что не в силах воспринять еще один город. Карета везла Миру столичными улицами, она смотрела в окно, безразличный взгляд скользил по домам, площадям, скульптурам, башням. Город был огромен, и Мире не удавалось разглядеть его лицо. Одно приметилось отчетливо: здесь очень много башен.

– Зачем столько, миледи?..

– У столичной знати, дитя мое, есть традиция: пристраивать башни к своим домам. Над ними поднимают флаги или крепят жестяные гербы, чтобы жилище вельможи было заметно издали. Потому Фаунтерру и зовут Городом Трехсот Башен.

Особняк, куда привез Миру экипаж, также был украшен вышкой. Дом располагался сразу по двум сторонам улицы: на одной стороне – хозяйственное строение с конюшней и жилищем для слуг, на другой – трехэтажный господский особняк с пристроенной к нему стофутовой башней. Окрашенная в зеленый цвет Нортвудов, она выделялась к тому же необычной трехгранной формой. Арочный мостик, связывающий строения, проходил прямо над улицей.

– Мой дом знает каждая собака! – похвалилась графиня. – Когда хотят указать дорогу, говорят: «От дома Сибил иди туда-то...»

Их ожидали слуги и стражники: два десятка человек выстроились в главной зале приветствовать хозяйку. Графиня сочла нужным сперва осмотреть дом, затем похвалила слуг за чистоту и порядок, раздала каждому по монетке. Она представила челяди Миру, назвав ее «моя дорогая дочь Глория». Никто не выказал удивления: очевидно, настоящая Глория не бывала в столице.

Мире выделили комнату на втором этаже. Она села на подоконник, устремив взгляд на улицу. Непрерывной струйкой текли люди, прокатывали телеги и экипажи, грохотали всадники. Люди носили непривычные наряды – остроносые башмаки, аккуратные темные сюртуки, рубахи с белоснежными манжетами и воротами. Упряжные кони были огромны и могучи, как быки. Всадники носили на боках тонкие шпаги вместо мечей, никакой брони – даже кожи,

никаких гербов на груди или предплечье. Здесь было странно – совсем не так, как на Севере, даже пахло иначе: цветением, влагой, штукатуркой, смолой, но не навозом или помоями.

Однако в голове у Миры все же не укладывалось: я в столице?.. Какова она – Фаунтерра?.. Не вижу, не чувствую...

Вечером к леди Сибил пожаловал гость. Пышные усы, округлые щеки и чуть вздернутый нос придавали этому мужчине вид довольного жизнью котяры. Он был представлен Мире:

– Лорд Кларенс Мадлен Фиона рода Людмилы, управитель императорских конюшен.

Встретив графиню, Кларенс обнял ее и поцеловал прямо в губы. Мира ожидала, что сейчас он будет поколочен и выброшен из дому, однако леди Сибил почему-то пригласила нахала к столу. Тот уселся возле графини, по-хозяйски приобнял ее за плечи и стал грубовато любезничать:

– Львица моя, что же ты пропадала так долго на своем севере? Не верю, что там есть кто-то лучше меня! Однако ты похорошела – стала еще молочней и еще вкуснее. Ты выглядишь как лакомство!

Леди Сибил шурилась и сладко улыбалась. Мира заметила, что графиня и Кларенс спешат скорее покончить с трапезой. Девушке сделалось неловко. Она перебила аппетит парой ложек салата и сбежала из-за стола, успев однако услышать вслед:

– Какое хмурое дитя... Вовсе на тебя не похожа! Видать, в отца пошла.

Она разыскала Вандена – одного из двух рыцарей, что сопровождали графиню в дороге и успели кое-как познакомиться с Мирой.

– Скажите, сир, этот лорд Кларенс... он... ну... в каких он отношениях с леди Сибил? Не знаете ли?

– Всякий знает, миледи. Императорский конюший – альтер графини.

– Альтер?! – поразилась Мира.

– Верно, миледи.

Надо же!

Священное писание допускает, что дама может находиться в связи с несколькими мужчинами. «Жизнь женщины – слишком большая ценность, чтобы безраздельно вверить ее заботам одного лишь мужчины», – так, кажется, говорила Праматерь Софья. Однако прошло семнадцать веков! Север давно забыл традиции многомужества. Мужская ревность оказалась сильнее духовных заветов, северные лорды привыкли считать женщин своею собственностью. Лишь в любовных книжонках о богатой страстями столичной жизни Мире встречалось это словечко – альтер, а также симметричное ему – альтесса. Они казались такой же романической выдумкой, как серенады под окнами и поединки за благосклонность дамы.

– Ванден, а разве мой... э-э-э... – У нее не повернулся язык назвать графа Элиаса Нортвуда своим отцом. – Разве его милость не имеет ничего против таких отношений?

– С чего бы ему быть против, миледи? Его милость давно уж охладел к женщинам, а графиня полна сил. Так оно и ему спокойнее, и ей приятно.

– Пожалуй...

Альтер – подумать только!

И вот тогда Мира с полной ясностью осознала, что прибыла в столицу.

Монета

*12–13 апреля 1774 года от Сошествия Праметерей
Излучина, Земли Короны*

Люди стали попадаться им навстречу за день пути до Излучины, и шли тем гуще, чем ближе был город. Излучина, стоящая в изгибе полноводного Ханая, держала единственную паромную переправу на сотню миль. Пересечь Ханай – глубокий до черноты, своенравный, бурлящий водоворотами – задача не из легких, и не диво, что Излучинская переправа всегда пользовалась спросом. Странно было другое: люди во множестве шли от города, и почти никто – к нему. Хармон Паула стал присматриваться.

Многие шли своими ногами, кое-кто ехал верхом, совсем уж редкие счастливицы катили на телегах. Все везли поклажу: в телегах громоздились мешки, пешие несли за плечами котомки, у конных к седлам были приторочены порою самые неожиданные предметы: кувшин или сковорода, бронзовый светильник на полдюжины свечей, пара лаковых башмаков. Кто-то вез в телеге гончарный круг, у кого-то гоготали гуси, перегибали шеи через борт. Люди выглядели неопытными путниками: кто уже натер ногу и прихрамывал, кто расселся на отдых прямо в придорожной пыли. По всем признакам, были это горожане, отчего-то покинувшие дома, прихватив с собою все ценное. Хармону это крепко не понравилось.

Он стал выспрашивать: кто такие? Откуда? Куда? Почему?

Шли кто куда: иные в Альмеру, иные вниз по Ханая, к столице; те собирались на север, в Южный Путь и даже в Нортвуд, а эти и вовсе затруднялись сказать, куда идут. Бывали среди них излучинцы, но мало; большинство путников шли из Ниара – города за рекой, в паре дней пути от Излучины. Почему шли?

– Как – почему? А ты не слыхал? В Ниаре мор!

Вот это да. Ну и новость! Тьма бы сожрала такие новости.

Хармон переспросил – мол, какой мор? Давно ли? Что делают?

– Сизый мор. Половина луны, как начался. Что делают?.. А что же с ним сделаешь!

Тут пришлось уточнить. Просто жизненно необходимо уточнить.

– А в Излучину мор уже пришел?

– Да вроде нет... Пока не слыхали.

– Зачем же тогда уходите?

– От беды подальше.

Это верно: держи счастье в кармане, а беду – за горами. Хармон призадумался и даже привлек к размышлениям Снайпа и Луизу, как самых здравомыслящих из его свиты. Глядя с одной стороны, Излучину стоило бы обойти. Может, в ней пока и нет больных, но рано или поздно кто-нибудь из людского потока принесет на себе сизую смерть, и в тот день хотелось бы очутиться от Излучины как можно дальше. А если смотреть с другого конца, то объехать город не так и просто: придется сделать крюк дней в десять и заплатить втридорога за переправу в Южном Пути. И еще. Путешествуя по стране, Хармон поддерживал связь со своими покупателями – недаром он обучался грамоте. Имелись четыре гостиницы на излюбленном Хармоном пути, в которых он неизменно останавливался. Иногда в этих гостиницах его ожидали письма: нужно то; разыщи мне, любезный, вот это. За такие, запрошенные письмом товары благородные покупатели платили особенно щедро. Одна из четырех гостиниц, как назло, располагалась в Излучине.

Лишние дни пути не пугали никого. Но Снайпа убедила переплата в Южном Пути: он не терпел жадной тамошней знати и не желал набивать ей карман. А Луизу убедило упоминание

о письмах. Женщина не могла написать даже собственное имя, и общение при помощи писем представлялось ей чудесным, едва ли не божественным таинством.

– Не годится оставлять письмо без ответа, – сказала Луиза. – А в Излучине недолго задержимся, будущим утром уйдем, и мор нас поймать не успеет.

На том и порешили. Обоз двинулся в тревожную Излучину.

Незадолго до заката переправились через Ханай. Паромщик от всей души радовался неожиданному заработку и болтал всю дорогу.

Город в изгибе реки выглядел пугающе притихшим. Когда лесной дорогой скачет конный отряд, все зверье слышит его издали и исчезает из виду, затихает – лес стоит, словно пуст и мертв. Такою была сейчас Излучина.

Однако в гостиничной таверне царило какое-то странное, лихорадочное оживление. Во множестве сияли свечи, стучали ножи, гремели кружки, воздух был густым и едким от дикой смеси запахов пищи. Голоса звучали громко, тупо и пьяно. Говорили будто бы все одновременно, то и дело кто-то из гостей разражался хохотом.

Здесь же, в таверне, Хармон нашел и хозяина гостиницы – тот делил стол с тремя зажиточными горожанами. У двоих уже заплетались языки, третий ковырял ножом столешницу и, похоже, ничего вокруг себя не замечал. К счастью, сам хозяин оказался еще достаточно трезв, чтобы узнать Хармона.

– Роджер Паула!.. Давай, садись! У нас вот как раз веселье!

– Хорошо, когда люди веселятся, – ответил Хармон, но садиться не спешил. – А я уж боялся, что ты сбежал отсюда, как другие.

– Сбежал?.. Ну, уж нет! Садись, говорю!.. Кто сбежал? Самая торговля в эти дни! Из Ниара народ валом валит, и никто не скупится.

– Не скупится?

– А то! Когда ты, того гляди, помрешь со дня на день – зачем монету беречь? Верно, а? – Хозяин хлопнул по плечу одного из собутыльников, тот отшатнулся и расплескал эль. – Никто на цену не смотрит, лишь бы весело было! Садись давай!

Хармон уверился, что не имеет ни малейшего желания пить с этими людьми. Здесь творилось совсем не то веселье, какое пришлось бы ему по душе. Он спросил насчет комнат.

– А комнат нет, старик... Битком набито, крысе сдохнуть негде. Ну, тебе-то отыщу уголок, а люди твои пускай в фургонах спят.

Хармона это устроило. Он бросил хозяину монету и спросил о письмах.

– Одно вроде было. Марта!.. Марта!.. Тьфу ты. Рыжая, как тебя!..

Не без труда хозяин поймал одну из служанок и отправил в кладовую. Хармон получил конверт, скрепленный сургучом и украшенный парой жирных пятен. Не распечатывая, спрятал его за пазуху и поспешил отойти от стола.

Джоакин наблюдал сцену, стоя позади хозяина.

– Ну и вертеп!.. – презрительно бросил парень, когда Хармон повернулся к нему.

– Лучше с горя смеяться, чем с горя плакать, – отметил торговец, хотя и сам был не в восторге от местечка.

– Хозяин... – с неким замешательством заговорил Джоакин, – я еще понадобится вам сегодня? Могу ли... по своим делам?

– Иди, – пожал плечами Хармон. – В сторону переправы два квартала, сверни налево, а у башмачной – направо. Там глухой переулочек, в нем неплохие бордели найдешь.

Джоакин покраснел и не нашелся с ответом.

– Только я бы не советовал, – прибавил Хармон. – Если сизый мор доберется до Излучины, куда, по-твоему, он заявится в первую очередь?

Охранник сконфуженно отступил и направился к выходу. Остановился, поглядел по сторонам – может, оценил риск и засомневался, или решил сперва выпить для храбрости. Торговец вышел, оставив его в сомнениях. Роздал распоряжения людям, присмотрел, чтобы лошадям и фургонам нашлось надлежащее место, а затем ушел с постоянного двора.

Хармон Паула Роджер был не из тех, кого волнуют чувства, переживания и прочие душевные материи. «Поступают по велению сердца» обыкновенно те, у кого между ушами манная каша вместо мозгов. Умный человек всегда знает, что он делает и зачем. В том, что делаешь, и в том, что говоришь, должен быть смысл – иначе зачем зря трясти руками и языком молоть, верно?

Хармон Паула всегда поступал по смыслу. Он-то прекрасно сознавал, что делает и для чего. Он колесил по империи за тем, чтобы выручить побольше за свои товары. Нанимал людей по-своему ловких, но в чем-то порченных, с ущербом – потому что такие люди обходятся дешевле и служат беспрекословно. Хармон имел трех женщин – по одной в Альмере, Южном Пути и Короне, – за тем, что возить жену с собой было бы утомительно и хлопотно, шлюхи грязны и заразны, а обходиться без женщины месяцами – тоска. Хармон легко разгадывал людей и говорил с ними так, как сами они говорили бы с собою, и ни с кем никогда не спорил, ведь споры – пустые расходы, а дружба – прямая выгода.

Еще примерно раз в луну Хармон Паула навещался в храм. Иногда, если месяц был прибыльным, мог и пожертвовать агатку. Зачем? Ну... Всяко может случиться. Возишь вот в фургоне под скамьей арбалет с болтами – и не то чтобы особо стрелять приходилось, но мало ли. Или пузырек серебрянки на дне сундука – говорят, она ожог заживить может. Вроде и пожара-то ты не видал уже лет десять, ну а вдруг. Или взять сизый мор: может пройти мимо, а вдруг зацепит? Кто знает...

Стояла зябкая облачная темень, когда Хармон вошел в собор Святой Леоноры. Прошел между скамьями, уселся на полпути от портала к алтарю, с которого холодно глядела беломраморная Праматерь. Скамьи были пусты, но сесть к алтарю ближе он отчего-то не решился. Вечерняя песнь уже отзвучала, под сводом храма царила гулкая тишина. Молиться в такой тиши было неловко. Хармон проворчал еле слышно для самого себя:

– Святая мать... я вроде живу как следует... Не получаю удовольствия от страданий, не беру чужого, тружусь усердно... Надеюсь, ты мною довольна. Дай силы дальше жить и работать – ничего другого не прошу, остальное сделаю сам.

Он глянул на скульптуру. Мраморная Леонора не изменилась в лице, но Хармон, видать, по привычке к ней. Ему подумалось, что теперь Праматерь смотрит теплее.

Хармон вспомнил о письме и вынул конверт, подсел поближе к масляной лампе на одной из колонн.

– Кто пишет тебе, друг мой? – раздался сзади мягкий голос, и человек в синем плаще опустился на скамью рядом с торговцем.

О-о-о. Хармон Паула Роджер знался с великим множеством людей – всяких, разномастных: стражников, крестьян, благородных, ремесленников, купцов, игроков, воров. Человек, что сел рядом с ним, отличался от всех. С любым другим Хармон Паула говорил бы на языке собеседника, а с отцом Давидом выходило совсем иначе.

Хармон пожал ему руку, а после обнял.

– Рад встретить тебя, – сказал Давид, – и в особенности рад встрече в священной обители.

– Да я это... – Хармон отчего-то застеснялся. – Я давно уж в храме не был, и решил вот...

– Послушать веление сердца? – Давид улыбнулся, морщинки у его глаз образовали лукавые лучики. – Я знаю, ты этих слов не терпишь. Во всем должен быть смысл, а?

– Ну...

– Во всем и есть смысл, поверь. Просто мы не всегда его знаем... Как идут твои дела? Какими новостями порадуешь?

Кому другому Хармон тут же выдал бы слушок того сорта, какой зацепил бы человека, и тот воскликнул бы восторженно: «Да, да, истинная правда! Вот и я о том же!» – и дальше говорил бы он, а Хармон слушал. Но отцу Давиду торговец рассказал сперва про шелковый голод в Литленде, потом – про пьянчугу Доксета и про нового наемника, и о грабителях в Шестимильном лесу... Хармон долго говорил, не умолкая, а Давид где улыбался, где хмурился, где покачивал головой.

– Зачем ты отпустил главаря шайки? – спросил святой отец.

– Ну, а надо было резать его?.. Я же не лорд, чтобы судить.

– Я и не говорил, что ты сделал неверно. Просто любопытно, отчего ты поступил именно так.

– Знаешь, – по правде сознался Хармон, – бывают такие хороводы, в какие я влезать не хочу. Я взял монету; завтра, может статься, с меня возьмут монету, а после, возможно, снова я. Эта пляска мне знакома. Но вот если сегодня по моему приказу Джоакин перережет чью-то глотку, то завтра... Словом, беспокойно мне будет завтра, понимаешь?

Давид покивал.

– А охранник твой новый, говоришь, хорош?

– Весьма. – Хармон рассказал коротко историю Джоакина, прибавил в конце: – Только больно уж фантазер. Намечтает себе этакое: он, видишь, замок себе будущий запланировал.

– Бедняга, – печально молвил священник. – Если бы парень жил в грязи и при том о ней же, родимой, и думал – был бы много счастливее.

Хармон уважительно улыбнулся.

– Вы, святые проводники, умеете слова наизнанку выворачивать, этого у вас не отнимешь. Нет, смотри, я вот о чем. У тебя есть золотой эфес, и ты хочешь, чтобы через год был не один, а три эфеса. Вот это я понимаю, умное желание. А коли имущества на агатку, а мечтаний – на баронство, то это же мучение. Мимо любого замка проезжаешь, каждую карету видишь – и всякий раз завидуешь. Все равно что евнуху в бордель зайти... уж прости, отче, что в храме о таком заговорил.

– Умное желание... – Давид усмехнулся. – Ловко сказано, Хармон, не зря люблю беседы с тобой. Только знаешь, не бывает такого. Человек не выбирает, чего ему желать – умный ли, глупый ли. Желания приходят как голод или жажда. Весь твой выбор – выполнить желание или нет. Еще можно просто закрыть на него глаза, позабыть о нем.

– Чем плохой выбор? К чему мечтать о том, чего не сможешь получить?

– По моим скромным наблюдениям, из людей живее те, которые желают и мечтают. А иные, ничего не желающие, будто бы спят.

Хармон возразил, распаяясь. Давид развел ладонями и ответил:

– Я лишь сказал мои рассуждения, а истина одним богам известна. И так может быть, что ты прав, и так может статься, что мы оба.

Торговец еще возразил, но вскоре понял, что спорит уже с самим собой, и умолк. Отчего выходит так, что, беседуя с отцом Давидом, Хармон всегда чувствует себя глупым юнцом? А еще занятнее то, что Хармону это как будто бы по душе.

– Какими судьбами ты в Излучине? – спросил он Давида. – Со мной-то понятно, еду своим путем, дела монеты... А ты как, тоже из Ниара, от сизого мора бежишь?

– Не от... Навстречу.

– То есть как – навстречу?

Давид пояснил. Он остановился на ночлег в доме излучинского аббата, с тем чтобы утром выехать дальше на восток и спустя два дня оказаться в охваченном мором Ниаре.

Хармон уставился на него.

– От мора, отче, синие плащи не спасают. Я видал и больных проводников, и мертвых видал, и очень уж не хотел бы тебя увидеть среди них.

– Я и не надеюсь на божью защиту. Мор послан разным людям, с чего мне считать, что я отличаюсь от них.

– Тогда – зачем?!

Давид сложил перед грудью ладони и промолчал.

– А... Думаешь, сможешь им? – с укоризной проворчал Хармон. – Не сможешь, только себя погубишь. Мало, что ли, благородных перемерло? Смолденский барон в позапрошлом году окошел. Люди рассказывали: в гробу лежал страшный, синие губы, фиолетовая морда, будто в черничном соку. Было бы средство от мора – знать любые деньги за него платила бы! Только мрут знатные так же шустро, как и чернь. Раз, два, три – прощай родимый!

Давид промолчал вновь и отвел взгляд, словно слегка виновато. Хармон почувствовал злость.

– Или, друг мой, ты во всю эту знахарскую чушь веришь: ледовая баня, жаркая баня, крысиные лапки, вдовья паутина?.. Брось, не дури! Я-то хожу по свету, с людьми говорю не меньше твоего. Не слыхал про такое средство, чтобы наверно помогало. Все, что есть, – они как коню костыли.

Давид хмуро ответил:

– Ты прав, нет такого средства. В подлунном мире нет.

У Хармона перехватило дух.

– Нет в подлунном? Хочешь сказать, имеешь божественное средство?! Святой Предмет? Расскажи, не томи! Где взял? В столичном соборе дали? Владыка Адриан выделил из имперского святилища?

Давид усмехнулся, улыбка тут же сменилась горечью.

– Святые Предметы... Друг мой, Предметы молчат. Я не знаю человека, способного заговорить с ними. Полагаю, во всем мире его нет. Может, и имеется где-то божественное снадобье от мора: может, в святилище владыки, или у кого-то из первородных, или в Ниарском храме, прямо на виду у хворых и умирающих. Никакой разницы: никто не сумеет распознать и применить его.

– Тогда я не понимаю тебя. Ты рискуешь сменить синий плащ на дубовый ящик – и зачем?

– Во всем имеется смысл, мы просто не всегда его знаем. Людям нужно верить и надеяться нужно. Даже тем, кто на смертном одре, – им тоже нужна надежда. Вот все, что можно дать этим людям.

Оба надолго замолчали. Любая тема казалась теперь малозначимой, беседа не клеилась. На душе было тоскливо. Хармон подозревал, что видит давнего друга в последний раз, и знал, что ничего не сможет с этим поделать. Давид был гранитно упрям, как и все его сана... Нет, упрямее.

За полночь, возвращаясь в гостиницу, Хармон думал о богах. Им плевать на людей, это все знают. Праматерь Янмэй ясно сказала полтора тысячелетия назад: «Люди служат богам, но не боги – людям. Делайте, что должно, трудитесь усердно, надейтесь на свои силы». Хармон так и делал всю жизнь... но вот сейчас почему-то надеялся, что равнодушные боги все же защитят Давида. Всегда нужна надежда. Хм.

В гостинице он подозвал нескольких слуг, что убрали столы, падая с ног от усталости.

– У вас остановилось много людей, тех, кто бежит от мора. Кто-то пришел пешком, у кого-то нет денег оплатить проезд... Может, мальцы есть или девицы – вам виднее... Словом, мы завтра уезжаем в Южный Путь, и в фургонах найдется место человек на шесть. А то и на восемь, если дети.

Хармон говорил, опустив глаза в пол. Он не смог бы разумно сказать, зачем это делает, оттого чувствовал себя неловко.

Оставленный хозяином в таверне, Джоакин Ив Ханна колебался недолго. После двух недель пути он наконец очутился в городе – и для чего? Неужто за тем, чтобы провести ночь в фургоне среди вонючего двора, в обществе угрюмого мужлана Снайпа? Ну уж нет, Джоакин рассчитывал на компанию поинтереснее. Так что, влив в глотку кубок горького вина, он покинул таверну и прошел все же упомянутые Хармоном два квартала, свернул налево, а у башмачной – направо.

Заведения разочаровали парня. Начать хотя бы с того, что мужчин он увидел в разы больше, чем девиц. «Пташки», как их тут называли, были все напропалую заняты, лишь изредка они показывались в общей зале на первом этаже и сразу вновь исчезали наверху, увея кого-то из посетителей. Мужики ждали, хлебали кислое пойло, выдаваемое здесь за эль, раздраженно зубоскалили. Добрая треть шуток касалась вопроса, что случится раньше: Излучину выкосит сизый мор – или их все-таки обслужат? Джоакин сумел рассмотреть нескольких «пташек». Одна из них годилась ему в матери, другая больно уж смахивала на корову выражением лица и размером известных органов, третья при близком рассмотрении выглядела столь усталой и измученной, что смерть от мора представлялась милосердным исходом для нее. Эта, третья, появившись в зале, оглядела посетителей исподлобья, подошла к Джоакину, вытирая ладони о подол платья, и просипела:

– Ну, пойдём, красавчик...

Смотрела она при этом пониже середины Джоакиновой груди, еще и в сторону, чтобы уж точно не встретиться с ним взглядом. Ее сальные волосы сбились набок и спутались, губы до того бескровны, словно их вовсе не было. Джоакин Ив Ханна дрогнул и позорно бежал.

Пройдясь по ночной свежести и восстановив утраченное было душевное равновесие, он вновь вошел в гостиничную таверну. Здесь было на самом-то деле значительно чище, чем показалось ему в первый раз. Он бросил на стойку несколько медяков, наполовину осушил кубок терпкого и крепкого вина, вполне даже сносного, и огляделся в поисках свободного стола или компании, к которой хотелось бы присоседиться.

Тут он услышал обрывок чьих-то слов:

– ...Из клетки упорхнула?

Следом раздался нестройный гогот. Слова были обращены к миловидной девушке с волосами цвета пшеницы, говорил их кто-то из компании мастеровых за длинным столом. Девица сидела одна в темном углу и изо всех сил старалась выглядеть невидимой. Впрочем, недостаточно успешно.

– Чего порхаешь одна? Ночью голубки не летают, а по гнездам сидят. Айда в мое гнездышко! С руки покормлю!

Мастеровые заржали громче. Джоакин приблизился, нарочито откинув плащ с эфеса.

– Если хотите сказать что-то моей даме, сперва скажите мне.

Пьянчуги мигом отвели глаза и устались каждый в свою кружку. Джоакин присел рядом с девушкой.

– Надеюсь, сударыня, вы не возражаете против моего вмешательства?

Она отнюдь не возражала.

– Благодарю вас, сир, – тихо сказала девушка, осторожно оглядев его.

– Джоакин Ив Ханна, к вашим услугам, – приосанился охранник.

– Меня зовут Полли... Полли Дженет Харви, я из Ниара.

Ее волосы стекали ниже плеч, глаза были васильковыми, брови – тонкими и светлыми. На ней было коричневое шерстяное платье со шнуровкой на груди и белая блуза. Рукава подкатаны, открыв взгляду хрупкие запястья. Хорошенькая мешанка. Джоакин сделал большой глоток.

– Позвольте ли угостить вас вином?

Не дожидаясь ответа, он подозвал служанку и сделал заказ. Вскоре перед ними возник штоф вина, горка лепешек, тарелка с сыром и ветчиной. Джоакин быстро захмелел и раскраснелся. Девушка ела и пила с большой скромностью, хотя было видно, что она голодна.

– Какими судьбами вы тут, сударыня? – глупо спросил Джоакин.

– Как и все... В Ниаре мор, разве вы не знаете, сир?

Следовало бы поправить ее, чтобы не награждала его чужим титулом, но Джоакин решил повременить.

– О, да. Я слышал это страшное известие. Соболезную вам и другим горожанам Ниара и... да.

Он веско насупил брови и покивал.

– Благодарю, сир. А что привело сюда вас? Ведь вы прибыли сегодня паромом, я видела, как вы ехали впереди обоза.

– Жизнь воина – странствие. – Он помолчал, смакуя собственные слова. – Дела звали меня в Южный Путь, и я разделил дорогу с Хармоном-торговцем. Он и его люди нуждаются в моей защите.

– Так вы идете в Южный Путь? – Девушка как будто оживилась.

– Туда. Сперва до Сельмора, а дальше на восток, к морю. Вы видели море, сударыня? – Она покачала головой. – Ничего нет прекраснее моря! Это могучая неуправляемая стихия, самый сильный человек рядом с морем – все равно что муравей на спине льва! Станешь на прибрежной скале – и чувствуешь, как сила проходит сквозь тебя.

– Вы идете в Южный Путь, сир... – повторила девушка.

– Ну да. А вы что, знаете там кого-нибудь?

– Мои двоюродные братья живут там. На севере, в Эльфорте на Мудрой реке... – Она замялась, словно собираясь с духом.

– Знаю такое место, – покивал Джоакин. – Это почти у границы с Ориджином. Начинаются холмы, а дальше – горы...

Мысль об Ориджине навеяла ему мечтательность. Пройти посвящение в долине Первой Зимы, получить рыцарское звание от самого герцога Ориджина – высочайшая честь, какой может удостоиться молодой воин. Вот с чего стоит начинать военную карьеру!.. Вдруг Джоакин спохватился.

– Постойте, сударыня, вы, верно, хотите отправиться на север вместе с нами?

– Я надеялась... Возможно, вас не затруднит, сир, позволить мне разделить дорогу с вами. Я не стану обузой, поверьте. Умею шить и стряпать. Не знаю, кто занимается этим в вашем обозе, но он найдет во мне хорошую помощницу. Еще я знаю много песен – дюжины три, не меньше. Какие песни вы любите, сир?

– Я не рыцарь, – признался наконец Джоакин.

– Но вы – добрый воин и благородный человек. Встретить вас – большая удача для меня.

Она умолкла в ожидании. Джоакин приложился к кубку, затем молвил:

– Конечно, вы можете поехать с нами. Завтра я скажу об этом Хармону-торговцу.

– Вы очень добры, сударь! – На радостях выпила и Полли, ее бледные щеки порозовели. – Так какие песни вы предпочитаете?

Он сказал, что любит песни о героях и бывлых войнах. Полли назвала с полдюжины песен – о Семи Кораблях, о рыцарях Медведя и рыцарях Черной Стрелы, о Лошадиных войнах, даже напела несколько строк. Джоакин поднял кубок за здоровье рыцарей и певцов, Полли сделала пару глотков, облизнула губы. Губки ее были сложены, как это говорят дамочки, бантиком. Премило сложены. Джоакин придвинулся поближе к девушке и обнял ее за плечи. Она напряглась, но не отстранилась. Джоакин окинул победным взглядом людей за соседними столами.

– Расскажите про себя, сударь, – попросила Полли. – Где вы побывали? Что видали?

Он рассказал про луга Холливела, которые пересек осенью; про замок барона Бройфилда и его отличную псарню; про Алеридан – великолепную столицу Альмеры, которую Джоакин видел лишь издали, но и то было зрелище. Тут он припомнил, что слышал от кого-то, будто девицы любят, когда их смешат. Джоакин выпил еще и рассказал про потешный бой в Смолдене. И правда Полли слушала с удовольствием, хихикала, краснела, а под конец истории и вовсе рассмеялась.

– ... Тогда я хватил кузнеца деревяшкой прямо по носу, и патока ему по всей бороде разбрызгалась, – окончил свой рассказ Джоакин. – Он завизжал, бросил оружие и двумя руками себе в нос вцепился. Тут я подобрал с земли булаву-окорок и дал этому мужлану как следует по шее, а потом и по заднице.

При слове «окорок» Джоакин перекинул ладонь с плеча Полли на ее бедро. Плоть под платьем была упругой и теплой, его бросило в жар. Девушка, однако, отодвинула его руку.

– Этого не стоит, сударь...

Как назло, сие неприятное событие было замечено одним из давешних мастеровых. Он вполголоса пересказал приятелям, и все весьма обидно загыгыкали. Джоакин сунулся в кубок – он был уже пуст.

– Сударыня, не желаете ли еще чего-нибудь?

Полли ответила, что не желает, и Джоакин заказал ей вина.

– Мне, сударь, не стоит пить больше. И, пожалуй, я отправлюсь спать. Время позднее.

– Я провожу вас, – заявил Джоакин.

Полли внимательно поглядела на него. Как это скверно, когда девица глядит на тебя таким вот образом.

– Сударь, боюсь, вы неверно поняли мои намерения. Простите, если я, того не желая, ввела вас в заблуждение.

Джоакин ощутил нечто такое, будто всунул в рот половину лимона и сейчас силится его прожевать. Но выпитое вино, поздний час и душная жара таверны придали ему наглости, и он снова положил ладонь на ногу девушке.

– Зачем эти пустые слова про намерения? Зачем ты противишься тому, что рано или поздно случится?

– Сударь, вы пьяны, и мне следует уйти.

Она дернулась, чтобы встать. Тогда в отчаянном порыве Джоакин пошел на приступ. Он обхватил Полли обеими руками (одна легла на спину, а другая – хорошо так пониже спины) и прижался губами к ее рту. Несколько мгновений понадобилось девушке, чтобы отлепиться от него, а затем она вкатила ему оплеуху. Звонкую, хлесткую – половина таверны обернулась к ним. Мастеровые за длинным столом расхохотались всей толпой, и притом так заразительно, что Полли не выдержала и тоже улыбнулась. Этого Джоакин не стерпел.

– Ну, сударыня, если вам так нравится общество мужланов, с ними и оставайтесь!

Он вышел – едва не выбежал – из таверны, весь красный от стыда и досады.

В фургоне Джоакин пнул в бок Снайпа, что разлегся на все свободное пространство, бросил шкуру на пол, улегся, думая о том, как паскудно и несправедливо – засыпать вот так, несолоно хлебавши, на твердых досках, обиженным и отвергнутым. Смакуя свое унижение, он быстро уснул.

Поутру его разбудил ответный тычок в ребра от Снайпа. Надо же: и спал крепко, а припомнил. Джоакин сел, протирая глаза, выбрался из фургона и обнаружил вокруг странное шевеление. От гула в голове он не сразу сообразил, что происходит. Человек семь чужих оживленно терлись около телег торговца, укладывали свои мешочки и котомки. Среди них был благообразный старичок, пара детишек, несколько девиц... Тут Джоакина перекосило, точно в рот

ему впихнули оставшуюся половину вчерашнего лимона: в задний фургон вместе с Вихорем и Луизой усаживалась белокурая Полли из Ниара.

Стрела

Конец апреля 1774 г.

Кристалльные горы – поселок Спот

Неженка. Когда, от кого Эрвин впервые услышал это словечко?

Уж конечно не в глаза. В глаза-то он был милордом. Но когда днями ползешь по горной тропе вместе с тремя дюжинами мужчин, а вечерами ютишься с ними же на тесной стоянке у костра, и стоит вокруг прозрачная, хрустальная тишина, – ты многое услышишь из того, что тебе и не предназначено.

Наверное, началось это в первый вечер простуды. Эрвин жался к огню, специально для него разведенному, кутался в оба плаща и овчинную шкуру поверх, стучал зубами от озноба и раз за разом подзывал Томми, чтобы тот вскипятил вина. Получив очередную чашу горячего вина с имбирем и перцем и радостно вцепившись в нее, Эрвин отправлял грея взмахом руки, и тот возвращался к солдатскому костру. Томми усаживался на свое место среди воинов раз, пожалуй, в пятый, когда до Эрвина донеслось:

– Наш неженка совсем расклеился...

Тут бы подозвать болтуна, поставить навьютку подальше от костра и переспросить: что ты сказал? Да так и оставить стоять на всю ночь, чтобы поразмыслил. Но очень уж скверно было тогда Эрвину, и оттого на все плевать, к тому же он не смог понять по голосу, кому принадлежали слова. Короче, он спустил воину наглость. А потом было поздно – прозвище прижилось. Солдатня любит прозвища...

– Неженке огонь нужен, – слышалось ему на дневном привале, когда пара греев раскладывала очаг. Спутники Эрвина днем вполне обходились холодной водой из реки, лепешками и солониной, а костер жгли только вечерами. Но Эрвину не удавалось впихнуть в себя лепешки с ледяной водой – от холодного у него начинался мучительный кашель.

– Буди неженку, – бросал один из кайров на рассвете, обращаясь к Томми. Эрвин отлично слышал это, поскольку уже не спал. Он вообще довольно мало спал, большей частью коротал ночи за одним из трех увлекательных занятий: кашлял, чихал и дрожал.

– Неженка что, на двух одеялах спит? – говорил грей, снимая багаж со спины осла, а другой отвечал ему:

– Верно, и еще двумя укрывается. Так что давай все пять, не ошибешься.

Под вечер на тенистой тропе Эрвин припадал к лошадиной спине, согнувшись в три погибели и стараясь думать, что в такой позе ему хоть немного теплее. Ветер все равно пробирал до самых костей, но все-таки, кажется, чуть слабее. Чтобы поменьше глаз пялилось на его сторбленную и дрожащую спину, Эрвин ехал в хвосте отряда. Однако это не помешало ему услышать, как барон Филипп Лоуферт сообщил одному из кайров:

– Нежная нынче молодежь пошла. Женщины воспитывают их, вот и вырастают одуванчики.

Кайр промолчал в ответ, но Эрвин не сомневался, что он полностью согласен с Филиппом.

Так быть не должно, думал молодой лорд Ориджин. Нужно пресечь это со всей строгостью. Поймать момент, когда кто-то снова ляпнет «неженку», и всыпать плетей. Но Эрвин рассуждал об этом вяло и не слишком старался претворить угрозу в жизнь. Простуда привела его в состояние безразличия, тупой апатии. Отчасти он даже радовался этому: мучила боль в горле, постоянный кашель и озноб по ночам, но все прочие тяготы дорожной жизни отошли на второй план, сделались малозначимыми и незаметными. Эрвину попросту не хватало сил, чтобы ощущать неприятности так же остро, как прежде. Мерзкая пища, ослиная вонь, неспра-

ведливость отца больше не волновали его. Эрвин полз по тропе, невидящим взглядом уставясь перед собой и заботясь лишь о том, чтобы не выпасть из седла. День проходил за днем...

Отряд выбирал наиболее пологий путь, искал самый удобный маршрут для будущих рельсов. Похоже, все участники экспоряды, кроме Эрвина, ничуть не сомневались в успехе рельсовой стройки среди Кристальных гор. По просьбе механика то и дело совершали остановки и терпеливо ждали, пока Луис делал замеры при помощи странной штуковины на треноге и карандашом записывал числа в соответствующем участке карты. Луиса нельзя было упрекнуть в недостатке стараний: он перебегал с места на место со своей треногой, дважды проверяя каждый замер, а когда помечал на карте маршрут, высовывал кончик языка и давил на карандаш так, что тот издавал душераздирающий скрип. Порою кайры задавали ему вопросы о том, как рельсы преодолеют ту или иную преграду – завал, скалу или пропасть. Луис пояснял, что груженный состав неспособен идти резко в гору – не хватит силы тягача. Он может взять лишь очень небольшой подъем. Существует правило пяти медяков: нужно взять футовую деревянную линейку и один конец ее положить на землю, а второй – на стопочку из пяти медных монеток. Вот такой наклон пути и способен одолеть поезд.

Воины спрашивали: что же делать, если на пути попадается уступ или впадина? В горах того и другого предостаточно. Луис отвечал: через впадины и ущелья можно перекинуть мосты, а небольшие ложбины попросту завалить камнями. Крутые скалы потребуются обходить, прокладывая путь по серпантинному маршруту. Порою придется давать крюк в лишней десяток миль только для того, чтобы наклон дороги оставался допустимым. А если же гору обойти невозможно, придется прорезать ее тоннелем. Мало кто из воинов когда-либо видел тоннели, и Луис пояснил, как они выглядят и как строятся. Есть несколько методов проделать дыру в скале, больше прочих слушателей поразил водный метод. Осенью в породе проделывается ряд продолговатых отверстий, похожих на раны от широкого меча. Отверстия долбят вручную при помощи молотов, всегда под наклоном: одновременно в глубь горы и вперед по ходу маршрута. Перед наступлением холодов в дыры заливают воду. Зимой вода замерзает и разламывает скалу. Порода трескается по линии, соединяющей отверстия. Весной отделенные от скалы глыбы извлекают с помощью рычагов и противовесов. Чтобы всем было понятнее, Луис изобразил схему простейшего рычажного крана. Познания механика поразили воинов, и какое-то время конопатый низкородный Луис Мария пользовался уважением.

Этому пришел конец, когда Луис потерял коня.

Проснувшись одним утром, Эрвин увидел, как механик с жалким видом бродит по лагерю, смущенно подкрадывается то к одному, то к другому воину и о чем-то спрашивает. Луис избегал сталкиваться с кайрами и расспрашивал только греев, но и те отвечали на его обращения неизменным смехом. Механик задал свой вопрос и Томми – денщику лорда Эрвина. Томми посмеялся сам, а затем решил поделиться забавой с господином:

– Милорд, представьте: наш Луис потерял коня!

– Это как – потерял? Конь что же, под камень закатился или сквозь дыру в мешке выпал?!

– Луис привязал его с вечера, но плохо. Да к тому же не на лужайке, где травы много, а чуть в стороне. Конь отвязался и пошел пастись на лужайку. Потом, видать, покумекал, вспомнил, что в долине Первой Зимы пастбища всяко богаче, чем здесь, да и пустился в обратный путь. Только его и видывали!

Эрвин хохотнул, но тут же сбился на кашель. Спросил:

– А что же часовые?

– Так ведь часовые не помнят, чей это конь! А что не привязан – никого не удивило. Кайры своих коней не привязывает – их кони выучены как следует. Часовые и подумали, что животное принадлежит одному из рыцарей.

Луис, глядя со стороны, понял, что лорду уже известно о приключении. Набрался духу, подошел поближе, красный, как томат. Исследуя взглядом камушки под сапогами Эрвина, сказал:

– Милорд, простите мою оплошность... Я совершил такую глупость, сказать стыдно...

Милорд, ведь сир Томас поведал вам о том, что случилось, да?

– Это я – сир Томас? – хохотнул Томми. – Не забудь всем рассказать!

– Поведал, – кивнул Эрвин. – Вы потеряли верхового жеребца, которого даровал вам мой отец.

Как любой дворянин, Эрвин разбирался в конях и прекрасно знал, что сбежавший жеребец немолод, труслив, узок в груди и стоит от силы несколько елен. Однако лорд намеренно напустил на себя строгий вид, желая путем эксперимента проверить, достиг Луис дна смущения или может смутиться еще больше. Оказалось, вполне способен – механик вжал голову в плечи наподобие черепахи и раза четыре облизнул губы, прежде чем выдавить:

– Умоляю, простите меня, милорд! К сожалению, у меня было очень мало опыта обращения с лошадьми... Будьте так великодушны, смилостивитесь и велите послать людей... Ну, чтобы поймали и вернули его, понимаете?..

– В горах есть волки, милорд. Они остерегаются приближаться к нам, но рыщут около, – задумчиво произнес Томми и поглядел на запад, куда, по всей видимости, ушел жеребец. – Взгляните, милорд...

Эрвин присмотрелся. Милях в трех от лагеря над тропой кружили грифы. Выписывали кольца в опасной близости к скалам, то и дело опадали вниз, теряясь из виду, но вскоре опять всплывали и принимались кружить на распластанных крыльях.

– Внизу пируют волки, милорд, – пояснил Томми. – Грифы пытаются урвать свой кусок, а серые их отпугивают.

Луис схватился за голову и вскричал:

– Бедный, бедный мой малыш! Боги, какая страшная гибель ждала тебя по моей вине! Я – глупейший из смертных...

Его горе было столь искренне, что Эрвин испытал некоторое сочувствие. Томми, напротив, позабавился:

– Будешь ты теперь, Луис, сам себе служить конем. Потацишь на спине свою треногу. Гляди, как бы и тебя волки не сожрали.

– Как же?.. – воскликнул Луис, испуганно выпучив глаза. – Как же мне идти пешком? Ведь у меня угломер, линейки, карты, отвесы! И это вдобавок к личным вещам. Как же все это донести на себе?

Томми не удержался от смеха:

– Бедняга! Угломер тебе тащить тяжело! А не пробовал отшагать сотню миль, неся на себе два щита – свой и господский, – две кольчуги, два копья, топор, охотничий лук, да еще фунтов десять жратвы? Вот тогда бы...

– Томас, – оборвал его Эрвин, грей умолк. – А с вами, Луис, не знаю что и делать теперь.

– А не найдется ли... простите меня, милостивый лорд, но не найдется ли при отряде... еще одной, лишней лошадки?

Томми хохотнул, но воздержался от комментариев. Вообще-то Луис прав: трое из кайров отряда взяли с собою по паре лошадей. Так поступил и сам Эрвин – с ним был вороной Дождь и игренева красавица Леоканта. Однако те, кто мог позволить себе второго коня, были знатнейшими участниками эксплораты и лошадей держали подобающих – ценою от сотни золотых. Кто захочет отдать такое сокровище рассеянному недотепа!

– Поедете верхом на осле, сударь, – решил Эрвин.

– Не знаю, как и благодарить вас, милорд! – воскликнул Луис, прижав руки к груди.

Полдня войны забавлялись от души, глядя на то, как конопатый блондин пытается поладить с осликом. Чтобы убедить животное двигаться в нужную сторону, Луис применил все возможные средства, начиная от нежных уговоров и поглаживаний по загривку, заканчивая шантажом, взятками и призывом страшных проклятий на головы всей родни ишака по материнской линии. Серый упрямец никак не мог взять в толк, с чего вдруг на его спину взгромоздилось двуногое беспокойное животное, если прежде там мирно дремали тюки с поклажей. Эта перемена долго не укладывалась в мировосприятие осла. Он испробовал ряд путей выхода из ситуации: стоял на месте, разворачивался поперек тропы, подобно маятнику качался из стороны в сторону, ревел так, что закладывало уши, а в качестве крайнего средства садился на задницу. Суровые воины хохотали, даже Эрвин присоединился к ним, несмотря на кашель. Кайр Джемыс сказал ему:

– Благодарю вас, милорд, за забаву. Прекрасное решение – посадить Луиса на осла. Ему там самое место.

Эрвин улыбнулся было в ответ, но встретил холодный, без тени усмешки взгляд кайра.

К обеду Луис сумел найти с осликом общий язык и управлял им без посторонней помощи. Однако механик сделался посмешищем. Никто больше не расспрашивал о тоннелях и мостах. Если кто из воинов и обращался к Луису, то лишь за тем, чтобы справиться о настроении и здоровье племенного скакуна.

Миновало две недели со дня отправки, и эксплорада вошла в ту часть Кристальных гор, которой толком никто не знал. Приходилось ориентироваться по карте. Составленная больше века назад, карта не баловала точностью. Тропы, отмеченные на ней, оказывались завалены и непроходимы; очертания горных склонов иногда настолько отличались от своего изображения, что сложно было понять, где находишься.

Луис Мария принялся исправлять карту. Старательность не позволяла ему наносить объекты «на глаз». Прежде чем нарисовать поверх карты линию, он почитал делом чести спешиться и произвести замеры, проверить стороны света, сосчитать количество шагов до соседнего ориентира, чтобы уточнить масштаб. Эрвин полагал, что невозможно двигаться медленнее, чем прежде. Луис убедил его в обратном. Отряд сделал больше десяти остановок и прошел за день три с половиной мили. Эрвин прикинул, что такими темпами они не вернуться даже к будущей весне, и отнял у Луиса карту.

– Я сам займусь исправлениями, – объявил лорд, – а вы делайте замеры, которые нужны для рельсов, и говорите мне числа.

Эрвин кое-что помнил о картографии из университета – весьма смутно, надо заметить. Но особенной точности, по его мнению, и не требовалось: сто лет никто не заходил в эту часть гор и еще сто лет не зайдет. Эрвин изображал скалы, тропы, ущелья, чувствуя себя скорее художником, чем ученым. Он заботился прежде всего о том, чтобы очертания рельефа выглядели красиво, и, надо сказать, вполне преуспевал в этом. Карта, созданная Эрвином, не слишком превосходила точностью прежнюю, зато определенно лучше смотрелась.

Увлеченный делом, Эрвин начал понемногу забывать о простуде. Именно так – забывать. Пряные отвары, которыми каждый вечер потчевал его лекарь, не приносили никакого облегчения – от них только клонило в сон. Не больше толку было и от той смердящей дряни, которую Фильден втер в грудь Эрвину. Молодой лорд провел тогда всю ночь без сна: зелье, кажется, пропекло насквозь кожу, ребра, легкие и подобралось к позвоночнику; а кашель все равно не унимался. «Дайте срок, милорд. Всякому снадобью нужно время, чтобы подействовать», – утешал лорда Фильден. Снадобье начало действовать, когда Эрвин увлекся картой и перестал замечать боли. Медицина – странная наука. Умный человек не станет принимать ее всерьез.

Отряд теперь двигался быстрее, с редкими остановками, с каждым днем удаляясь от Первой Зимы на пятнадцать-двадцать миль. Места вокруг становились все более дикими. Пологие склоны зарастали густым ельником, из которого, словно исполинские клыки, торчали гранитные утесы. Снежные вершины остались за спиной и по сторонам, лишь одна маячила впереди над горизонтом, мгlistая и неясная от расстояния. Могучий пик, царапающий вершиной облака, звался Служанкой – из-за примыкающего к склону плоскогорья, белого, словно передник горничной. Перейдя Подол Служанки, отряд прибудет в Спот – последний поселок на краю Запределья.

Лесистые склоны изобиловали живностью. Теобарт отправлял верховых кайров на охоту. Им трижды удавалось подстрелить косулю, к большой радости соратников, уставших от бобов и солонины. Встречались следы медведя; пару раз ночью Эрвин слышал волчий вой. Серые хищники боялись приближаться к шумному отряду, а вот лисы повадились пробираться ночью в лагерь и рыться в запасах. Юркие ворюжки прогрызали мешки, утаскивали лепешки и солонину, однажды взяли трофеем даже кусок сыра из личных запасов молодого лорда. Потом за дело принялась овчарка Джемиса. Хозяин оставил ее на ночь у шатра с припасами, а утром псина принесла ему лисью тушку. Овчарка оказалась прекрасно выучена: она не грызла пойманную дичь, а лишь перекусила ей шею, и Джемису досталась целая, не испорченная пушистая шкурка. В качестве награды кайр позволил собаке следующий день ехать с ним вместе в седле. Эрвин не видал такого прежде: овчарка легко запрыгнула на спину лошади и устроилась перед хозяином, поперек конского хребта, подобрав под себя лапы. Собака осознавала свою исключительность: глядела самодовольно и надменно, будто полководец во главе парада. Джемис то и дело поглаживал овчарку, почесывал шею.

– Не знаешь ли имени этого волкодава? – спросил Эрвин у Томми.

– Пса зовут Стрелец, – ответил денщик. – Он у кайра уже шесть лет, кайр Джемис любит его не меньше, чем своего коня.

– Я заметил.

Эрвину вспомнился покалеченный мальчишка-грей, которого Джемис пинал ногами.

Когда до Служанки оставалось не больше дневного перехода, отряд зашел в тупик. Старая карта, являвшая собою коллекцию погрешностей и неточностей, содержала один подлинный шедевр: неправильно указанное русло реки. Согласно карте, река должна была вывести отряд прямо на Подол Служанки. Вместо этого, идя вдоль русла, они уперлись в отвесную скалу. С вершины утеса, ревя, низвергался водопад. Он срывался в пропасть тугой струей, набирал скорость и со всей мощью таранил два уступа, выдающихся из отвесной стены. Гранит держался стойко. Сталкиваясь с уступами, водопад крошился, разбивался в белую пургу. Метель кружилась, окутывая подножие скалы туманным искристым маревом. На много ярдов вокруг камни и прилепившиеся к ним деревца блестели от влаги, повсюду зеленел жадный до сырости мох.

Зрелище было потрясающе красивым, и Эрвин вспомнил сестру. Иона обожает кручи и водопады. Непременно нужно будет рассказать ей об этом месте! Правда, тогда она потребует, чтобы Эрвин привел ее сюда. Странное дело: мысль о том, чтобы когда-нибудь повторить трехнедельное путешествие до Подола Служанки, не показалась Эрвину такой уж пугающей. Неужели он начал привыкать к дорожной жизни? Или солнце сделалось светлее с тех пор, как утихла лихорадка?

– Милорд, – обратился к нему капитан Теобарт, – куда прикажете двигаться?

Все карты находились в руках молодого лорда, капитан вынужден был обращаться к нему за советом, и это радовало Эрвина.

– Я полагаю, если забраться вон на ту скалу, то можно рассмотреть дальнейший путь. Кто из отряда лучше всех умеет лазать?

– Грей кайра Освальда, милорд.

Капитан отдал приказ, упомянутый кайр вышел вперед, а с ним – трое греев. Они были, как на подбор, плечисты, светловолосы и голубоглазы – по всей видимости, братья. Сам кайр Освальд выглядел на их фоне неказистым, как дубовая коряга: крепким, но кривым.

– И полчаса не пройдет, как мои молодцы будут на вершине! – похвалился кайр.

Братья-пехотинцы кивнули: «Да, господин», – и, взяв веревки и крючья, направились к скале. Кайр Джемис смотрел им вслед, поглаживая Стрельца, и словно примеривался. Подозвал своего грея – стараниями Эрвина, единственного оставшегося – и шепнул ему что-то. Грей побежал к утесу.

– Эй, Освальд, – насмешливо крикнул Джемис, – гляди, как один мой обойдет твоих трех!

– Не делай глупостей, кайр, – ответил низкорослый Освальд. – Скала крута, твой бедняга расшибется насмерть! Будешь дальше сам коня чистить.

Джемис лишь ухмыльнулся в ответ. Его грей разулся, примерился к утесу, выбирая путь, ухватился за первый выступ и полез. Белокурые молодцы Освальда только обвязывались веревками.

– Что за чушь!.. – фыркнул Эрвин и повернулся к Джемису, чтобы отдать приказ.

– Прошу вас, милорд, – встрял капитан.

– Что – просите? – выверился Эрвин. – Лезть на двухсотфуттовую кручу без страховки – не дурость, по-вашему?

– Дурость или нет, но это дело Джемиса и его грея. Вассал моего вассала – не мой вассал. Так было всегда, милорд.

– Кайр Джемис – мой вассал, и я прикажу ему.

– Вы можете приказать ему самому забраться на скалу, и он это сделает, милорд. Но он волен распоряжаться своим греем так же, как конем и псиной.

Конечно, капитан прав. Просто Эрвин давно не был дома и успел отвыкнуть.

– Долгие лета Первой Зиме, – проворчал молодой лорд.

Грей Освальда приступили к подъему. Они двигались уверенно, сноровисто. Вгоняли крючья в трещины породы, нащупывали надежные выступы, закреплялись на них и поочередно поддерживали друг друга. Когда один переносил вес тела с уступа на уступ, двое остальных страховали, надежно вцепившись в камни.

Грей Джемиса обгонял их на добрые двадцать футов. Ему не приходилось тратить время на страховку, и он полз без остановок, прилипнув к скале всем телом, будто ящерица. Казалось, он не становился на камни, а вился по ним, как плющ. Перетекал с выступа на выступ так плавно, что невозможно было заметить миг, когда он переносил свой вес.

– Каков!.. – с восхищением обронил Томми. – Дерзкий и быстрый, под стать господину!

– Какое имя будет на его могильном камне? – поинтересовался Эрвин.

– Хэнк Моряк, милорд. Только могила не понадобится. С чего бы ему падать?

Действительно, с чего бы?.. Хэнк Моряк прощупал рукой очередной камень, тот выкрошился и улетел вниз. От ближайшего надежного уступа грея отделяли футов семь голой стены. Хэнк помедлил, примерился и пополз, вцепившись пальцами в такую крохотную трещину, что с земли она даже не была видна.

– Кайр Джемис! – не вытерпел Эрвин. – Велите вашему грею вернуться!

– Зачем, милорд? Он справляется лучше, чем бездельники Освальда. Пока они долезут до вершины, наступит ночь.

– Если Хэнк покалечится, то вы сами повезете его в Первую Зиму. Я не дам еще одного осла для перевозки раненых. Мы – эксплорада, а не походный госпиталь!

В голосе Эрвина звучала злость, и Джемис, заметив это, ухмыльнулся:

– Благодарю за заботу, милорд. Но вы не бойтесь, мой Хэнк прекрасно...

Со скалы донесся сдавленный не то крик, не то стон. Эрвин вздрогнул, резко обернулся, ожидая увидеть на камнях изувеченное тело. Но звука удара не было. Один из греев Освальда болтался на веревке и пытался уцепиться за ближайший выступ, братья держали его, краснея от напряжения. Хэнк Морьяк продолжал ползти, даже не взглянув в их сторону.

– Вот видите, милорд, – обронил Джемис, – если уж вам угодно волноваться, то волнуйтесь за этих белокурых болванчиков.

Кайр Освальд скрипнул зубами, но промолчал. Эрвин тоже не нашелся с ответом.

Грей Джемиса добрался до вершины, обогнав соперников на добрых сорок футов. Он огляделся и крикнул, что видит дорогу. Кайр Освальд с досадой поглядел на своих верхолазов и велел им окончить подъем, хотя смысла в этом уже и не было.

– Правильно, – сказал Джемис, – дорога уже известна, но на вершине, поди, цветочки растут. Пускай твои греи соберут букетик!

Кайры хохотнули, Джемис осклабился, довольный собою. Лишь два человека в отряде не улыбнулись, чувствуя себя полными идиотами: кайр Освальд и лорд Ориджин. «Ты – наследник герцогства и глава отряда, – напомнил себе Эрвин, – не малое дитя! Заставь замолчать свое большое самолюбие. Дело сделано, дорога известна. Грей Джемиса справился наилучшим образом, все остались живы и целы. Чего тебе еще?!»

Однако остаток дня он был мрачен, и, под стать настроению, вернулся кашель.

К следующему вечеру отряд выбрался на Подол Служанки. Едва ли не всю ширину плоскогорья заполнял ледник – именно он окрашивал Подол в белый цвет. Край ледника был неровен, причудливо изгибался и оползал языками, издали похожими на оборку передника. Проходимой была лишь самая кромка плоскогорья, ограниченная слева глыбами льда, а справа – глубокой пропастью. На этой полоске камня, испещренной снежными пятнами, отряд вынужден был остановиться на ночлег: до восточного края Подола оставалось еще полмили, когда солнце стремительно закатилось и упала тьма.

Костров не разжигали – на кромке Подола и не пахло деревьями. Обошлись и без шатров: для них не хватало места, да и слишком велика опасность, что шатры сдует ветром с гладкого камня. Воины перекусили лепешками с луком и улеглись спать на земле. Эрвин кутался в плащи и шкуры, прижимался спиной к груде мешков с продовольствием и опытным путем искал ответа на вопрос: может ли человек выкашлять собственные легкие? Потом он задремал, воспользовавшись долгим затишьем между порывами ветра.

А позже его разбудил Томми, настойчиво тряся за плечо:

– Проснитесь, милорд! Тревога!

Эрвин разлепил глаза и ничего не смог рассмотреть, кроме силуэта своего слуги. Но услышал звук – глухой, низкий рокот.

– Лавина, – сказал Томми.

– Теобарт! – крикнул Эрвин, и капитан отозвался:

– Здесь, милорд.

– Капитан, прикажите...

Эрвин осекся. Куда бежать? Стояла безлунная темень, идти вдоль пропасти в такую ночь – равносильно самоубийству. Утробный рев, наползающий со стороны Служанки, стелился по леднику, дробился, искажался эхом. Невозможно было понять, куда катится лавина. Казалось, она движется прямо на отряд, но с тем же успехом могла пройти и в полумиле позади или впереди. При всем желании сорваться и броситься бежать правильным решением, похоже, было иное.

– Остаемся на месте, – сказал Эрвин.

Уловив вопрос в его словах, Теобарт подтвердил:

– Да, милорд. Это лучше.

- Есть ли возможность укрыться?
- Прижмемся к краю ледника.

Отряд зашевелился, отрывисто перекрикиваясь. Люди разыскивали трещины и углубления в кромке ледника, вжимались в них, надеясь, что снежный вал промчится над головами. Наибольшим укрытием, которое смог впотымах отыскать Эрвин, была глыба смерзшегося снега меньше ярда высотой. Молодой лорд сторбился за нею, вскоре к нему присоединился Томми. Перекрывая гул обвала, раздалось истошное ржание. Вторя ему, заревел осел.

- Что с лошадьми?

– Крепко привязаны, милорд. Сходят с ума от страха, но если лавина пройдет мимо, то останутся целы.

Подоспели Филипп и Луис. Скрючились в три погибели, прячась под ненадежной защитой и прислушиваясь к растущему рокоту.

– Да, господа, – попробовал пошутить Эрвин, – зодчие пожалели камня, когда возводили эту крепостную стену. Только лежачий воин сможет укрыться за нею.

- И зубцов недостает, – добавил Томми. – Мастеровые, подлецы, весь гранит украли!

Дрожащим от страха голосом Луис прошептал:

- Ч-что нам д-делать, милорд?

– Как – что? Ждать, вести светскую беседу.

– Держите плащ наготове, – посоветовал Томми. – Если вдруг что, укройтесь с головой и расставьте руки, постарайтесь сохранить под плащом побольше воздуха.

– В-вдруг ч-что?.. – в ужасе переспросил Луис. Очевидно, он понятия не имел, что такое лавина.

– У вас над головой окажется несколько ярдов снега, – жизнерадостно пояснил грей. – Выкапываться будете пару часов, не меньше. А дышать-то в это время нужно!

– Не волнуйтесь, – добавил Эрвин, – эти трудности предстоят лишь в том случае, если нас не сметет в пропасть.

Луис принялся молиться громким шепотом.

Рев обвала нарастал мучительно медленно. Где-то в верхней части ледника, в миле от отряда, вал из камней, снега и осколков льда пожирал расстояние, набирал силу, расправляя плечи.

Вновь ржал конь. Его крик заставлял вздрогнуть – столько ужаса было в нем. Ослы орали как один, надсаживаясь поверх грохота лавины. Ы-а-а-а! Ы-а-а-а!

– Ну и м-м-место... – сказал Филипп Лоуферт. – К-к-какого черта мы сюда вылезли, п-п-почему не заночевали внизу?..

Его красноречие куда-то подевалось. Сложно оставаться блестящим оратором, когда зуб не попадает на зуб.

- Здесь романтичнее, – пояснил Эрвин.

– Вильгельмина... – буркнул Филипп вполголоса. – Джанет...

Кажется, в качестве молитвы он принялся перечислять имена своих бывших пассий. Эрвин внезапно развеселился:

- Вы – мужественный человек, барон! Верны себе даже на краю гибели.

Филипп не ответил на издевку. Грохот обвала заглушил слова. Рев сделался могучим и низким, заполнил все вокруг – воздух, снег, камни. Скала задрожала, из самой ее утробы донесся протяжный стон.

- Боги! – выкрикнул Луис. – О, боги!

Не соображая что делает, он вцепился в плечо лорда. Что-то стукнуло вверху, небольшой камушек перескочил снежную преграду и пролетел над головами. Пальцы Луиса судорожно сжались.

Почему-то Эрвин не чувствовал страха. Было возбуждение – напряженное, звенящее, как тетива на взводе. От возбуждения по телу разливался жар.

– Сейчас бы орджа, – крикнул Эрвин.

– Самое время, милорд! – проорал Томми.

Еще несколько осколков просвистели над макушкой. Рев сделался непереносимым, продавливал уши, заполнял голову.

– После смерти ведь орджа не выпьешь!

– Кто зна... лорд!

– Что?!

– Я говорю: кто знает, ми!..

Справа, на западе, тяжело ухнуло – огромная и вязкая масса обрушилась в пропасть. Скала вздрогнула, дыхнул ветер. Половину неба заволокло снежной поволокой. Глядя на пляшущие белые точки – внезапно, неуместно красивые! – Эрвин не сразу сообразил: рев утих.

– Мимо прошла!

Тишина так звенела в ушах, что он не расслышал слов грея и переспросил.

– Виноват, – ответил Томми. – Мимо прошла, милорд.

Луис наконец отпустил плечо Эрвина.

Наутро они узнали, насколько близко прошла лавина. В сотне шагов на западе возникла снежная стена выше человеческого роста – поперек дороги от ледника до пропасти. Если бы отряд прошел накануне сотней шагов меньше и остановился на ночлег десятью минутами раньше, он был бы накрыт обвалом.

– Да, господа, в такие минуты и понимаешь, что ничто в мире не происходит случайно, – заявил барон Филипп. Он вполне оправился от ночного потрясения и восстановил ораторские навыки. – Боги спасли нас, отведя в сторону оружие, нацеленное смертью. Нет сомнений, что нам предстоят великие дела, если владыки Подземного Мира позаботились о продолжении нашего путешествия!

– При чем тут боги? – ухмыльнулся кайр Джемис. – Эти лишние сто шагов мы прошли за время, что выиграл для нас мой Хэнк.

Он глянул искоса на Эрвина. Молодой лорд раздраженно бросил:

– Отставить болтовню. Снимаемся с места, пока не сошла новая лавина.

Отряд принялся собираться, а Эрвин подошел к ледяной стене, приложил ладонь и прошептал:

– Благодарю тебя, Светлая Агата. Я уж начал было думать, что ты на меня в обиде.

Следующим днем, спустившись с Подола Служанки, они прибыли в пограничный поселок Спот – крайний населенный пункт империи.

То было странное место. Все его жители уродились либо рыжими, либо желтоволосыми и курносыми – в написание о том, что все произошло от нескольких семей. Они строили избы из камней, что скатилась с гор Льянка, скрепляя их известью и глиной, потому дома выходили крепкими, мелкими и кособокими. В них не было окон, лишь узкие щели, затянутые оленьими пузырями и почти не пропускавшие света. Меха, столь ценные за горами, в Споте были повсюду: заячьи шапки, лисьи воротники, беличьи и норковые шубы, платья с оторочкой из куницы – на первый взгляд казалось, поселок населяют одни богачи. Однако обычные, досужие вещи, без которых сложно представить себе жизнь, оказывались в Споте огромной редкостью и даже роскошью: хлеб, крупа, молоко, овощи, эль, вино, льняные рубахи и сарафаны, тканое исподнее, железное оружие и инструменты. Лишь раз в месяц приходил сюда парусник из Беломорья или Клыка Медведя, ловкие торговцы привозили несколько бочек муки или вина да десяток-другой дешевых топоров и кинжалов, а взамен набивали трюмы пушшиной.

Появление Эрвинова отряда вызвало в Споте большой переполох. Их заметили за несколько миль; многие сельчане поспешили навстречу, крича приветствия, пристроились по обе стороны колонны, так что в Спот отряд въезжал в сопровождении нескольких дюжин юнцов. Все, кто был в поселке, высыпали на улицу, беззастенчиво таращась, пытаясь заговорить с чужаками, а то и дотронуться рукой. Шутка ли: пожаловали разом сорок человек, да все при оружии, да многие верхом на добрых конях! В любой другой деревне Севера вид вооруженного отряда вызвал бы опаску, но здесь, на отшибе, любопытство и жажда новостей были сильнее страха. Одна только внешность всадников даст пищу для разговоров на месяцы вперед! А кто был этот? А кто – вон тот? Какие мечи? Какие кони? Герб вышит серебром – да нет, золотом! А седло какое чудное, а плащ – роскошный, а сапоги-то, сапоги!.. А тот воин, вишь, со шрамом на щеке – видать, от шпаги... да нет, от стрелы! А этот – нарядный, весь в узорах – это, никак, сам наследник! Быть не может! Да верно я тебе говорю, он самый, не кто иной!

Сельчане обступили барона Филиппа Лоуферта в его алом петушином камзоле с золотыми вензелями, обнажили головы, низко поклонились. Кто-то опустил на колени, и остальные последовали примеру. Филиппа окружило кольцо коленапоклоненных фигур, уткнувшихся лбами в землю. Имперский наблюдатель не выказал никакого удивления и принял почести в свой адрес как должное.

– Здравия вам, люди, – пробасил он с важностью.

Один из сельчан разогнулся – это был седовласый старичок в замшевом жупане, держащий в руке роскошную беличью шапку. Он обратился к Филиппу с глубоким почтением:

– Меня зовут Ховард Катрина Вильям, я имею честь занимать место старейшины Спота. От имени всех жителей я премного приветствую вашу светлость, желаю предолгих лет здоровья и процветания вам, вашему славному отцу и милостивой матери, и прекрасной сестре.

Видимо, старейшина Ховард являлся лучшим оратором к востоку от Кристальных гор. Несколько мужиков даже подняли головы, чтобы лучше расслышать речь старейшины. Филипп Лоуферт ответил с благосклонной улыбкой:

– И я, в свою очередь, желаю вам благополучия, охотничьих успехов и богатых наделов... то есть уловов. Я глубоко польщен вашими словами, старейшина Ховард. Вы словно бы обучались красноречию в университете. Вот только немного ошиблись: у меня нет сестры.

Эрвин не спешил вмешиваться в беседу – он от души развлекался, наблюдая за Филиппом, готовым вот-вот лопнуть по швам от важности, и за старейшиной, чье лицо выразило сильное замешательство, а затем – испуг.

– Ваша светлость, как же!.. – прошептал Ховард Катрина. – Нет сестры? Что вы такое говорите?!

– Говорю нет – значит, нет. Уж мне-то виднее, сударь.

– Неужели леди Иона... о, боги! Ваша светлость, я глубочайше соболезнаю...

Не найдя, что еще сказать, старичок покраснел и согнулся в поклоне до самой земли. Эрвину стало его жаль.

– «Ваша светлость» – это обращение к герцогу. Филипп Дорис Лаура, с которым вы беседуете, носит титул барона. Если вам нужен герцог, то я к вашим услугам. Мое имя – Эрвин София Джессика рода Агаты, лорд Ориджин.

Поняв свою ошибку, сельчане принялись кланяться Эрвину с двойным усердием, а старейшина изверг фонтан многословных извинений и приветствий. Ориджин взмахом руки прервал все это.

– Его светлость герцог Десмонд шлет вам дары. – Молодой лорд бросил старику мешочек серебра, и Ховард начал было благодарить, но Эрвин продолжил: – Это – малая часть, прочие дары отправлены кораблем, который должен встретить нас здесь, в Споте. Не прибыло ли еще судно?

Нет, корабль еще не прибыл, и старейшина Ховард сообщил об этом столь виноватым тоном, словно опоздание судна лежало целиком на его, старейшины, совести.

– Но мы все глубоко надеемся, ваша светлость, что вы соизволите почтить нас радостью и погостите в Споте с вашими людьми, пока корабль не придет! Не побрезгуйте разделить с нами скромную трапезу и кров.

Корабль запаздывает... Эрвин ощутил досаду. Не столько от самого опоздания, сколько от надежды, живущей в душе и оставшейся пока неудовлетворенной. Месяц назад отец отправил его в бессмысленную ссылку, не дав никаких объяснений, еще и унизив напоследок. Все это время Эрвин надеялся – осторожно, весьма сдержанно, но все же ощутимо, – что его светлость смягчится. Пусть не отменит поход, но скажет доброе слово, как-нибудь пояснит свое странное решение. «Сын, не считай это наказанием. У меня была причина отправить тебя, и она такова...» Или хотя бы: «Легкого пути, Эрвин. Возвращайся здоровым». Отец мог бы сказать это на свадьбе Ионы или в день выхода эксплораты, но – нет. Корабль, что привезет припасы для продолжения пути, – последняя возможность связаться с отрядом. Эрвин ожидал, что через капитана судна герцог Десмонд передаст письмо. Что ж, подождем еще.

Он спешил.

– Старейшина Ховард, мы с радостью примем ваше угощение.

Тут же образовался людской водоворот. Из домов на улицу вытаскивали грубо сбитые столы, скамьи и пенки, выступавшие стульями. Столы шустро заполнялись яствами. Кушанья состояли почти исключительно из вяленой рыбы да соленой оленины и зайчатины. Гарниром служили пучки каких-то горных трав и ягодные соусы. Ну, а чего еще ожидать? Лица сельчан, мелькавшие вокруг, были костлявы, кожа с желтушным оттенком, кое-кому недоставало зубов. Эрвина замутило. Если б не долг вежливости, он сбежал бы отсюда.

Меж тем его спутники восприняли трапезу с большим воодушевлением. Мигом спешились, разгрузили ослов, привязали коней. Коновязь представляла собою великолепно абсурдное зрелище: кусок изгороди перед кособокой избой, к которому привязаны полторы дюжины роскошных могучих животных – почти сказочных созданий, по здешним меркам. Стайка местных собралась поглазеть; самые смелые тянули к лошадям руки. Наибольшее восхищение вызывала игренева Леоканта. Ее льняной хвост, пышный, как девичья коса, свешивался до самой земли; бока блестели, под шкурой играли мускулы. Взволнованная вниманием, Леоканта встряхивала гривой и постукивала копытом. Сельчане ахали: «Ну и красавица!»

– Разогнать их, милорд? – предложил Томми.

– Пускай себе... – ответил Эрвин. – Леоканте нужно привыкать к людям. Она боится толпы, это скверно.

Путники заняли места за столами. Гремя было позволено сесть рядом с кайрами, как на праздничной трапезе. Сельская знать – старшие из охотников – разделили кушанье с гостями. Женщины и молодежь вертелись вокруг, прислуживая за столами и глаза.

Провозгласили несколько здравиц. Эрвин поднял кубок во славу Святой Агаты и тут же пожалел об этом: здешняя сивуха была до того отвратительна, что Праматерь могла и оскорбиться от такой «почести». Филипп и старейшина Ховард устроили состязание на самую длинную речь. Они нагромоздили такую череду слащавых витиеватостей, что Эрвин впал в тоску, а сельчане захлопали в ладоши. Капитан Теобарт сказал лишь:

– Да пошлют нам боги сил.

Чаши вновь и вновь наполнялись, воины хмелели, застолье разгоралось. Сельчане, робея все меньше, заседали на гостей. Кто-то тащил сюда, к столу, меха, совал их воинам, одетым получше: отличная бурая лиса, всего агатка за шкурку, добрый господин! Кто вкладывал в руки гостям роги и лил в них мутное пойло; кто упрашивал показать меч, ощупывал кольчугу. Девицы – столь же костлявые, малокровные, как и все сельчане, – льнули к воинам, шептали что-то; одна уже восседала на коленях барона Лоуферта, другую, стоящую рядом, он обхватывал

вал за талию свободной рукой... От выпивки, сытной пищи и обилия внимания щеки гостей быстро розовели, а взгляды становились тупыми, коровьими. Жители Спота терлись о чужаков, сляясь урвать себе кусочек: слово, монетку, касание, объятие за талию...

Эрвин едва прикасался к еде и ждал благословенного момента, когда приличия будут соблюдены и он сможет убраться из-за стола. Во время пиршества люди переживают удивительное превращение, думал молодой лорд. Каждый садится за стол, будучи личностью, наделенной своим, неповторимым нравом. Но на протяжении трапезы люди странным образом смешиваются, слипаются в единую гогочущую массу, и характер у них тоже становится один общий: крикливый, задиристый, одновременно жестокий и плаксивый. Эрвин не любил даже находиться рядом с этой массой, а тем более – являться ее частью.

– Ваша светлость, отчего не пьете? – спросил старейшина Ховард. – Наше угощение вам не по нраву? Конечно, в замке ваша светлость привыкли к более изысканным...

– Дело не в этом, – соврал Эрвин. – Нас ждет непростое путешествие, и я хочу иметь трезвую голову, чтобы как следует обдумать дорогу.

– Позвольте спросить вашу светлость – куда вы направляетесь и какова цель путешествия?

Эрвин ответил. Старейшина нахмурился.

– В чем дело, сударь?

– Скажите, насколько хороши ваши карты? Имеются ли у вас надежные проводники?

Эрвин сказал как есть: карты прескверны, и никто из отряда прежде не бывал по эту сторону гор. Но ведь мы идем к Реке, которая тянется с севера на юг на много сотен миль. Мы просто не сможем ее проскочить, верно?

– Река-то да, – ответил Ховард, – с Рекою нет вопросов, ваша светлость. Но прежде вам придется пересечь Мягкие Поля – это большая опасность.

– В чем она состоит?

Старейшина глянул на лорда как на слабоумного. Эрвин счел нужным пояснить:

– Я понятия не имею, что такое Мягкие Поля. Для меня это просто заштрихованное пятно на карте.

– Ваша светлость, Мягкие Поля – это огромное болото, гнилая топь. Кое-где имеются проходимые отмели. Поверх топи растет трава-сеточница. Она может спасти: где трава густа, по ней можно пройти или проползти. Но она же может и погубить: из-за травы не видно, где отмель, а где полынья. Только самые смелые и опытные люди могут перейти Мягкие Поля.

– Насколько велико это болото?

– В ширину – миль двести, наверное. Никому не удавалось обойти. А в глубину – шесть дней пути при большой удаче.

– Шесть дней пути по болоту?!

– Возможно, и больше, ваша светлость. Как повезет. Среди топей встречаются сухие островки, где можно сделать привал. Но иногда приходится ночевать и прямо на болоте.

Эрвин отметил, что неуклюжая витиеватость исчезла из речи старейшины. Он говорил сухо и точно, как бывалый офицер. Очевидно, Ховарду доводилось пересекать Мягкие Поля, и воспоминания о них были все еще остры.

– При большой удаче, говорите. А при неудаче? Что может случиться на Полях?

– Отмели можно найти, ваша светлость. Я поясню вашим людям, как это сделать. Однако нет отмелей, что проходят сквозь все болото. Временами придется идти над глубиной – а тут уж нужна удача... Кроме того, в топях много живности, порою весьма неприятной.

Прелестно! Нам предстоит идти по шею в жиже, кормить собой комаров и змей и радоваться, что грязь достает лишь до шеи, а не до макушки. Любопытно, хорошо ли знал отец, куда меня отправляет? Может быть, это такой способ сэкономить на подземной усыпальнице? Если утону в болоте, то мне уж точно не потребуется склеп...

У Эрвина возникла идея, он спросил:

– Старейшина, не найдется ли в Споте бывалых следопытов, кто согласится послужить нам проводниками? Под руководством опытного человека будет легче перейти топи, верно?

– Прекрасная мысль, ваша светлость. Я уверен, многие почтут за честь стать вашим проводником! Да только... ваша светлость... мы – нищие люди. Звероловы бедны, и у многих есть семьи, малые детишки...

Эрвин поморщился. Что за привычка у черни – сводить любой разговор к деньгам! Благородный человек не станет торговаться и клянчить лишнюю монету, в особенности – когда дело еще не сделано.

– Я заплачу по двадцать агат каждому, кто пойдет с нами. Разумеется, нужны лишь те, кто хорошо знает Мягкие Поля.

Глаза старейшины округлились. Видимо, никто здесь и за год не зарабатывает таких денег.

– Это очень щедро, ваша светлость! Не сомневайтесь, я...

Шум на той стороне стола привлек внимание Эрвина. То был тонкий девичий голос:

– Иди домой, тебе не место здесь!

Женские голоса давно уже звучали за столом, вплетаясь в грубую мужскую речь. Тут и там сельчанки терлись около воинов. Путники усаживали девиц себе на колени, обнимали и тискали, вызывая игривые смешки. Несколько девушек поглядывали даже на Эрвина – опасно, через стол – и перешептывались, хихикая. Голос, что привлек его внимание, выделился из общего хора: он был не веселым, а тревожным и злым.

Высокая темноволосая девица сидела на коленях Хэнка Моряка – Джемисова грея. Она и Хэнк оглядывались через плечо на крепкого деревенского парня, что стоял позади них. Лицо парня было пунцовым, он хватал девушку за руку.

– Ты пойдешь со мной, слышишь?!

– С чего бы? Я свободная женщина, делаю что хочу!

– Ты – моя невеста! – гневно воскликнул парень и повторил, обращаясь к Хэнку: – Эта девушка – моя невеста! Отпусти ее сейчас же.

– Ага, конечно, – Хэнк показал парню непристойный жест. – Она никуда не пойдет.

Эрвин напрягся, наблюдая за сценой. Сейчас деревенщине лучше было бы обратиться восвояси, да потише. Но на беду эти люди слишком редко имели дело с герцогскими воинами... а может, и вовсе не имели. Парень был здоров и широк в плечах, он полагал, что и сила, и справедливость на его стороне.

– Последний раз говорю: идем со мной, – прорычал он и потянул девушку.

Хэнк отшвырнул его руку и процедил:

– Убирайся, пока цел, баран.

Парень расставил ноги и сжал кулаки, глаза налились кровью. Эрвин сказал ему:

– Эй, ты, слышишь! Уймись!

Парень не обратил внимания – его взгляд был прикован к Хэнку. А вот кайр Джемис – тот заметил беспокойство лорда. Поглядел в лицо Эрвину, криво ухмыльнулся, обернулся к спорщикам, которые до сего момента вовсе его не занимали.

Деревенский парень протянул ручищу и сгрэб Хэнка за ворот. Тот на миг оторопел от подобной наглости, а кайр Джемис плавно привстал со скамьи.

– Джемис, стойте! – крикнул Эрвин.

Он опоздал. Тьма, до чего же быстро! Эрвин сотни раз видел кайров в деле – и все равно поражался этой недоступной глазу быстроте. Вот кайр Джемис только поднимался на ноги – а вот уже стоит с опущенным мечом, и по клинку стекают капли, а рука парня зияет кровавым обрубком на месте локтя. Звон стали, вышедшей из ножен, со странным запозданием достиг слуха. Потом заорал калека.

Кайр Джемис вытер клинок о рубаху раненого и сунул в ножны. Деревенская девушка схватилась с места, рыдая. Яростно оттолкнула Джемиса, подскочила к бедолаге, схватила его, силясь удержать.

– Помогите! Помогите же!

Парень обмяк и рухнул, увлекая девушку за собой.

Эрвин встал.

– Фильден! Немедленно окажите помощь раненому. Теобарт! Поднимайте людей и выводите из поселка. Трапеза окончена. – Он пытался сохранить хладнокровие, но голос подрагивал от злости и досады. – Кайр Джемис! Ко мне.

Воин приблизился к Эрвину, неспешно обойдя стол. Остальные суетились, поднимаясь; сельчане грудились вокруг калеки, девушка рыдала. Джемис был совершенно спокоен, когда остановился лицом к лицу с Эрвином.

– К вашим услугам, милорд.

– Вы издеваетесь надо мною, кайр?!

– Никак нет, милорд.

– Я же приказал вам этого не делать!

– Неужели? – Джемис пожал плечами. – Какая досадная ошибка, милорд! А мне показалось, что вы недовольны дерзостью этого щенка и хотите, чтобы я его проучил.

Эрвин скрипнул зубами.

– Я лишил вас одного из греев. Вы проявили неповиновение. Я простил вам и думал, что с того момента мы в расчете. Но нет, вы продолжаете метать шпильки, поступаете мне назло при любом удобном случае! Чего добиваетесь?

Джемис изобразил удивление:

– Не понимаю, о чем вы, милорд.

– Да вот об этом! – Эрвин яростно махнул в сторону раненого.

– Всего лишь деревенский скот, – хмыкнул Джемис. – Я же не знал, что вы так расстроитесь.

Эрвин бессильно сжал кулаки. Всю злость, сколько бы ее ни было, необходимо скрыть, загнать вглубь. Чем больше эмоций видит Джемис на его лице, тем больше убеждается в его слабости – и тем меньше шансов добиться повиновения.

– Этот деревенский скот – подданный моего отца, – холодно произнес Эрвин. – Все, кого вы видите вокруг, – подданные моего отца, герцога Десмонда Ориджина. Вам ясно это?

– Да, милорд, не спорю.

– Вы повредили собственность моего отца.

– А вы – мою.

Эрвин сорвал с пояса кошель серебра и ткнул Джемису.

– Возьмите. И знайте: если еще раз вспомните тот случай на тропе, то горько пожалеете.

– Да, милорд.

– А теперь потрудитесь выплатить штраф за свой проступок.

Джемис взвесил кошель на ладони. Развязал, выгреб пригоршню агатов, сунул в карман.

Пояснил:

– Сельское отребье стоит дешевле грея, милорд. Ведь вы не станете с этим спорить?

– Не стану.

Джемис протянул кошель с остатком денег Эрвину:

– Приношу извинения за то, что повредил подданного вашего отца, милорд.

– Не мне, – сказал Эрвин, – им.

И указал на раненого и его невесту, что сидела на земле, вздрагивая от рыданий. Джемис переменялся в лице – впервые за время разговора хладнокровие покинуло его, губы искривились от обиды и злобы.

- Просить прощения – у них? У черни?!
- Вы меня слышали, кайр, – с улыбкой произнес лорд.

Мелкая, недостойная месть. В иное время Эрвин устыдился бы, что так радуется унижению Джемиса. Кайр стиснул зубы, вздохнул. Помедлил, колеблясь.

- Вы чего-то ждете, кайр?

Джемис не решился перечить. Двинулся вокруг стола, подошел к группе сельчан, те опасливо расступились. Девушка увидела его, заплаканное лицо исказилось от ненависти. Калека попытался сесть, опираясь на оставшуюся руку, упал, затравленно уставился на кайра. Джемис протянул вперед ладонь, бросил: «Приношу извинения», – и перевернул развязанный кошель. Струйка серебра вытекла на землю.

Сельчане не притронулись к деньгам, пока Джемис был рядом. Но едва он ушел, калека сгреб в кулак несколько агаток, а девушка торопливо подобрала раскатившиеся монетки.

Вечером в лагере царила тоска. Воины хмуро переговаривались у своих костров, несколько голосов затянули песню, но вскоре умолкли. Разумеется, причиной тому было отнюдь не сочувствие к парню, лишившемуся руки, а значит, и средств к существованию. Воинов расстроило пиршество, что обещало стать веселой забавой, но так внезапно оборвалось. К чему лукавить – даже Эрвина больше задела дерзость кайра Джемиса, чем жестокость его поступка. В итоге Ориджину удалось приструнить кайра, однако на душе остался паскудный осадок. Эрвина преследовало чувство, будто он что-то сделал не так, совершил ошибку. А кроме того, все случившееся было унижительно: для него, для кайра Джемиса, для бедных сельчан.

Эрвин устроился в стороне от воинов, приказал Томми развести третий костер, потребовал горячего вина. Воинам не позволялось употреблять спиртное в походе, кроме тех случаев, когда лорд разделит с ними чашу. Однако Эрвин не имел ни малейшего желания пролевать общую попойку. Он в уединении выпил вина, зажег масляную лампу и принялся за чтение.

Книга звалась: «Первая Лошадиная война. Детальное рассмотрение причин успехов Дариана Скверного с надлежащими выводами о политике» – редкое беспристрастное жизнеописание опаснейшего врага империи Полари за всю ее историю. В шестнадцатом веке от Сошествия Дариану удалось поднять западных лошадиников на мятеж против Короны. Он стер с лица земли графство Мидлз, смял Литленд, покорила Альмеру и Надежду. Четверть столетия империя, сжавшаяся до размера трех герцогств, трепетала перед Дарианом Скверным и истекала кровью под его ударами. Впрочем, величайший подвиг Дариана, вызывавший глубокое восхищение Эрвина, был не воинским, а политическим. Мятежному аристократу удалось объединить под своими знаменами все пять строптивых западных народов и добиться от них беспрекословного повиновения! Ни до него, ни после это не удавалось никому другому.

Эрвин наткнулся в книге на любопытную цитату – высказывание Дариана о природе власти. «Подлинная власть произрастает из любви и страха. Авторитет, щедрость, суровая дисциплина, полководческий опыт – все это даст вам лишь долю власти, но не всю ее полноту. Вселяйте в сердца бойцов любовь и страх – то и другое одновременно. Поражайте их величием души. Наказываете вы либо милуете, ведете сражение на поле брани или беседу за столом переговоров – делайте все с полным размахом. Будьте жестоки либо милосердны, щедры или кровожадны, – но никогда не мелочны и обыденны. Подобно тому, как деяния богов недоступны разуму ученых, так талантливый полководец должен быть выше понимания солдат – и они пойдут за ним в огонь и воду».

Строки подтолкнули Эрвина к осознанию. Сегодня в Споте он поступил не так, как поступил бы сильный человек. Его действия – порывистая злость, мелкая мстительность – были к лицу обидчивому ребенку, но не лорду. В чем-то он был прав, но это не имеет значения.

Север уважает силу, а не справедливость. Эрвин нахмурился и отложил книгу. Проклятье, отчего же так сложно управлять людьми, которые по закону обязаны тебе подчиняться!

Захотелось поговорить с кем-нибудь не военного сословия. Таких людей в лагере было двое... нет, один. Филипп Лоуферт запропастился куда-то. Очевидно, он счел, что стоит выше воинской дисциплины, и остался в Споте с какими-нибудь девицами. А вот механик Луис Мария находился здесь: сидел поодаль на земле и в тусклом лунном свете водил карандашом по листу бумаги. Как он только различает что-то!

– Луис, – позвал его Ориджин, – идите сюда, садитесь за мой стол. Писать при свете лампы будет удобнее.

– Благодарю вас, милорд, – радостно отозвался Луис и быстро уселся рядом с Эрвином.

– Чем вы там заняты? – спросил молодой лорд. – Проверяете маршрут?

Он заглянул в планшет механика и вместо карты обнаружил там чистый лист с четырьмя короткими строчками текста. Две из них были зачеркнуты.

– Пишете стихи?.. – удивился Эрвин.

– Да, милорд. Для моей леди. Вот послушайте: «Твои глаза чище неба, А губы – как маковый цвет...» Дальше пока не придумал, только знаю, что в конце пойдет «...в мире нет». Хорошо зарифмуется, правда?

Эрвин улыбнулся.

– Я бы оказал вам помощь, но боюсь, что ни одна леди не станет терпеть мой сарказм.

– Ах, милорд...

– Только один совет: не называйте ее на «ты». «Ваши глаза», а не «твои».

– Но мы уже перешли на «ты» с моей леди, милорд!

– Это в разговоре, а сейчас вы обращаетесь к ней в стихах. Стихи на «ты» – уличная вульгарщина.

– Правда?..

Луис пососал кончик карандаша, зачеркнул, исправил. Добавил еще строку, подумал, погрыз карандаш. Отложил его, склонился поближе к Эрвину и тихо сказал:

– Я так благодарен вам, милорд, что позволили сесть возле вас.

– Пустое.

– Мне было так... не по себе как-то.

– Еще бы, холодно же! Сели бы у костра – и мигом согрелись.

– Как раз у костра мне и было не по себе, милорд. Среди этих... – Луис поискал слово, – людей, милорд. После того, что случилось сегодня...

– А, вот вы о чем. Это Север. Привыкайте.

– Боюсь, что не смогу привыкнуть к такому, милорд. Вот так, на ровном месте, не говоря ни слова, Джемис взял и... о, боги.

– Кайр Джемис, – мягко поправил Эрвин. – Будьте осторожны, только лорд имеет право называть воина по имени, пропустив титул.

– Да, да, конечно, кайр Джемис... Бедный искалеченный юноша! Как он проживет теперь!

– По правде, этот паренек сегодня получил больше серебра, чем мог бы заработать за несколько лет. Если выживет, то будет доволен, что продал руку за такую хорошую цену.

Эрвин попытался успокоить Луиса, но, похоже, достиг обратного эффекта.

– Святые Праотцы! – вздохнул механик. – Разве это не бессердечно!

– Существуют традиции. Простолюдин не должен поднимать руку на воина. Мужик должен знать свое место – или пострадает.

– Простолюдин... конечно, – печально вымолвил Луис.

Его задело: ведь он и сам был выходцем из низов. Пусть не из крестьян, но из мастеровых, что стоят ненамного выше. Поразмыслив, он спросил:

– Милорд, позавчера, когда мы зашли в тупик у водопада... Тот случай тоже потряс меня. Кайр Джемис с такой легкостью рискнул жизнью своего оруженосца! Ведь Хэнк – воин, а не простой крестьянин!

– Такое нередко случается. Кайры любят устраивать своим греям всевозможные проверки и испытания. Нырнуть с головой в выгребную яму или простоять на часах два дня без еды и питья – это цветочки. Из более забавного – ночью пройти по стене герцогского замка на одной ноге, перепрыгивая с зубца на зубец. Или пересечь озеро по октябрьскому льду, или отправиться на зимнюю охоту в одном исподнем и не возвращаться без дичи.

– Но ведь это смертельно опасно!

– В том и соль.

– Милорд, разве может рыцарь так запросто рисковать жизнью оруженосца?

– Грея, а не оруженосца. Не путайте, Луис. Здесь большая разница. Положение греев сильно отличается от оруженосца при южном рыцаре. Грей недостойн сражаться плечо к плечу со своим господином. Кайры выезжают на поле боя верхом, серые плащи выходят в пешем строю. Оруженосцы южных рыцарей часто развлекаются наравне с хозяевами: охотятся, пьют, ходят в бордели, порою даже участвуют в турнирах. На Севере греи ниже рыцарских развлечений. Вне ратного поля серые плащи обязаны заниматься лишь двумя делами: совершенствовать свое мастерство и служить господину. Служба может принимать любые формы. Всякое дело, которое кайр посчитает слишком грязным, хлопотным, бесчестным, физически утомительным, он поручит своему грею. Любое препирательство с господином окончится жестоким наказанием. Если кайр сочтет, что грей выполнил приказ недостаточно старательно, результат будет тем же. Оруженосец – помощник и соратник рыцаря; грей – пес своего господина.

Луис переварил услышанное и осторожно спросил:

– Но все же – неужели жизнь слуги ничего не стоит?

– Кайр станет беречь грея, что прослужил уже несколько лет и кое-чему обучился. Но свежий новобранец, ничего не умеющий, не представляет особой ценности. Случись что, ему легко найдется замена. Простите, Луис, это звучит жестоко, но так и обстоят дела.

– Откуда же берутся желающие служить в греях?

– О, этих желающих – хоть отбавляй. Видите ли, греи не всегда принадлежат к благородному сословию. Крестьянин или ремесленник, если он силен, дьявольски вынослив и упрям, как сто ослов, может надеть серый плащ, отслужить греем положенное число лет, пройти посвящение и сделаться кайром. Это – редкая, сказочная возможность для простолюдина перескочить в высшее сословие. Кайр уступает положением лишь лорду и стоит несравнимо выше мещан, купцов, ремесленников. Лорд, посвятивший кайра, берет его к себе на службу. Традиционное жалованье составляет три-четыре золотых эфеса в месяц – такую сумму крестьянин едва ли может скопить даже за десять лет. Кайр обладает всеми правами дворянина: делит с лордом стол и кров, боевые трофеи; может взять в жены благородную девицу; может вызвать благородного воина на поединок и, в свою очередь, принять вызов. Нередко за особые заслуги в бою сюзерен дарует кайру и ленные владения. Впрочем, даже это – мелочь в сравнении с чувством гордости, осознанием принадлежности к лучшему воинству всех времен и земель! Но, чтобы добраться до вершины, необходимо пройти серый плащ.

– И многим ли удастся стать кайрами, милорд?

– Не многим, – просто ответил Эрвин.

Как-то отец показал ему группу юношей, пришедших в замок, чтобы надеть серые плащи.

– Смотри, – говорил Десмонд Ориджин, – вот стоят пятьдесят щенков. Мы испытаем их на силу и выносливость. Пусть пробегут тридцать миль без остановки, заташат на башню бочку смолы. Сорок не справятся, останутся десять. Мы оденем их в серое. Трое из десяти погибнут или покалечатся в первый же год службы, еще трое – в последующие пару лет. Четверо протянут достаточно долго, чтобы выйти на посвящение. Один пройдет его и сделается

кайром. Трое провалят, попытаются повторно, провалят вновь и так навсегда и останутся в грехах. Из них будет состоять наша пехота – лучшая в империи Полари, исключая разве что императорских искровиков.

Верховые кайры превосходили южных рыцарей мастерством и храбростью, но уступали толщиной доспехов и выносливостью коней. При равном числе кайры побеждали, но при полуторном перевесе в пользу южной кавалерии исход битвы становился непредсказуем.

С пехотой ситуация была иная. В большинстве земель попросту не существовало профессиональной пехоты. Пешие отряды сколачивались из крестьян, наспех собранных под знамена при начале войны. Сказать, что греи превосходили их на голову, – не сказать ничего. Стойкая, бесстрашная, высоко маневренная, обученная построениям пехота Ориджинов сметала и обращала в бегство вражеских ополченцев почти без потерь со своей стороны. Кайры ни за что не признали бы этого, но нередко победы достигались силами презренных серых греев. Пехотная мощь северян происходила, если разобраться, из несбывшихся мечтаний юношей о черно-красном плаще кайра. Разбитые надежды и выросшее из них величие – Эрвину виделось в этом нечто весьма философское.

Лорд и механик на время погрузились в раздумья.

Погода Луис сказал:

– Мне кажется, милорд, вы – не такой, как ваши соратники.

– Да?

– Я имею в виду, в хорошем смысле, милорд. Ну, вы – добрый.

– Никогда не обвиняйте Ориджина в доброте. Вас могут вызвать на поединок.

Корабль пришел под вечер следующего дня. Круглобокая шхуна из Беломорья с когтистым нетопырем Ориджинов на флаге встала на якорь в двух сотнях ярдов от берега. Крохотный рыбацкий причал не годился для торгового судна, а залив был опасно мелок. Матросы, люди Эрвина, рыбаки из поселка сновали на лодках к шхуне и обратно, перевозя припасы: мешки крупы, картофеля, лука, бочонки орджа и эля. Эксплорада пересекала горы налегке с небольшими запасами, продовольствие для дальнейшего пути было отправлено кораблем. Его оказалось более чем достаточно – из расчета, пожалуй, месяца на четыре без пополнения припасов. Из бочек и мешков выстроилось на берегу столь внушительное сооружение, что Эрвин всерьез забеспокоился, смогут ли десять несчастных осликов потащить на себе все это. Даже девять – за вычетом Серого Мохнатика, которого Эрвин неосмотрительно отдал Луису. Однако, как выяснилось, герцог предусмотрел это затруднение: следом за продовольствием, шхуна выпустила из трюмов дюжину мулов. Выючные животные боялись воды и никак не желали сходить с палубы в шаткие, ненадежные лодочки. Матросы и греи проявили чудеса ловкости, спихнув в лодку одного из мулов – самку. Остальные упирались уже не так отчаянно и на закате были перевезены на берег. Сошла на землю и команда, сельчане встретили моряков радушно и принялись обустривать новое застолье.

Эрвин отыскал капитана шхуны.

– Сударь, не передавал ли с вами письма его светлость герцог Десмонд?

– Нет, милорд, никаких посланий для вас не имеется.

Эрвин переспросил и вторично получил тот же ответ.

– В таком случае, – скрывая надежду, произнес он, – возможно, герцог велел вам передать сообщение на словах?

– Что вы, милорд! Я его даже не видел. Герцог Десмонд не приезжал в порт, одни лишь его слуги.

Только теперь Эрвин в полной мере осознал разочарование. Десмонд Герда Ленор рода Агаты, герцог Ориджин – суровый человек, выкованный из железа. Но, тьма холодная, я же его единственный сын! Я умен, честен, я ничем не посрамил его (если только само мое суще-

ствование не считать позором). Отчего же отец обращается со мной как... пожалуй, как лучник со стрелой! Взвел тетиву – и отправил в полет. Ни бесед, ни лишнего внимания – зачем? Стрела уйдет туда, куда направлена: у нее попросту нет выбора. Если попадет в цель, лучник подберет ее и сунет обратно в колчан. А если промахнется – может, и искать не станет, велика ли важность.

Капитан глядел на Эрвина, и тот поспешил бросить новый вопрос, чтобы не выдать своего замешательства:

- Какие из припасов предназначены в подарок жителям Спота?
- Вон те мешки с мукой, милорд.
- Всего?..

Капитан осторожно промолчал. Никто не станет указывать вельможе на его скупость.

Ориджин оглядел неприлично скромный герцогский дар и гору продовольствия, предназначенного для проклятой эксплораты.

– Старейшина Ховард, – крикнул молодой лорд, – подойдите ко мне. Людей своих возьмите – тех, что покрепче.

Пара дюжин сельчан во главе со старичком выстроились перед Эрвином.

– Великий Дом Ориджин дарит Споту половину этих припасов. Разделите весь груз, каждый второй мешок и бочку возьмите себе.

Старейшина опешил:

– Милорд, я боюсь, что по глухоте своей не вполне расслышал ваши высочайшие...

– Все верно вы поняли, – поднял Эрвин голос, чтобы слышали другие сельчане. – Половина груза с корабля – ваша. Берите!

Ховард принялся рассыпчато благодарить, запутался в словах, сбился. На его глазах появились слезы, это выглядело столь жалко, что Эрвин отвел взгляд. Спотовские рыбаки уже растаскивали мешки с крупами и овощами, подхватывали на плечи бочонки эля. Они сновали шустро, опасаясь, как бы лордский сынок не передумал, – ведь кто знает, что на уме у этих первородных. Мальцы и девушки собирались вокруг, привлеченные суетой, пересказывали друг другу событие, с недоверчивым восторгом поглядывали на Эрвина.

Капитан Теобарт приблизился к господину.

– Милорд, я должен предупредить, что вы не достигнете своей цели таким образом. Когда запасы еды окончатся, мы не повернем назад: среди моих людей не менее дюжины хороших охотников. Придется питаться одним мясом да ягодами, но воину не привыкать.

Эрвин прекрасно владел этим умением: по совершенно бесстрастному лицу прочесть недосказанное. Воину-то не привыкать к скудному питанию, а вот избалованному лорденышу – другое дело.

– Не понимаю, кайр, вы обвиняете меня в срыве эксплораты?

– Милорд, я имею четкий приказ от его светлости: двигаться на восток, пока не обнаружим место для искрового цеха. Если пожелаете вернуться, я выделю воинов для вашего сопровождения в Первую Зиму, но остальной отряд пойдет дальше.

– Тьма вас сожри, кайр! Я всего лишь выказал сострадание к черни!

– Я восхищен щедростью, которую вы проявили, милорд.

Недомолвка была красноречива: щедростью за чужой счет. Вы-то едите за отдельным столом, милорд неженка.

Монета

*Конец апреля 1774 года от Сошествия Праматерей
Герцогство Южный Путь*

Полли из Ниара оказалась замечательной певицей.

Хотя выяснилось это не сразу, а погода. Сперва-то, конечно, Хармоновы новые спутники добротнo обсудили сизый мор и все, что с ним связано. Есть у людей такая черточка, торговец не раз удивлялся: если стряслась какая-то беда, людям непременно нужно о ней поговорить, и как можно подробнее. Как случилось, а с кем, а когда? А чем пользовали? А в чем хоронили? А священник что на похоронах сказал? Как так – не было священника? Что же он, сбежал, подлец? И куда же, любопытно, девался?..

За два дня пути от Излучины, где Хармон подобрал восьмерых беженцев, наслушался он о сизом море больше, чем знают лекарь с цирюльником вместе. Пришел, значит, мор в Ниар вместе с западниками. Месяц назад прискакала дюжина вольных всадников из Холливела... нет, из Рейса... хотя кто же их разберет? Важно, что глазастые, патлатые, и кони у них поджарые, как охотничьи собаки. Стало быть, точно западники!

Не говорите, чего не знаете! – возражал на это старик-маляр, тот, что бежал от мора вместе со внуком. Не лошатники напасть принесли, а боги послали. Они всегда людям хворь насылают, если люди не по заветам живут. Трудятся мало, хнычут все время, лордов не уважают, молитвы позабывали – вот боги и послали мор, чтобы людей вразумить.

Да какие боги? – возмущались сестры Дженни и Пенни. Ты, что ли, богов у нас в Ниаре видел?! А западников все видели! Как эти лошатники прискакали, так все и началось. А первой захворала прачка с Медовой улицы, ее падчерица как раз с лошаdnиками путалась – это все видели! Так что боги ни при чем, это все западные подлецы! И ведь вот какая подлость: сами-то они ускакали здоровехоньки, как ни в чем не бывало, а у нас мор пошел косить!.. Видно, лошатники всю хворь с себя в Ниаре стряхнули и чистенькие уехали. Для того и приезжали, стервецы!

Кого берет мор? Да кого попало! Старого, молодого, красавицу, уroda, кухарку, рыцаря, бургомистра – кто ему в лапы попадетсЯ, того и утащит. Ему, мору, никакой разницы нет. Беженцы принялись вспоминать покойников и общими усилиями сложили такой список, что хватило бы на приходское кладбище. Особенно всем запомнилась дочка епископа: уж так хороша была собою, и так невинна, и молилась исправно – а все же померла. Видимо, кому-то из Праматерей в Подземном Царстве служанка понадобилась. Безумный дед с Ремесленной площади тоже удивил. Он был сухорукий и на голову хворый: всегда стоял плотно спиной к стене, отойти боялся – коли отойдет, то за ним его тень погонится. Уж казалось бы на что несчастный человек – и так две тяжкие хвори, куда уж третью?.. Но и его мор забрал.

– Да что уж говорить: даже собака от сизого мора издохла! – заявил Маляр. – Лежала в пруду вся синяя, бедолага.

– При чем тут мор? – возразила старуха Мэй. – Это собака сапожника, она утонула в пруду. Вся улица знала, что псина плавать не умеет! А что синяя – так она и при жизни была синяя. Порода такая...

Посовещались, убрали собаку из списка жертв.

А вот что еще удивительно: прачкина падчерица с Медовой – та, что гуляла с лошаdnиками, – осталась жива-здорова. Казалось, ей бы первой на Звезду отправиться – но нет. Как вертела хвостом перед мужиками, так и вертит до сих пор. Если, конечно, в Ниаре еще кто из мужиков остался...

– На что похож этот сизый мор? – спросил Вихорь, слуга и конюх торговца. – Как он себя показывает?

Беженцы охотно поведали во всех подробностях.

Сперва человеку становится зябко, вроде как холодок пробирает. Но коли оденешься и сядешь у огня, то ничего. На второй день становишься вроде как уставшим: берешься за работу – не идет, поднимаешь ведро воды – пот течет. Это тоже можно пропустить, мало ли отчего человек уставший. На третий день синеют губы – вот это уже скверный признак. У кого «синий поцелуйчик» на устах, от того лучше держаться подальше, и даже не говорить с ним. Кто его знает, как хворь переносится: а вдруг со словами?.. После губ начинают синеть пальцы и нос, и сизые круги под глазами появляются. А кожа – бледная, что полотно, и человека всего трясет от озноба, будто в лихорадке. Тогда уже, считай, не жилец. И точно: день на пятый-шестой начинает задыхаться, ловить воздух ртом, как рыба, и глаза выпучивать. Похрипит вот так ночью, а наутро глаза помутнеют, зрачки закатятся – и прощай.

Постоянные разговоры о мертвецах надоели Хармону, он окрысился:

– Что вы тоску нагоняете, а? Какой прок от этих похоронных песен? От этого мор не прекратится. Скажите лучше, как его лечить, коли такие умные!

Вопрос не поставил беженцев в тупик. У каждого имелся свой надежный метод, испытанный на паре-тройке покойников.

– Мор надо лечить серебром, – утверждала старуха Мэй. – Истереть агатку в порошок, размешать с вином и в три захода выпить. Серебро – благородный металл, он внутренности чистит. Мне лекарь говорил. Ученый лекарь, знающий – носил птичий клюв и маску.

– Ерунда это! – ворчал Маляр. – Не агатки тереть, а молиться нужно. Прочсть шестнадцать молитв Праматерям и девяносто шесть – Праотцам. Коли успеешь, то исцелишься. Грамотному оно проще: взял в церкви молитвенник – и давай, страницу за страницей... А нашему брату, неграмотному, беда: где же наизусть сто двенадцать молитв заучить? Потому я сбежал из Ниара и внучка прихватил...

– А я слышала, – говорила Дженни, – надо хворого в ледяную баню посадить. Хворь боится холода, когда человек мерзнет, она уходит.

– Опять ты все напутала, – вставляла Пенни, – ледяная баня – это от безумия! А от сизого мора – наоборот, жара спасает. Садят хворого в парилку и греют, пока с него семь потов не сойдет. Мор с потом и выходит!

Даже Кроха высказалась! Она была так мала, что говорила с трудом. Дженни и Пенни присматривали за нею.

– Пледмет надо! Пледмет!

– Нет, деточка, – возразил Хармон, – уж Предметы точно не помогут. Мне священник сказал, мудрый человек: Предметы молчат. Праматери умели с ними говорить, а теперь уж никто не умеет.

– Маловато святости в этих ваших священниках, – хмуро сказал Маляр. – Коли истинно святой человек взял бы Предмет в свои руки, то мигом любую хворь исцелил бы! Но ничего, помяните мое слово: владыка наш Адриан займется этим. Вот уж поистине светлый человек! С ним-то любой Предмет заговорит!

– Твой любимый владыка – греховник, – фыркнула старуха Мэй. – Со своими этими рельсами невесть во что государство превратит! Сколько лет хорошо жили, как тут явился Адриан – и нате, давай все с ног на голову переворачивать!

– Владыка займется хворью и непременно исцелит, – стоял на своем Маляр. – А покуда он сам делами занят, то прислал в Ниар своего ы... и... эмиссара.

– Верно, эмиссара и мы видели! – сказали Дженни и Пенни. – Красивый такой приезжал, в красной карете!

Немного поспорили о значении слова «эmissар». Решили, что это титул – выше рыцаря, но ниже барона.

Изо всех беженцев одна лишь Полли не интересовалась сизым мором. Скромно уединилась на задке фургона и коротала время за рукоделием: вышивала цветы на подоле сарафана. Красные, синие и зеленые бутончики переплетались друг с другом в веселом хороводе. Хармон засмотрелся – ловко это у девушки выходило: без лишнего. Всего несколько стежков – и расцвел очередной цветочек. Особенно торговцу понравилось, как Полли заправляла нить в иглу: всегда ровно ту длину, которая требуется, не больше и не меньше.

– Ты швея? – спросил Хармон.

– Нет, сударь, это я так, для себя.

– А чем занималась в Ниаре?

– Всем понемногу, сударь. Готовила, хозяйство вела, в мастерской помогала. Петь любила.

– Люблю, когда девушки поют! – оживился торговец. – Спой что-нибудь!

– Неловко сейчас... Там люди про хворь говорят, не хочу их сбивать.

– А ты что же с ними не говоришь?

– А толку от этого, сударь? Такие беседы лишь тоску нагоняют, а мне не по нраву тосковать. Помните, Святая Янмэй велела: не получай удовольствия от страданий. Горюй тихо, а радуйся – громко.

Хармон улыбнулся:

– Это уж точно! Золотые слова. А вот, говоришь, в мастерской помогала – это как? Тебя что же, подмастерьем взяли? Странная штука!

– Нет, сударь. Муж был резчиком по дереву, а я помогала, когда время находила. Интересно было новому делу научиться.

– Муж?.. – удивился Хармон. – А что же ты одна, без него? Сбежала, что ль?

– Он умер, сударь. Две недели, как я вдова.

Такое не приходило в голову торговцу. Уж больно Полли молода, и очень умело скрывала свое горе. Нужно хорошо присмотреться, чтобы увидеть грустинку в опущенных уголках рта и в морщинках под нижним веком.

– Соболезную тебе, – сказал Хармон. Каждый беженец потерял кого-нибудь из-за мора и трижды уже об этом рассказал. Но сочувствие у Хармона вызвала только немногословная Полли.

Первые дни Джоакин нарочито избегал Полли. Не заговаривал с нею, не садился рядом, даже старался не смотреть в ее сторону. Это было тем более странно, если учесть миловидную внешность девушки. Снайп заглядывался на нее и смурнел – верный признак, что девица пришлась ему по душе. Вихренок норовил потереться около Полли, а Вихорь, едва заговорил с нею, сразу запутался в словах, и чуткая Луиза мигом отвесила мужу подзатыльник. Но Джоакин не уделял белокурой милашке никакого внимания, и Хармон заподозрил: что-то у них этакое вышло, обидное для Джоакинова самолюбия. С его-то самолюбием оно и не сложно: в любую часть тела пальцем ткни – в самолюбие попадешь.

Был второй вечер после Излучины, разговоры о хвори наконец пошли на убыль, и Полли предложила спеть.

– А сподручно ли тебе? – спросил Хармон. – Мы-то с радостью послушаем, но ведь ты в трауре.

– Мой Джон был хорошим человеком, – ответила Полли. – Работящим был, серьезным... Да только я его почти не знала. До свадьбы виделись только раз: он в мой город на ярмарку приезжал. А после свадьбы занялся делами, чуть свет уходил в мастерскую. Говорил: нечего

сидеть, время дано, чтобы делать дело. Год прожили вместе, и ни разу, кажется, не говорили по душам. Очень жаль, что не успела его узнать... Но жизнь-то продолжается, верно?

Хармон сказал:

– Ну, ты сама смотри... Я-то люблю, когда поют, не сомневайся...

Полли спела.

Обыкновенно певец ведет песню туда, куда считает нужным. Коли песня грустная, то выжмет слезу; коли геройская, то меди в голос добавит; а если любовная, то примется томно подвывать, как будто от страсти прямо дышать не может. Оно и правильно: кто слушает песню, должен сразу по голосу чувство понять и настроиться – тогда будет удовольствие.

Но Полли поступала иначе: не вела песню, а шла за нею следом. Начинала ровно и негромко, даже как будто не пела, а сказку рассказывала. Чувства появлялись в ее голосе под стать словам и сменяли друг друга. Песня делала поворот – и менялся голос певицы: вытягивался мечтательно, смешливо подрагивал, набирал силы в надежде или разочарованно опадал.

Полли жила чужой жизнью, пока пела.

И беженцы, и слуги торговца долго не давали ей покоя. Заставили вспомнить дюжины две песен, никак не меньше, и просили еще и еще. Порою кто-то пытался подпевать, но быстро замечал, как грубо и неказисто у него выходит, и замолкал.

– Теперь-то я знаю, как твой Джон выбрал тебя в невесты с первой встречи, – сказал Хармон. – Видать, услышал твое пение и не смог оторваться.

– Так и было, – смущенно ответила Полли. – Мои братья держат таверну. Он там ужинал, а я пела...

Ее много хвалили, даже угрюмый Снайп выдал нечто лестное, а Доксет соорудил такую медоточивую речь, что едва сумел доплыть до конца и не затонуть.

Однако Джоакин сказал Хармону вполголоса:

– А мне вот не по душе такое пение. Страсти мало, напора. Все какие-то перепады, перебивы... Не поймешь, то ли плачет она, то ли смеется.

– Так ведь это хорошо, – ответил Хармон. – В жизни ведь тоже так: не знаешь, где заплачешь, а где засмеешься.

– Не люблю такого, – отрезал Джоакин.

– Чем эта милашка тебе насолила? – полюбопытствовал Хармон. – Не оценила, что ли, твоих многочисленных доблестей? Не учуяла запаха благородных кровей?

Джоакин скривился.

– Ничуть не бывало! С чего вы взяли! У меня к ней, если хотите знать, отношение совершенно ровное!

– Ну, так похвали ее тогда.

– С чего бы мне ее хвалить, если плохо поет?!

Последующими днями Джоакин относился к Полли все так же ровно. И даже не просто ровно, а усиленно ровно – ровнее не бывает.

Он возобновил утренние упражнения с мечом. Дело осложнялось тем, что обоз шел через поля, и найти подходящее для мишени дерево было сложно. Джоакин соорудил чучело из соломы и возил его с собою; поутру устанавливал его среди поля, привязав к воткнутой в землю палке, и принимался плясать вокруг, весьма живописно пронзая чучело клинком. Зрители непременно собирались, но Полли не бывало среди них: она вызвалась помогать Луизе со стряпней. Джоакин не обращал ни малейшего внимания на ее отсутствие... только оглядывался изредка – проверить, не подкралась ли, не смотрит ли тайком?

Ехал он по-прежнему во главе обоза, чуть впереди Хармона со Снайпом. Его нисколько не волновала Полли, сидевшая на задке фургона. Он даже не смотрел, есть она там или нет.

А если говорил что-нибудь важное, то даже повышал голос – показать, что ему нет никакого дела, даже если Полли услышит:

– Мельницы здесь, скажу я вам, хозяин, какие-то хилые, да и мало их. Вот на Западе, где мы рубились прошлым летом, – там иное дело! На каждом холмике по мельнице! А между ними все золотое от пшеницы. Недаром граф Рантигар, наш полководец, так мне и сказал: «Эти земли – хороший трофей, Джоакин. За них не жалко и сразиться».

Видно, мельницы-то ему про войну и навяли, поскольку Джоакин принялся часто вспоминать ее и при удобном случае рассказывать. Доксет за обедом сочинял для Вихренка очередную басню:

– ...Окружили мы, значит, поезд, но что с ним делать? Ладно бы у нас алебарды были – тогда еще ничего. Но копьями-то его не возьмешь!

Джоакин приосанился, кашлянул и встрял:

– Это, Доксет, давно было. Встарь, может, и так воевали, как ты говоришь. Но сейчас-то все переменялось! Военная наука не стоит на месте. Со мною вот как было прошлым летом. Подошли мы к броду через реку, а на той стороне враг окопался. Граф Рантигар зовет меня и велит: «Возьми с собою сотню конников – самых отчаянных, каких найдешь. Ночью идите вверх по реке и переплывите, а утром с тыла по врагу ударите. Но смотрите: кроме кожи, никаких лат не надевайте, а то потонете все». Мы так и сделали – переплыли реку, с рассветом ударили в тыл Мельникам и опрокинули их в воду. А когда рубились, я понял для себя: легкие доспехи имеют большое преимущество – в бою лучше быть быстрым соколом, чем неуклюжим медведем! Если хотите знать, с тех пор я и не ношу кольчугу.

Естественно, Джоакин не обращал ни малейшего внимания на то, слушает ли Полли его рассказ. А когда девушка хотела наполнить его миску, он с непроницаемым лицом ответил:

– Благодарствую, отчего-то я не голоден. Мирная жизнь не способствует аппетиту.

Даже вечерами, когда Полли пела у костра, Джоакин находил возможность показать свое ровное отношение к ней. Он, конечно, слушал вместе со всеми, как того требует вежливость, но всем своим хмурым видом показывал, что пение не приносит ему ни малейшего удовольствия, и с тем же успехом – если бы не хорошее воспитание – он мог бы удалиться и слушать сверчков да разглядывать Звезду в небе.

Нужно отметить: Полли отвечала ему взаимностью. Девушка тоже не обращала внимания на молодчика, и ей это стоило куда меньших усилий, чем ему.

– Хозяин, вы нам так и не рассказали: что в письме-то было? – спросила Луиза, когда обогнул с привычного Торгового тракта на Озерную дорогу. После Излучины прошла неделя.

– С чего это тебе стало любопытно?

– Мне и было любопытно. Я думала, сами скажете, а вы все не говорите. Как тут не спросить?

– Что было в письме?.. Хм... – Хармон сознался: – По правде, я и сам не вполне понял.

– Как так?

– Сама посуди, – сказал Хармон и прочел.

В письме говорилось:

«Хармон Паула, доброго тебе здравия. Мне требуется твоя помощь. Мой сюзерен – его милость граф Виттор Шейланд – желает продать один товар. Граф спросил моего совета: не знаю ли ловкого торговца, способного устроить сделку быстро и без лишнего шума? Я рассказал о тебе, и его милость пожелал с тобою встретиться. Потому будь добр, найди возможность без проволочек прибыть к нам в Уэймар.

Гарольд Грета Люсия рода Инессы.

2 марта 1774 от Сошествия, замок Уэймар, графство Шейланд».

– Гарольд Грета – это кастелян Уэймарского замка, мой давний покупатель, – пояснил Хармон. – А граф Виттор – его лорд.

– Гарольда мы помним, – сказала Луиза. – Но вот что он за товар предлагает?

– А мне почему знать? Я прочел столько же, сколько ты.

– Тогда зачем мы туда спешим? Свернули на Озерный тракт – значит, идем сразу в Шейланд. Но товар-то неясный. А вдруг чепуха, от которой прибыли не будет?

– Глупая ты. Когда граф зовет – надо ехать. Графам, знаешь ли, не отказывают.

Луиза покачала головой: мол, для торговца главное – монета, а граф, не граф – дело второе. В глубине души Хармон был с нею согласен. Встречал он на своем веку и небогатых феодалов, и вовсе нищих. Один барончик из Надежды пытался некогда ему, Хармону, продать коня:

– Боевой жеребец, холливел, чистокровка! Он мне полусотни эфесов стоил, а тебе уступлю за два!

Хармон не был знатоком коней и вряд ли отличил бы холливела от литлендца или фаули, но в одном мог поручиться: прошло лет десять с тех пор, как этот жеребец выезжал на поле боя. Лишь очень смелый человек рискнул бы сесть верхом и пустить его рысью: на левом глазу коня зияло огромное бельмо.

– Я не торгую лошадьми, милорд, – вежливо отказал Хармон, и барончик возопил:

– Купи хотя бы седло и шпоры!

– Неужели они вам не пригодятся, милорд? – спросил Хармон и тут же понял ответ по кислому лицу барона: тот не питал никаких надежд когда-нибудь разжиться деньгами на нового коня.

В итоге Хармон купил у него шпоры за три глории, а в Альмере перепродал за семь, но удовольствия не получил. Нищий барон чуть не плакал, когда брал монеты из рук торговца, а Хармон никогда не любил такого. Сделка должна быть в радость и покупателю, и продавцу! Иначе это не сделка, а взаимное мучение.

Однако в случае с графом Виттором Шейландом торговец не ожидал подвоха. Он видел графа пару раз и был наслышан о его деяниях. Продолжая отцовское дело, вельможа создавал банки. Весьма удобное изобретение, особенно для тех, кто много странствует. Кладезь кругленькую сумму в банк и получаешь взамен именной вексель. Прodelьываешь путь в сотни миль без малейшего риска, а прибыв на место, идешь в другую банковскую точку и меняешь вексель обратно на деньги. А даже если потерял его – все равно не беда: вернешься в тот банк, где получил расписку, назовешь имя и секретное слово – и получишь денежки целенькими. За услуги банк берет себе одну монету с каждой сотни. В больших и малых городах по всему Северу и Центру империи имелись банковские точки Шейланда. И каждая точка – Хармон был уверен – приносила графу десятки золотых эфесов в месяц. Так что можно не сомневаться: если этот человек решил продать что-нибудь, то уж точно речь не идет о старой кляче.

Джоакин, услышав разговор торговца с Луизой, оживился:

– Мы что же, направляемся в гости к графу?

– Ну, для тебя-то графья – дело привычное, – поддел его Хармон. – На войне ты, помнится, был графу Рантигару все равно что правая рука.

Полли улыбнулся, и Джоакин, что тщательно не смотрел на нее, тут же вспыхнул:

– Не вижу поводов для смеха, сударыня! Что было – то было! А если мы и проиграли войну, то не моя в том вина: сама судьба обернулась против нас.

– Не смею спорить, сударь. Я понимаю в войне так же мало, как и в мужчинах.

Глаза Полли смеялись. Джоакин зло всхрюкнул и удалился.

Ветер принес с запада тяжелые тучи, пошли дожди. Странная погода в этих землях вокруг Дымной Дали: конец марта всегда теплый, солнечный, зато в конце апреля холод воз-

вращается на время и берет свое – поливает ледяными дождями, а то и сыплет снегом. Дорога, укрепленная булыжниками, не раскисла, и можно было продолжать движение. Но сделалось чертовски зябко, особенно – ночами, и, как назло, сухих дров для костра было не сыскать. Ночью все ютились в двух крытых фургонах, разделив их попросту на мужской и женский. Спали вповалку, освободив площадку от мешков с товаром. Зато было теплее.

Приближался город Барберри на берегу озера Дымная Даль. В нем Хармон планировал расстаться с беженцами и податься кораблем в Уэймар, где ожидала его встреча с графом Шейландом. Вечером, за пару дней до города, он выселил весь честной народ в другой фургон, оставив при себе лишь Джоакина.

– Мы с тобою, приятель, попадем в замок графа. Хочу удостовериться, что ты знаешь, как себя вести, и не опозоришь меня.

Джоакин вскипел и изготовился возмущаться, но Хармон добавил:

– А не хочешь – останешься в Барберри сторожить обоз, а я с собою Снайпа возьму. Он, конечно, угрюмый тип и не красавчик...

Джоакин взял себя в руки и согласился на проверку. Почти без помощи со стороны Хармона вспомнил, что при встрече с графом следует отвесить поясной поклон, а кастеляну и рыцарям достаточно низко кивка; что руку для пожатия протягивать не нужно – это дерзость; что Джоакин, как воин, имеет право звать графа «милорд», но учтивей все-таки говорить «ваша милость»; что место за столом Джоакину укажут, и сесть он должен никак не раньше, чем задница последнего из графских рыцарей коснется скамейки. Если доведется поднимать кубок, то пить нужно просто за здоровье его милости и не упражняться в остроумии – а то, неровен час, нагородишь глупостей. Недурно также запомнить, что Шейланд враждует с западниками и дружит с Ориджинами, потому о первых надлежит помалкивать, а вторых, по возможности, хвалить.

– Еще вот что. Если доведется говорить с молодой женой графа – вряд ли, конечно, но вдруг! Руку взаправду не целуй, а только тронь кончиком носа. Графиню можешь звать «миледи» или «ваша милость», но лучше скажи «ваша светлость». Она герцогского рода, ей будет приятно.

– Герцогского рода?.. – присвистнул Джоакин. – И кто же она?..

Тут их прервали: откинулся полог, и в фургон просунулась мокрая голова Вихренка.

– Хозяин, там такое дело...

– Где?

– Во второй повозке.

– И что там?

– У нас хворый обнаружился! Малец из Ниара посинел!

– Тьма холодная. – Хармон сплюнул. Вдохнул, закутался в плащ. – Что же, идем глянем...

Торговец выбрался из фургона, Джоакин следом. Снаружи лупил холодный дождь. Если положить руку на сердце, то Хармону ни капельки не хотелось глядеть на хворого. Чего хотелось – так это сесть в свою повозку и прямо сейчас дать ходу. Коль среди ниарцев есть один синюшник, то может и второй найтись, а там и третий. А там, глядишь, и сам Хармон-торговец станет ртом воздух глотать да глаза выпучивать. Нет уж, держи монету в кармане, а хворь – за горами!

Проблема состояла как раз в монете: в том фургоне товара было этак на дюжину эфесов, да плюс сама телега с лошадьми. Жалко! И зачем только он дал слабину в Излучине, взял с собой этих чертовых беженцев?.. Скрепя сердце Хармон забрался во вторую повозку.

Внутри горела масляная лампа. Весь честной народ сгрудился в спальной половине фургона, застеленной одеялами. Виновника переполоха торговец разглядел не сразу: малярский внучок забился в тенистую щель между ящиками в дальнем конце повозки. Рядом находился

его дед. В проходе стоял Снайп, отгораживая Маляра с Маляренком от остальной компании. Дезертир держал боевой топор, выставив его перед собой – не так, чтобы рубить, но так, чтобы не дать отщепенцам приблизиться к стаду.

– Проваливайте, ну! Больше повторять не стану! – рычал Снайп, когда Хармон забрался в фургон.

– Хозяин здесь! Вот его и послушаем, – сказала Луиза.

– Что тут у вас творится? – спросил Хармон, хотя прекрасно видел, что.

– Малец принес на себе мор, вот что. У него вся рожа посинела.

– А ну-ка, дайте поглядеть, – сказал Хармон.

Народ расступился. Торговец не имел желания приближаться к мальчику, сунул лампу в руку Снайпа:

– Посвети-ка.

– Еще чего... – фыркнул охранник и передал лампу Маляру.

Тот поднес свет к лицу внука. Верно: губы были синими, щеки – белыми. Малец дрожал.

– И что же с тобой делать?.. – проворчал Хармон.

– Как – что? – искренне удивилась Луиза. – Выкинуть к чертям!

– Деда тоже, – добавил Снайп. – Мелкий около него все время. Оба уже хворые.

– Сжальтесь, – сказал Маляр, но старуха Мэй тут же перебила его:

– Гоните их, Хармон Паула! Пускай идут назад в Ниар! Подлые отродья, могли бы и сами вылезти, коли хворые! А туда же – сжальтесь!

– Пошадите... – шепнул внучок, но Снайп погрозил ему топором:

– А ну цыц! Будешь болтать – пришибу.

– Да никакие мы не хворые! – вскричал Маляр. – Внучок простудился, вот и мерзнет! А вы его – на улицу, в мороз! И до ближнего города два дня ходу.

– Не наша забота!

– Знаем мы такие простуды!..

– Гоните их, хозяин!

Хармон призадумался. Ситуация была сложна. Мальца жалко: Хармон вроде как помочь хотел, взял деда с внуком в телегу. А теперь выкинуть ночью среди поля, да в холодный ливень – вот уж благодетель! Но жалость – дело глупое. Где речь о хвори, надо думать головой, а не чувством. Вон имперские солдаты оцепили Ниар и никого больше не выпускают, и плевать им на жалость.

В тон его мыслям Доксет проворчал:

– У нас в войске если кто синел, то его не выгоняли – нечего мор по округе разносить.

Сажали в глухой фургон и держали там, пока помрет или очухается. А могли и поджечь...

– Звери! – бросил Маляр.

– Это я к тому, хозяин, что выгнать – не так уж и плохо.

– Он и так дрожит от холода, а под дождем и вовсе околеет!

– Велика разница – днем раньше, днем позже.

Доксет прав, думал Хармон: померзнуть под дождиком – не худшая участь для хворого. Случаются с ними штуки и пострашнее. Пожалуй, если выгнать деда с внуком, то найдется чем успокоить совесть. Но есть еще одно рассуждение, которое все усложняет. Эти двое провели неделю в обозе Хармона. Значит, могут быть и другие, в ком поселился мор. Выгнать маляров-то можно, но как быть с остальными? Как узнать, кто здоров, а кто уже ходячий покойник? Эх, потянул меня Темный Идо в эту Излучину!..

Неожиданно заговорила Полли:

– Одумайтесь! Вчера малыш был здоров, и утром тоже. Не дрожал, не синел – все путем. А сейчас внезапно все скопом навалилось. Разве мор растет так быстро? Он намок и простудился, вот и все!

– С чего это ты так уверена?

– Я видела, как умирают от сизого мора. И вы видели, только вам от страха память отшибло!

– Ишь, какая разумница! Если уверена, то докажи!

– И докажу.

Полли обошла Снайпа, встала рядом с малышом, потрепала по волосам:

– Не бойся, все будет хорошо.

На сердце у Хармона странным образом потеплело. Полли до того была уверена в своей правде, что и у торговца зародилась надежда. Если Маляренко всего лишь простужен, то это будет чудесным исходом, буквально сказочным! Сразу всем волнениям конец! Дождаться бы утра – и все станет ясно.

Но на других спутников поступок Полли не произвел впечатления.

– Ну и дура, – сказал Снайп. – Теперь и тебя нужно выгнать.

– Да! Пусть все втроем убираются!

– Гоните хворых!

Вперед вышел Джоакин.

– Кончайте представление. Никто никуда не пойдет. Все спать.

– Раскомандовался! – прошипела старуха Мэй. – Дурак молодой, ничего не смыслишь!

Луиза и Вихорь, и остальные ракрыли рты. Джоакин выхватил меч и со стуком вогнал в дощатый пол перед собой.

– Я сказал: идите спать.

Все затихли, даже Снайп опешил, опустил топор.

– Я вот подумал... – осторожно вмешался Хармон. – Пожалуй, Джоакин прав. Подождем до утра, а там посмотрим. Если у мальчика простуда, так утром все станет понятно.

Дед с внуком и Полли с Джоакином ночевали в фургоне торговца – все остальные побоялись спать с ними под одной крышей.

Хармон достал бочонок вина. Полли грела напиток над огоньком лампы. Из одной чаши поила мальчика, другую пускали по кругу взрослые: ночь выдалась зябкой. Завернутый в одеяла, как кукла, внук маляра перестал дрожать, а за третьей чашей вина согрелся и уснул. Стоило подождать до утра, но уже сейчас стал заметен румянец, проступивший на его щеках.

– Вот видите!.. – обиженно проворчал Маляр. – Никакого мора! А хотели выгнать...

Поняв, что опасность миновала, он накрылся плащом и захрапел.

– Благодарю вас за помощь, добрый воин, – сказала Полли Джоакину.

– А, пустое... – отмахнулся тот, хотя и немного задрал подбородок.

Помедлил, поразмыслил и выдал:

– Вы, сударыня, это... тогда, в Излучине, я, как бы сказать... ну, я повел себя недостойно.

Простите меня.

Полли улыбнулась:

– Я давно уже не держу на вас обиды. Думала, сударь, что это вы затаили зло.

Джоакин потупился:

– Затаил зло?.. Ну, нет, не было... что вы...

– Расскажите что-то любопытное. Хотя бы о Западе, где вы столько воевали.

Он замялся:

– Я, сударыня... Ну, словом... Это так глупо было...

– О чем вы, сударь?

– Понимаете, я провел на войне всего два месяца и не побывал ни в одном сражении. И с графом ни разу не говорил.

– Как же так?

– Я был в Южном Пути, когда узнал, что граф начал войну. Отправился на Запад, чтобы наняться к нему в войско, но пока добрался, несколько сражений уже было дано. А когда я прибыл, началось худшее. Мельники избегали боев – отступали, изматывали нас постоянными переходами. Они выжигали посевы. Устраивали засады и уничтожали наших фуражиров. Мы мучились от голода и теряли дни, чтобы отклониться далеко в сторону и найти продовольствие. А Мельники тем временем собирали силы. Когда они наконец встретили нас среди поля, мы были уставшими и вымотанными, а у них перевес в тысячу всадников. И главное, на их стороне были два батальона кайров из Первой Зимы. Герцог Ориджин прислал Мельникам помощь... Словом, наш граф посмотрел на все это, взвесил шансы и предпочел договориться. Мы день постояли напротив вражеского войска, сложили оружие и сдались. Первородных рыцарей Мельники оставили в плену ради выкупа. А простых воинов... таких, как я... отпустили. Вот как все было, сударыня.

– Зачем же вы придумывали? Отчего сразу не сказали, как все было?

– Так ведь позор же...

Девушка с мягкой улыбкой тронула руку воина.

– Если вам угодно, перейдем на «ты». Зовите меня Полли.

Утром, как подобает простуженному, Маляренко добросовестно кашлял, чихал и фонтанировал соплями. Лицо сделалось розовым от лихорадки, ничего похожего на сизый мор.

Снайп лишь пожал плечами. Старуха Мэй проворчала:

– Сам виноват, что лазил под дождем. Был бы умный, не простудился бы.

Луиза примирительно сказала деду и внуку:

– Вы не сердчайте, что мы на вас так напустились... У меня-то самой дети. Согласитесь, мало радости путешествовать, коли мор поселился в обозе.

– Да я все понимаю... – проворчал Маляр.

Маляренко чихнул.

Луиза добавила, повернувшись к Полли:

– А ты молодчина, что настояла на своем. Хороша.

Хармон Паула тоже подошел к Полли.

– Знаешь, я вот ночью поразмыслил... Смотрю, ты девица работающая. Хорошо стряпаешь, шить умеешь, поешь красиво. Словом, не желаешь ли с нами поездить?

– Куда? – не поняла Полли.

– Всюду. Поработаешь у меня пару месяцев, попутешествуешь. А летом поедем назад в Альмеру, и я тебя высажу на севере Короны, если захочешь. К тому времени в Ниаре хворь, глядишь, закончится, а ты денюжат заработаешь.

Хармон ожидал, что девушка спросит о размере оплаты, но, видимо, немногому она успела научиться у мужа-ремесленника: главный вопрос Полли упустила.

– А куда мы поедем? Какие места увидим?

– Всякие – любопытные. – Хармон понял, как следует говорить с нею. – Рельсы увидим, и море, и большие города! А первым делом отправимся в Уэймар – в графский замок. Ты ведь не бывала еще в графских замках? То-то же! Соглашайся, не пожалеешь.

Глаза девушки блеснули. Она глянула в сторону Джоакина – тот пронзал мечом многострадальное чучело – и согласилась.

Искра

9 мая 1774 г.

Фаунтерра

На третий день по прибытии в столицу Мира увидела императора.

Север живет по солнцу, Фаунтерра живет по часам. Мира проснулась, когда серебряный воробей, сидящий на корпусе механических часов, звонко зачирикал. Было семь утра.

После очередной бессонной ночи мысли едва ворочались, все кругом было мутным, как в тумане. Графиня Сибил позволила Мира выпить кофе с марципаном, а затем отдала ее на растерзание служанкам. Девушку омыли в ванне с эфирными маслами, расчесали и уложили волосы, смазали кожу эссенцией фиалки, несколько раз промыли глаза ледяной водой, чтобы убрать красные следы от слез. Затем ее принялись наряжать. Трижды служанки облачали девушку в разные платья, а после, по нервному взмаху руки леди Сибил, вновь раздевали до исподнего. Мира чувствовала себя куклой в руках юной капризницы, впрочем, ей было все равно. Она безучастно, будто со стороны, смотрела за тем, что проделывали с нею. Четвертый наряд наконец удовлетворил графиню. Он состоял из ажурных лакированных туфелек, атласного бирюзового платья, накидки из белого медвежьего пуха на обнаженных плечах и муфты в тон накидке.

– Прелестно! – довольно кивнула леди Сибил. – Сама невинность и наивность!

Мира заставила себя улыбнуться и поблагодарить. Все три эпитета казались девушке несколько унижительными, но графиня, несомненно, вкладывала похвалу.

Сама леди Сибил нарядилась в длинное платье изумрудного бархата с низким лифом, расшитое золотистыми узорами, дополнила его горностаевой муфтой и янтарным кулоном в оправе из красного золота. Со светлыми локонами, ниспадающими на голые плечи, с блестящими карими глазами графиня была воплощением величавой красоты.

Ближе к одиннадцати был подан экипаж, и дамы отправились в путь.

Три пары всадников двигались впереди кареты, покрикивая:

– Дорогу! Дорогу графине Нортвуд!

Другая шестерка воинов следовала за экипажем, грохоча подковами по булыжнику. Обогнув Верхнее Торжище, миновав собор Праотцов-Основателей и Купеческую Середину, процессия въехала на широкий спуск, ведущий к берегу Ханая. Он шел вдоль оврага, огибая крутую гору с угрюмой Престольной Цитаделью на вершине, потому и спуск звался Цитадельным.

Леди Сибил была уверена: все, что касается жизни имперского двора, не может не быть интересно молодой девушке. В дороге она говорила много, используя любой повод. Так Мира узнала, что Престольная Цитадель была возведена больше тысячи лет назад и семь веков служила жилищем правителей государства. При Багряной Смуте мятежники вывели секрет подземного хода, проникли в Цитадель и расправились в ее стенах с императором Алгоном III Печальным и всей его семьей, тем самым уничтожив Темнооую Династию и оборвав род Праматери Мириам. Тогда Цитадель приобрела славу проклятого места, но оставалась наиболее укрепленной и величавой постройкой Фаунтерры, и воцарившаяся после смуты Блистательная Династия сохранила за нею роль престольной резиденции. Правда, все подземные ходы были завалены.

Два века назад в тронном зале Цитадели владыка Эвриан получил известие о начале Первой Лошадиной войны, а затем – целую череду сообщений о разгромах имперских войск и падении центральных графств.

– Клянусь: тот, кто скажет мне, что я потерял еще одну землю, тут же лишится головы! – в ярости вскричал владыка, узнав о страшном поражении в Альмере.

Не прошло и трех месяцев, как варвары захватили герцогство Надежда. Землеправитель был убит в бою, а два его брата бежали в Фаунтерру и принесли владыке Эвриану горькую новость. Император отдал приказ, и гвардейцы зарубили братьев-герцогов прямо в тронном зале, а с ними их немногочисленную свиту. Это укрепило дурную славу Престольной Цитадели. После нелегкой победы над варварами владычица Юлиана распорядилась перенести резиденцию, и ею стал вновь выстроенный мраморный дворец Пера и Меча на острове посредине Ханая.

– Именно туда мы и направляемся, моя дорогая, – сообщила леди Сибил, когда карета пересекла Причальную площадь и вкатилась на мост.

Он был сложен из белого камня и в ширину имел никак не меньше пятидесяти шагов. Искровые фонари поблескивали стеклом на столбах вдоль моста, поручни имели вид череды скрещенных мечей с витиеватыми гардами и павлиньих перьев, сверкающих бронзой. За поручнями искрился в солнечных лучах Ханай; многочисленные гондолы, ботики, барки сновали по воде, десятки речных шхун покачивались у причалов.

Дворец Пера и Меча был окружен стеной, но его внутреннее пространство отнюдь не напоминало крепостной двор. За стеною лежала огромная площадь, укрытая цветниками и садами. Миновав ее, карета приблизилась ко дворцу. Длинное здание сияло белизной, сотня спиральных колонн украшала его фасад, с крыши взметались в небо башни со шпилями. Над дверью центрального входа блестел огромный золоченый имперский герб – скрещенные перо и меч на фоне щита, увенчанные короной. Карета не направилась к главному portalу, а свернула и покатила аллеей вдоль дворца.

– Владыка назначил нам аудиенцию в Малой Приемной, – пояснила графиня, – она ближе к южному portalу. Есть три помещения, где император обыкновенно принимает визитеров. Большой Тронный Зал вмещает множество людей. В него допущены все дворяне, начиная от рыцарского звания, также духовенство, градоначальники, а в субботу – даже простолюдины. Поэтому Тронный Зал – не для важных бесед, в нем обсуждается лишь то, о чем и так все знают. В Чайную, напротив, допущен лишь самый ближний круг: советники, правящие герцоги, обладатели особых привилегий и один-единственный простолюдин – бывшая кормилица владыки Леонора. Малая Приемная, куда мы направляемся, – нечто среднее между Тронным и Чайной. И это как раз то, что нам нужно: мы сможем поговорить почти без посторонних, но в присутствии секретаря, который запишет сказанное.

Шурша колесами по гравию, экипаж объехал пруд с фонтаном и подкатил к южному входу. Мира распахнула дверь кабины. Воздух веял влажной свежестью и запахом сирени.

Четверо гвардейцев в алых шлемах и плащах подошли к карете. Воинам графини вход во дворец был закрыт, и имперские гвардейцы, учтиво поклонившись, приняли дам под свою защиту. В portalе дворца их встретил еще один провожатый – тощий мужчина с заостренным носом и маленькими глазками, одетый в клетчатую сине-красную ливрею. В руке он держал посох с бронзовым набалдашником.

– Я имею честь видеть графиню Сибил Дорину Денизу рода Сьюзен и леди Глорию Сибил Дорину того же рода?

– Ты знаешь меня в лицо не хуже, чем я тебя, – бросила графиня.

– Долг требует, графиня, долг требует! – изрек мужчина с важным видом, дерзко глядя в глаза леди Сибил. – Следуйте за мной.

Он взмахнул посохом, указывая на дверь, и стражники распахнули ее. Клетчатый пошел впереди, задрав нос, дамы последовали за ним.

– Это третий церемониймейстер дворца – худший из всех, – сообщила графиня Мире, не слишком заботясь о том, чтобы мужчина ее не слышал. – Сплетник и нахал. При всяком

удобном случае старается показать, какая он важная персона. Никогда не упустит возможности безнаказанно унизить человека. Он с Юга, у него длинное имя, которого никто не помнит. Придворные меж собою зовут его клетчатой крысой.

Вслед за церемониймейстером они миновали длинный зал с мягкими скамьями вдоль стен и гобеленами в простенках между окнами. Все полотнища изображали сцены приема владыкой послов из различных земель. Были здесь бородатые нортвудцы, роскошно одетые купцы Южного Пути, бритые наголо западники, суровые рыцари Ориджинов в красно-черных одеждах, смуглые шиммерийцы в белоснежных тогах. Кто стоял на коленях, кто кланялся; те приносили богатые дары и умоляли владыку о чем-то, эти получали от него награды и почести.

Из зала послов вышли на мраморную лестницу, освещенную синеватыми искровыми огнями и охраняемую тремя парами копейщиков.

– Алая гвардия – элитная пехота императора. Вооружена искровыми копьями, набирается из достойнейших воинов Земли Короны, раз в год проходит смотр перед лицом владыки. Они – лучшие солдаты в империи, если не считать лазурных гвардейцев. Тех мы увидим на втором этаже.

С верхней площадки дамы вошли в галерею, вдоль которой сверкали доспехами безмолвные часовые – бронзовые скульптуры рыцарей. Гербы прославленных родов украшали их щиты. В дальнем конце галереи, у резной ореховой двери, несли вахту бойцы из плоти и крови, столь же тихие, как статуи. Над дверью, встроенные в диковинный лиственный орнамент, пощелкивали механические часы. Стрелки указывали 11:40.

– Ожидайте, – буркнул церемониймейстер и скользнул в неприметную боковую дверцу.

– Он оповестит владыку о нашем появлении, и Адриан узнает, насколько рано мы пришли, – сказала графиня Нортвуд. – Считается дерзостью прийти строго ко времени либо за пять минут. За десять-пятнадцать минут до срока может прийти важная персона по спешному делу. Кто знает себе цену, но проявляет учтивость, тот придет за полчаса. Кто намерен унижаться и умолять – за час.

Мира поняла, что время прибытия во дворец было заранее рассчитано графиней, и весьма точно. Как, впрочем, и любое другое ее действие нынешним утром.

Оставшиеся до приема двадцать минут леди Сибил употребила на то, чтобы еще раз проинструктировать девушку.

– Согласно рангу, мы имеем право стоять на расстоянии восьми шагов от престола, в так называемом ближнем кругу. Этот круг отмечен золотистыми узорами на паркете. Ты должна остановиться на шаг позади меня. Первым заговорит император. Мы молчим и удерживаем поклон, пока владыка не обратится к нам. Это понятно, дитя мое?

– Да, миледи.

– Дальше. На протяжении всей аудиенции ты молчишь, не подаешь ни звуков, ни знаков. Имеешь право заговорить лишь в случае, если владыка задаст тебе вопрос. Отвечая, ты не должна высказывать свои оценки или рассуждения. Упоминаешь только факты. Грубейшим нарушением будет попытка навязать владыке ту или иную точку зрения.

– Да, миледи.

– Если Адриан изволит сделать тебе комплимент, ты отвечаешь «ваше величество» и кланяешься. Больше ничего. Обычные ответы: «вы так добры» или «я польщена вашим вниманием» – будут неуместны, поскольку могут трактоваться как твоя оценка красноречия владыки. Кроме того. Наш император склонен к остроумию и порою изрекает шутки. Если такое случится, ты можешь улыбнуться, но ни в коем случае не смеяться.

– Я поняла, миледи, – вновь кивнула девушка.

– Ты не имеешь права смотреть владыке прямо в глаза, но и оглядываться по сторонам также не следует. Наиболее уместно направлять взгляд на уровень его груди, если ты стоишь, и на нижнюю ступень престола, если кланяешься. Обращай особое внимание на Эфес – священ-

ный кинжал на поясе владыки. Пальцы Адриана на рукояти кинжала означают большую важность произносимых слов; клинок, выдвинутый из ножен на дюйм, – обвинение либо жесткая форма приказа.

Это девушка знала из книг, как и то, что священный Эфес полностью покидает ножны лишь в двух случаях: при коронации владыки и по случаю получения человечеством Божественного Дара. Таким образом, острие Эфеса показывается на свет меньше десяти раз в столетие.

– И еще, – добавила графиня, скрывая ладони в горностаевую муфту, – женщины дома Нортвуд пользуются правом прятать руки в присутствии императора. Голая ладонь, таким образом, означает отказ от привилегии, стало быть, заискивание перед владыкой. Мы же пришли не просить, а сообщить важное известие и даже предупредить об опасности, потому будет лучше подчеркнуть наш ранг. Все время держи ладони в муфте.

Мира охотно последовала примеру графини. Она мерзла в своем роскошном платье с открытыми ключицами, локтями и шиколотками. Массивные каменные стены дворца излучали прохладу, а от волнения становилось еще более зябко. Она поправила накидку на плечах, стараясь поплотнее укутаться в пух. Леди Сибил тут же одернула ее:

– Плечи не прячь. Мерзнешь – терпи. Будешь кутаться – покажешься хворой и жалкой.

Девушке вспомнились слова графа Элиаса Нортвуда: «Владыка Адриан тебя вовсе не заметит». Хорошо бы, чтобы так и вышло. Условности, строжайший этикет, писанные и неписанные правила... Она прекрасно все запомнила и была уверена, что не допустит ошибки, но все же робела. Испытание... Никогда прежде она не проходила испытаний, никогда ее судьба не зависела от воли, от прихоти незнакомого человека. Лучше бы Адриан не заметил ее.

Раздался тройной стук в дверь изнутри, стражники тут же распахнули ее. В проеме показался церемониймейстер и указал на женщин посохом. Леди Сибил смерила его презрительным взглядом, но этим и ограничилась. Наглец прекрасно выбрал время, чтобы показать свое мнимое превосходство: графиня не станет вступать в перепалку, когда ее ожидает сам владыка. Она степенно приблизилась к двери, Мира следовала за нею, отставая на шаг. Церемониймейстер крутанул на каблуках перед носом Сибил, стукнул посохом об пол и доложил:

– Сибил Дорина Дениза рода Сьюзен, графиня Нортвуд. Глория Сибил Дорина рода Сьюзен, леди Нортвуд.

Юная леди столь старательно не смотрела в глаза владыке, что сперва почти не разглядела его. Правитель империи Полари представился ей ярким ультрамариново-алым пятном на мраморном возвышении у дальней стены зала. Она смотрела на пол, покрытый лакированным паркетом, инкрустированный темным деревом, перламутром и бронзой. Узоры сплетались в причудливый орнамент и образовывали три круга, расходящихся от престола. Ближний к трону орнамент сиял желтизной от обилия бронзы, на середине этого круга леди Сибил склонила голову и замерла в реверансе. Девушка повторила ее жест. На миг повисла тишина.

Осторожным взглядом исподлобья она обежала людей. По бокам от тронного возвышения стояли четверо воинов в синей пластинчатой броне, уперев в пол древки искровых копий. Лазурная гвардия – элита императорского войска, лучшие воины, набранные в разных землях государства. Один из них чертами лица походил на северянина. Перед престолом располагался изящный ореховый столик с письменными принадлежностями и несколькими книгами. За столиком, по левую руку от владыки, сидел на крохотной табуреточке секретарь – тощий молодой человек в строгом темном камзоле. Обязанность вести записи вынуждала его сидеть в присутствии императора, но низкая табуретка делала секретаря почти незаметным и скрадывала нарушение этикета.

Владыка Адриан – правитель Фаунтерры, Земель Короны, империи Полари и всего подлунного мира – восседал в бархатном коричневом кресле за столом. Он имел телосложение рыцаря – крепкий, рослый, широкий в плечах. Возвышение престола и пышное парадное оде-

яние делали его гигантом. Алый камзол владыки украшали золотистые эмалевые пластины на груди и плечах, похожие на броню, сделанную из оперения сказочной златоптицы. На темных волосах пламенела диадема с огромным голубым бриллиантом. Лучи искровых люстр, освещавших зал, превращали камень в сияющую звезду. Лицо владыки: резко очерченные скулы, чуть смягченные аккуратной бородкой, прямой нос, тонкие надменные губы, высокий лоб, раскосые глаза под густыми черными бровями... Девушка спохватилась и отвела взгляд как раз в тот момент, когда владыка Адриан заговорил.

– Леди Сибил, леди Глория, приветствую вас в Фаунтерре. Надеюсь, дорога была легкой и безопасной.

Его голос оказался мягче, чем можно было ожидать. Женщины выпрямились.

– Ваше величество, – проворковала графиня, – примите мои пожелания здоровья, долголетия и твердости правления. Мощь Пера и Меча – опора подлунного мира.

– Истинная опора – мудрость Праматерей. Перо и Меч лишь оберегают ее, – ответил владыка, и девушка поняла, что обе реплики были частью церемониала.

– Позвольте побеспокоиться о вашем здоровье и самочувствии, ваше величество, – уверенно вела дальше леди Сибил.

– Благодарю вас, графиня, – чуть заметно кивнул владыка. – Учтивость столь же присуща вам, как изысканная красота и жизненная сила.

– Ваше величество.

Император перевел взгляд на стол и прикоснулся к лежащим бумагам, тем самым давая графине позволение перейти к сути дела. Он сказал:

– Я был бы рад насладиться светской беседой с вами, однако дела требуют решений. Расскажите, какое дело привело вас в столицу.

– Мне горько беспокоить ваш слух подобными известиями, однако клятва верности принуждает меня к тому.

Мастерское вступление. Мира, не искушенная в дворцовой дипломатии, все же оценила подход графини. Леди Сибил упомянула вассальную присягу, принесенную ею императору, тем самым сразу придавала известию окраску первостепенной важности: графиня, мол, не вправе принять решение, было бы дерзостью и своеволием с ее стороны решить дело, которое касается самого владыки.

Затем она изложила суть событий: рассказала о нападении неизвестных на отряд сира Клайва из Стагфорта и гибели рыцаря, отметила, что дочь рыцаря Минерва спаслась волею Богов и находится теперь в безопасности под сенью замка Клык Медведя. Далее графиня указала на то, что чудом выжившая девушка приходится владыке дальней родственницей и стоит четвертой в очереди престолонаследия. При этих словах Адриан взглянул на секретаря, и тот раскрыл перед императором требуемую страницу генеалогического древа, деликатно указал пером на место, занимаемое Минервой из Стагфорта.

– Отыскать преступников не удалось, они скрылись прежде, чем мои воины прибыли на место. Однако тела погибших не подвергались ограблению, и это ясно указывает, что нападение было устроено с одной лишь целью убийства. Такова суть дела, ваше величество.

Графиня умолкла, ожидая слов Адриана. Владыка не торопился с ответом, разглядывал родословную. Шепнул что-то секретарю, тот развернул на столе большой лист пергамента – видимо, карту северных земель империи. Мира вновь скользнула взглядом по его лицу: холеная бородка, насмешливые губы, бровь слегка выгнута в ироничном удивлении, как крыло парящей чайки. Черты человека, привыкшего к собственному превосходству: не только к превосходству ранга, но и к высокомерию тонкого, проницательного ума.

– Стагфорт – малый лен на севере Предлесья, – произнес владыка. Графиня не поняла, было ли это вопросом, и не решилась ответить. – А Предлесье принадлежит к земле Шейланд,

управляемой из Уэймара. Отчего же после нападения девушка направилась к вам, графиня, а не к своему сюзерену в Уэймар?

– Дорога до Клыка Медведя была много короче, чем до Уэймара. К тому же, ваше величество, сир Клайв и Минерва не раз посещали Клык Медведя по моему приглашению, так что дорога была хорошо знакома девушке.

– Это верно. – Адриан поднял взгляд от карты, посмотрел в лицо северной графине. – Но почему с докладом ко мне прибыл не сюзерен Минервы – граф Виттор Шейланд, – а вы, сударыня? И зачем вы пустились в дальний путь, вместо того чтобы отправить письмо?

Леди Сибил, несомненно, была готова к такому вопросу.

– Граф Виттор Шейланд сочетается браком с леди Ионой Софией из Ориджина и как раз находился в Первой Зиме на свадебных торжествах. Я посчитала правильным оказать услугу соседу, вместо того чтобы тревожить его скверными новостями во время свадьбы. Дома Шейланд и Нортвуд связывают узы доброго соседства и тесной дружбы.

При этих словах император усмехнулся. Пред лицом владыки любой феодал будет говорить о «добром соседстве и дружбе», даже если накануне брал приступом замок соседа.

– Что же до письма, – вела дальше леди Сибил, – разве могла я доверить сведения такой важности бумаге и гонцу? Люди столь ненадежны, ваше величество, а бумага, на беду, способна раскрыть свой секрет любому.

– И что же вы имеете в виду, графиня, говоря о «сведениях такой важности»? В чем состоит, по-вашему, пресловутая важность?

Леди Сибил слегка оторопела. Она ожидала, что прозрачный намек будет понятен владыке и пояснений не потребуется.

– Я сочла, ваше величество, что убийство четвертого наследника лишено смысла в случае, если живы первые наследники и... прошу прощения за прямоту, если жив сам правитель. Действия преступников становятся понятны только в случае, если допустить, что нападение на ваше величество также входит в их планы. Я взяла на себя смелость предостеречь вас.

– О, благодарю вас, сударыня! – воскликнул император, и Мира с содроганием услышала в его словах насмешку. – Я подведу итог сказанному вами. Вы узнали о нападении на мелкого дворянина, чья дочь волею богов приходится мне дальней родней. Сей бедный рыцарь, к слову, сумел в свое время жениться на весьма высокородной даме, что вполне может служить поводом для зависти, ревности и вражды. Далее вы, сударыня, предприняли ряд действий, а именно: лишили девушку отцовского наследства и заточили ее в вашем замке; скрыли случившееся от графа Шейланда, хотя он, по праву сюзерена, и должен был бы первым узнать обо всем; лично прибыли ко двору и принесли мне известие, придав заурядной феодальной усобице окраску тягчайшего преступления против Короны. Полюбопытствую: каков смысл ваших действий?

Графиня растерянно выдавила:

– Ваше величество...

По коже Миры прошел озноб, она с трудом сдержала дрожь. Успокаивало одно: руки владыки лежали на столе, ни одним пальцем не касаясь Эфеса.

– И еще обстоятельство, – продолжил император. – Вы, графиня, – персона известная при дворе и весьма заметная, но правящим лордом Нортвуда пока еще является ваш муж, не так ли? Вне сомнений, он был посвящен в события, но не прибыл с вами в столицу и даже не прислал мне письма.

– Граф Элиас отправился на свадьбу... – начала графиня и осеклась, император пристально смотрел ей в глаза.

– Разве я просил пояснений?

– Прошу прощения, ваше величество! – Она глубоко поклонилась.

– За что, сударыня? За то, что перебили меня в разговоре? Это простительно. Или за то, что раздули пламя в тихом поле и пытаетесь выслужить себе признательность Короны? У вас

в руках одна серпушка, но вы вздумали сыграть так, словно имеете в распоряжении искровой батальон. Граф Нортвуд не одобрил вашу затею и отказался участвовать, но и удержать вас не смог. Еще бы: ваша кипучая энергия – притча во языцех от Фаунтерры до Беломорья! Скажите, какую благодарность вы намеревались от меня получить?

Белокурая леди Сибил припала к полу в глубоком реверансе, подол платья растекался по паркету изумрудным озером. Трогательный контраст величавой внешности и смиренной позы.

– Ваше величество, умоляю простить меня. Ни за что я не посмела бы пытаться обмануть вас, и не мыслила себе никакой благодарности, кроме той, чтобы видеть ваше величество в безопасности!

Владыка Адриан склонил голову вбок, пристально, как и прежде, глядя на графиню. Он молчал.

– Ваше величество, – выдавила графиня, – я лишь надеялась на ваше благоволение к моей любимой дочери, Глории...

Император посмотрел на Миру. Единственный раз за всю аудиенцию его взгляд задержался на ней. Затем он повернулся к секретарю и неторопливо заговорил:

– Корона уведомит графа Виттора, правителя земли Шейланд, о гибели его подданного – сира Клайва из Стагфорта. – Секретарь стремительно записывал, белое оперение порхало над бумагой. – Корона поручает графу Виттору найти виновников убийства и произвести над ними суд. Кроме того, графу Виттору надлежит обеспечить леди Минерве из Стагфорта вступление в права владения отцовским леном. Сибил Дорина Дениза, графиня Нортвуд...

Адриан выдержал паузу, чтобы секретарь успел окончить запись. Минута напряженного ожидания, заполненная скрипом пера, попахивала утонченной пыткой.

– ...графиня Нортвуд проявила лукавство и корыстолюбие, не подобающие первородной леди. Тем не менее, Корона проявит милость и избавит графиню от наказаний. Графине Сибил предписывается немедленно освободить и препроводить в Стагфорт леди Минерву, удерживаемую в замке Клык Медведя против воли, а также принести прилюдные извинения сюзерену леди Минервы – графу Виттору Шейланду.

Мира с трудом удержала в себе возглас: «Минерва – это я! Ваше величество ошибается, леди Сибил добра ко мне, и она права! У отца не было врагов, не его хотели убить, а меня!» Но дерзость лишь ухудшит ситуацию, а владыка не станет слушать девушку. Он лишь раз, мельком, взглянул на нее. Она, Мира – серпушка. Так владыка назвал ее.

– Таково решение Короны, – окончил император. – Больше не задерживаю вас, графиня Сибил, леди Глория.

– Ваше величество, – графиня поклонилась; поднявшись, сделала шаг назад, развернулась и отправилась к выходу. Мира в точности повторила ее движения.

При их приближении клетчатый церемониймейстер стукнул посохом в дверь, и стражники, что стояли снаружи, распахнули ее. Еще стук – и створки закрылись за их спинами.

Они молчали, пока шли вдоль Галереи Славы под тяжелыми взглядами бронзовых воинов, пока спускались лазурными ступенями, пересекали посольский зал, сплошь укрытый гобеленами. Женские каблуки клацали по паркету и мрамору, гулко отдавались эхом. Лишь в карете, когда экипаж тронулся с места, графиня дала волю чувствам. Скомкала муфту и швырнула в противоположную стену, сорвала с шеи кулон на золотой цепи, нервным движением разметала волосы.

– Тьма. Тьма проклятая! Как он может так!.. Кто я – собачонка, что кланчит у стола хозяев?! Или мошенник, продающий медь вместо золота?! Ничего мне не нужно от его раскрепосного величества! Всю жизнь полагалась лишь на свои силы, ни у кого ничего не просила!

Графиня перевела дух и вдруг расхохоталась, терзая руками прическу.

– И вот мой хмурый ворчливый Элиас вновь оказался прав. Он терпеть не может людей, говорит о них одни мерзости – и всегда попадает в точку! Династия ненавидит быть обязанной – так он сказал. Ты получишь все, что угодно, но не благодарность. Вот и получила!

– Миледи, простите! – сказала Мира, хотя чувствовала не вину, а нечто иное. – Я так виновата перед вами. Из-за меня вы попали в немилость...

Сибил снова хохотнула, прервав девушку на полуслове.

– Из-за тебя?.. Какая милая наивность! Я делала лишь то, чего хотела. И ты делала то, чего хотела я. Моя собственная глупость всему виной, и ничто иное.

Графиня отвернулась к стеклу, за которым мелькали поручни дворцового моста и искрился водной рябью Ханай. Мира молчала, прислушиваясь к себе. Нечто произошло в душе, что-то изменилось.

Со дня смерти отца она жила будто в тумане: все ощущения были приглушены, звуки тихи, краски блеклы. Пелена безучастия отгораживала ее от мира. Сейчас эта пелена порвалась.

«Заурядная феодальная усобица», – так сказал владыка Адриан. Это – об убийстве отца. Сир Клайв души не чаял в дочери, учил ее читать и ездить верхом, с нею кормил белок и ходил под парусом, и играл в стратемы, и выслушивал ее горькие откровения о первой влюбленности, и рассказывал о матери, усадив дочку себе на колени... Теперь его не стало. Заурядное событие, ничего особенного, по мнению владыки.

Однако – странная штука! – еще больше ее задела «серпушка». Мира прекрасно играла в стратемы. На деревянное поле со схематичными изображениями полей, лесов и рек выставлялись в боевом порядке фишки двух цветов – черного и алого, – и вступали в жестокие сражения. На фишках были высечены значки, обозначающие их ранги: серпы – крестьяне, мечи – наемники, монетки – купцы, подковы – рыцари, искры – первородные дворяне. Мечи представляли собой неплохую боевую силу, подковы были быстры и сметали все преграды, монеты подкупали вражеских бойцов и склоняли к мятежу, искры вдохновляли воинов сражаться храбрее и объединяли их в могучие отряды – батальоны. Фишки с серпами – они же серпушки – были слабейшими из всех. Умелый стратег использовал их лишь как живой заслон, чтобы замедлить наступление противника: вражеские мечи легко сметали серпушек с поля, но затрачивали на это ходы и теряли время. Ни на что другое серпушки не годились.

Обида и горечь, загоревшиеся в душе Миры, пробудили ее от апатии. Голова стала яснее, мысли замелькали хороводом, злое возбуждение наполнило тело.

Я жива. Я умна. Я – искра.

Графиня Сибил тем временем досадовала:

– Эта клетчатая крыса, церемониймейстер, конечно, разболтает всему двору о нашем позоре. Представляю, какую потеху из этого сделают: неуклюжая медведица сделалась интриганкой! В былые времена наглецу, кто словами унижал первородного, Нортвуды выбивали зубы и выдирали язык. Право, я устроила бы церемониймейстеру такое удовольствие.

– Что мы можем сделать, миледи? – спросила Мира неожиданно спокойно.

– Лучшее, что можно сейчас сделать, деточка, – вернуться в Клык Медведя и как можно дольше не попадаться на глаза владыке и всей столичной своре. Пока вся история не забудется.

– То есть... проглотить и стерпеть?

– Иногда приходится.

Брови Миры поползли вверх. Нортвуд – земля своенравных, строптивых людей, которые никогда и никому не спускают обиды! А леди Сибил – правительница этой земли!

Дед графини однажды вызвал рыцаря на поединок за то, что тот сказал, будто дед слишком стар и немощен. Деду исполнилось тогда семьдесят два года, рыцарь был на полфута выше него и на добрый пуд тяжелее. «Я уложу тебя в три удара, старик», – заявил молодчик и с лег-

костью выполнил обещание. На третьем выпаде его меч вошел меж ребер седого лорда. Однако клинок застрял в месиве из кольчужной проволоки, кожи и плоти, и рыцарь на миг остался прикован к противнику. «Пойдем вместе», – сказал старик и вогнал кинжал в подмышечную впадину рыцаря.

Леди Сибил любила эту историю и охотно рассказывала, но впервые Мира услышала ее от своего отца. Он восхищался непреклонностью нрава – того самого, что оказывается порою прочнее костей и стали. «Никогда не глотай обиды, – говорил отец. – Можешь простить, если сочтешь нужным. Но стерпеть и затаить в себе – это нет».

– Не смотри так! – бросила леди Сибил. – Ты что же, осуждаешь меня?!

– Нет, миледи... Но я хочу найти убийцу отца.

– Как благородно! И кто же будет искать? Ты? Я?..

Глаза графини недобро засверкали. Вся злость, которую она не смогла выплеснуть на Адриана, теперь грозила обрушиться на Миру. Тем не менее, девушка продолжила:

– Простите мою настойчивость, миледи. Но ведь вы, как правительница земли, можете наказывать людей за преступления, совершенные в вашей земле. И у вас есть немало верных воинов...

– Во-первых, любезная законница, я имею право судить лишь чернь и моих собственных вассалов. Благородного человека, принесшего вассальную клятву, по закону может наказать только его собственный сюзерен либо императорский суд. Во-вторых, преступление совершено не в моей земле – вы еще не въехали в Нортвуд, когда на вас напали. И в-третьих, сейчас злодеи уж точно не в Нортвуде!

Мира нахмурилась и продолжала смотреть графине в лицо. На несколько вздохов повисло хрупкое, напряженное молчание.

Уголки рта леди Сибил дрогнули, словно намекая на улыбку.

– Однако, – сказала она, – кое-что я могу тебе предложить. Это безрассудно и опрометчиво, но...

Сердце Миры радостно забилося.

– Что же, миледи? Что мы можем сделать, чтобы найти убийц?

– Ждать.

– Простите?..

– Мы можем, дорогая моя, остаться в столице, несмотря на гнев владыки и насмешки придворных, и паутину сплетен, которая свяжется вокруг нас. И будем ждать – это наибольшее, что мы можем.

Девушка растерялась. Тон графини уж никак не походил на шуточный, в нем ощущалась твердая решимость. Но ждать, сложа руки?.. Какая польза от бездействия?!

– Миледи, скажите, чего нам следует ждать? Пока граф Шейланд не разыщет преступников по приказу императора?..

Сибил фыркнула.

– Разумеется, он их не найдет. Виттор – умный человек, он даже искать не станет. На Севере уже и след убийц простыл. Если замышляешь захватить престол, ты должен находиться возле престола! Это же просто, как полено! Заговорщик и его подручные – здесь, в Фаунтерре.

– Тогда чего нам ждать?

Графиня хищно оскалилась:

– Нового убийства, дорогая. Нового убийства.

Стрела

Ранний май 1774 года от Сошествия

Замшевый лес, Мягкие Поля (за пределами империи Полари)

Проводников было двое.

Старшего звали Колемон. Ему перевалило за пятьдесят. Он носил белую остроконечную бороду, как у злого колдуна Олафа из сказки, которую в детстве любил Эрвин. Больше всего на свете Колемон обожал ворчать. Что бы ни происходило – какая бы погода ни стояла, какие места ни проходил бы отряд, какие люди ни оказывались рядом с белобородым охотником – во всем он находил повод для недовольства. Хвойный лес – плохо, ни белок, ни зайцев не встретишь; дубы – плохо, их вепри любят; кустарники – плохо, клещей полно. Стоит теплая погода – плохо, змеи плодятся; льет дождь – тем хуже, в ручьях будет полно грязи...

Колемон всегда и обо всем говорил так, словно никогда не ошибается, а каждое слово его – великое откровение. Охотник веровал, что его устами глаголет сама Мудрость, и только полный глупец может отказаться внимать ей. Колемон оказывал Эрвину все необходимые знаки почтения: звал лорда «вашей светлостью», скидывал шапку, обращаясь к нему, кланялся, когда желал ясного утра или доброй ночи. Но когда Колемон делился очередной жизненно необходимой крупницей познания – например, о том, как найти под корой деревьев жирных и вкусных личинок, а Эрвин не проявлял должного интереса, – охотник выражал упрек всем своим видом. Его горький взгляд в сторону лорда словно бы говорил: эх, молод ты, потому занимаешься всякой чушью – политикой там, войной, светской жизнью... Вот поживешь с мое – поймешь, что в мире по-настоящему важно!

Кроме того, Колемон был суеверен, как старая дева. Не спи ногами к молодому месяцу – на год жизнь укоротишь. Не сбивай мох с деревьев – лес прогневается, проходу не даст. Если наступил ногой в ручей, то наступи и второй, а после прощения попроси – иначе засуха случится. Подобных примет знал он десятки и приходил в ужас, если кто-нибудь из отряда по случайности навлекал на свою голову проклятье.

– Не себе одному плохо делаешь! – скрипел Колемон. – Все пострадаем из-за твоей дурасти. Сейчас же сплунь через плечо и ущипни себя за ухо, пока беда на наш след не напала!

Эрвин посмеивался над приметами, но скоро обнаружил, что большая часть его подданных принимает рассказы Колемона близко к сердцу. Воины, при всей своей прагматичности, народ суеверный – сложно не стать суеверным, когда твоя жизнь так часто зависит от капризов удачи... Словом, Колемон в считанные дни обучил лесным приметам весь отряд и заставил свято соблюдать их. Наибольшее впечатление произвел слух о жабах. Охотник умудрился убедить кайров в том, что земляные жабы насылают мужское бессилие. С тех пор непременно этапом обустройства лагеря стала тщательная проверка всех кустиков и пучков травы на поляне. Если, отодвинув листья копьем, грей обнаруживал под ними жабу, он принимался свирепо реветь и стучать древком по земле, пока проклятое отродье не удалялась ленивыми прыжками. Нанизать тварь на острие или зарубить ее мечом никто не решался – ведь это осквернило бы оружие. Впрочем, пару раз Эрвин стал свидетелем арбалетной охоты на жаб, а одним вечером увидел, как грей кайра Фредерика распугивает земляных исчадий факелом.

При всем при этом охотник Колемон был человеком знающим. Он провел экспедицию сквозь Замшевый лес с тем мягким искусством, которое выражалось не в умении мастерски преодолевать препятствия, а в том, что препятствий и вовсе не встретилось на пути. Замшевый лес, по слухам, полон не только вепрей, но и более опасных зверей – громадных рогатых клыканов, закованных в костяной панцирь. Но Колемон вел отряд тропами, где не встречались ни те, ни другие. Однообразный рацион из бобов, лепешек, оленины и лука благодаря стараниям

охотника дополнился грибами, лесными корнеплодами и целой дюжиной видов ягод. О недостатке воды также не пришлось заботиться: чуть ли не каждый вечер Колемон находил место для стоянки около родника. Родниковая вода была кристально чистой и к тому же не такой холодной, как в горной речке. Эрвин вновь смог позволить себе роскошь умываться вечером и утром.

Колемон сумел и точно рассчитать время перехода через лес.

– От Спота до Мягких Полей опытному человеку десять дней ходу. Ну, а если идти, как вы, то две недели и еще денек про запас.

Под вечер пятнадцатого дня, как и было предсказано, отряд увидел бескрайнее, от горизонта до горизонта, зеленое болото.

Второго проводника звали Кид. Пушок на его верхней губе даже отдаленно еще не напоминал усов.

– Сколько тебе лет, юнец?.. – спросил Эрвин, нанимая его.

– А кто ж знает! – бодро воскликнул Кид.

На взгляд было лет четырнадцать. Эрвин хотел прогнать мальчика, но старейшина Ховард заявил: Кид – лучший знаток Мягких Полей. Да-да, лучший во всем Споте. Уже четыре лета и четыре осени Кид ходит в Поля за яйцами. Да-да, милорд, за яйцами бегунца. Это нелетающая птица, она живет на поверхности болота и носится так быстро, что травяная сеть не успевает проминаться. Бегунец гнездится в самых опасных местах топи – над глубиной, у края черной воды. Ни один хищник не доберется до гнездовья – продавит сеть и утонет. А Кид, этот тощий мальчонка, восемь раз ходил за яйцами и возвращался живым, да еще с уловом! Лучше него никого нет, милорд. Эрвин пожал плечами и взял парнишку.

Юный охотник оказался дремучим невеждой. Он был не просто неграмотен – он даже едва представлял, что такое книга. Знания Кида о мироустройстве сводились к следующему: где-то есть Человечество, в нем живет много людей (не меньше пятидесяти сотен!), Человечеством правит Герцог, иногда люди Герцога приплывают кораблями в Спот, чтобы купить лисьи шкуры и яйца бегунца. Парнишка понятия не имел, кто такие император и дворяне, как выглядят города и чем занимаются их жители. О том, что люди иногда воюют меж собою и для этой цели собираются в армии, Кид знал из легенд, но зачем нужны войны – это лежало за гранью его понимания. Войны случаются сами по себе – как грозы или снегопады. Коли случилась война, надо идти воевать, что уж тут поделаешь.

Из цветистого имени «Эрвин София Джессика рода Светлой Агаты, наследный герцог Ориджин» парнишка сумел запомнить лишь последнее слово, им и называл лорда.

– Попробуй оленины с малиной, Ориджин! Такая вкуснятина!

Дважды он получал за это плетей, мужественно вынес наказания, но так и не понял, чем виноват. Вопреки внешней фамильярности, Кид относился к Эрвину с глубоким уважением: он был уверен, что Герцог Десмонд – величайший человек и господин всего мира, почти бог, а молодой Ориджин – его сын и тоже станет править миром, как только отец удалится на Звезду. Эрвин проявил снисходительность и потратил часа три на попытку объяснить Киду смысл и назначение дворянских титулов, а также политическое устройство империи Полари. Кид ухватил самую суть лекции и запомнил две вещи: во-первых, Ориджин с отцом живут в каменном доме, огромном, как скала; во-вторых, если он, Кид, станет звать Ориджина «мой лорд», то больше не получит плетей, и все останутся довольны.

Юный охотник был до крайности жизнерадостен, просто даже сверх меры. В противоположность Колемону, он находил лучшую сторону во всем.

– Гляньте, мой лорд, вон змея на дереве, видите? Это вдовушка, она если куснет, то помрешь в тот же день. Зато какая красавица, а! Черная, как смоль!

Или:

– Дождик какой холодный – хорошо! Когда мерзнешь – бодреешь!

Или:

– А после второй порки шкура-то быстрее заживает. Выходит, она тренируется! Теперь-то мне и волк не страшен: порвет – а завтра зарастут все раны.

Каждый вечер, сидя у костра, Кид обязательно говорил:

– Хороший был денек, а!

Юный охотник занимал низшую ступеньку в иерархии отряда и ужинал вместе с греями, потому Эрвин редко слышал от него коронную фразу. И к лучшему, поскольку она до невозможности бесила лорда, казалась ему утонченным издевательством. В тот вечер, когда Эрвин отравился олениной и трясся в лихорадке, мучаясь от спазмов, Кид сказал:

– Хороший был денек, мой лорд!

В день, когда рысь издрала все лицо слуге Филиппа Лоуферта и выщарапала бы глаза, если бы кайр Освальд не убил ее мечом, Кид тоже сказал свою фразу. И тот день, который Эрвин провел в тоске и черной меланхолии после того, как Луис счел нужным расспросить его о столичной жизни, – этот день тоже был очень хорошим, по мнению Кида.

– Если ты еще раз скажешь про хороший денек, я велю всунуть тебе в рот кляп, – предупредил его Эрвин не то чтобы совсем шутливым тоном.

Но на пятнадцатый день после отправки из Спота, увидав раскинувшуюся впереди, насколько хватало глаз, гибельную топь, молодой лорд Ориджин понял свою ошибку. Предыдущие две недели они проделывали по пятнадцать миль в день, ели досыта, спали на сухом, уверенно шагали по твердой земле, без малейшего риска! Тьма, а ведь то и вправду были хорошие деньки!

– На топи есть только одно спасение: трава-сеточница. Она может помиловать тебя, а может и сгубить. Но кроме нее надеяться не на что, потому помолитесь нашей спасительнице, прежде чем ступить на Мягкие Поля.

Колемон говорил с привычной неколебимой уверенностью, и отряд ловил каждое слово. Никто не смел даже шумно вздохнуть.

– Сеточница растет прямо на поверхности топи. Ничто, кроме нее, этого не умеет. Каждый кустик сеточницы расстилает по воде свои нижние листья, потом выпускает усики и цепляется за соседние кустики. Трава словно сама с собою переплетается, сама за себя держится. Это как если расстелить на воде плашмя оленью шкуру – она ведь не потонет, а будет плавать, пока не прогнется от волн. Так и трава покрывает топь, будто одна гигантская шкура. Этот покров зовется сетью. По сети кое-где можно ходить.

Колемон почесал бороду, поглядел с пригорка на болотный простор. Быстрая тень пронеслась по Мягкому Полю – возможно, тот самый бегунец, что гнездится на топи.

– Боги сделали сеточницу крепкой, чтобы она могла выдерживать снег. Вся штука в том, что зимою вода в топи не замерзает. Это ведь не чистая вода, а гнилая жижа. От гниения она греется. Коли хотите, приложите руку к сети – услышите тепло. И вот зимою, когда снег, сеточнице нужно суметь удержаться на поверхности, не уйти на дно под тяжестью. Потому ее черенки-усики хоть и высыхают осенью, но сохраняют крепость. А весной трава выпускает новые черенки, но старые тоже остаются. Где трава растет уже лет десять, там черенки во много слоев переплелись, и сеть очень прочна – корову удержит.

Старый охотник зловеще понизил голос:

– Но только не больно уповайте на это. На глаз не различишь, сколько траве лет. Бывает, вот растет отличная крепкая многолетка, идешь себе по ней, а тут полынья, что всего-то прошлым летом сетью покрылась. По цвету – ровно такая же! Но ступишь на нее – и прощай. Вот так-то, родимые. Есть у сети еще одно опасное свойство. Она прочна, пока цела. Но если появляется разрыв, то около него трава тут же становится ненадежной. На краю полыньи сеть даже

зайца не удержит! Подогнется и уронит в воду. Поэтому дело такое: пока идешь по целой траве, ты живешь. Если хотя бы одной ногой прорвешь сеть, то, считай, ты этой самой ногой уже стоишь на Звезде. В тот же миг падай на брюхо и ползи. Ни коленями, ни локтями в порванную сеть не упирайся – она не выдержит. Плашмя ползи, как змеюка. Когда на двадцать шагов от дыры уползешь, можешь дух перевести.

– Это в том случае, если провалишься одной ногой, верно? – спросил Ориджин. – А если всем телом нырнешь – что тогда?

Колемон как-то странно усмехнулся.

– А ничего не делать, ваша светлость. Можно воды хлебнуть, чтобы быстрее уйти и поменьше мучаться.

– Неужели нет спасения?!

– Ну, ваша светлость... – пожал плечами белобородый охотник, – всякое, конечно, бывает... Если человек богам уж очень приглянется, то могут и из полыньи вытащить. Попытаешься лечь на край травы животом, руками подальше от дыры уцепишься, потянешь себя – авось выползешь... Да только по шансам это – все равно как медведя поленом убить.

Молчание сделалось мрачным – или Эрвину это только почудилось?.. Колемон поднял узловатый палец и сказал:

– Главное вот что. Запомните накрепко, родные мои. Если кто провалился – не подходите к нему. Есть веревка – можно тянуть, хотя и это опасно: веревкой можно распороть сеть. Но не подходить. Будь он тебе сват, кум, брат, хоть отец родной. Хоть плакать навзрыд будет, хоть заклинать именами всех Праматерей с Праотцами вкупе – стой в двадцати шагах и смотри, как тонет. Нет сил смотреть – отвернись. Но помни: подойдешь к нему – умрешь. В десяти шагах от дыры сеть уже не выдержит стоячего, а в паре шагов и лежащего не удержит. Приблизись к полынье – провалишься. Вот так-то.

Эрвин зябко поежился от этих слов. Механик Луис тихо охнул, Филипп Лоуферт издал смешок, похожий на хрюканье. Воины ничем не выказали беспокойства.

Юный охотник сказал старшему:

– Про черную воду еще скажи, а.

– Да, это малыш верно напомнил. Сеточница не растет на чистой воде – только на болотной жиже. Гниль – она и плотнее, и питательнее. А на чистоводье сеточнице голодно, да и удержаться трудно. Вот она и не живет там. Потому есть в Мягких Полях участки, где видно воду. Бывают большие: сотни шагов в ширину, а то и полмили. Это значит, там очень глубоко, гнилая жижа осела ко дну, а наверху чисто. Такие места зовутся черной водой. Их нужно бояться сильнее, чем смерти. Кто-то подумает: чистая водичка, отчего бы не напиться? А если совсем дурак, то скажет: можно напрямик переплыть, а не обходить два дня. Да, плыть в черной воде можно – она ведь чистая у поверхности. Не затягивает, как жижа. Но беда в том, что ты из нее вылезти не сможешь. Никогда. По краю чистоводья травяная сеть совсем хилая, ни за что ты на нее не выберешься. Ползешь – прорвется. Поплывешь в другое место, ползешь – и там прорвется. В третье, в четвертое, всю заводь оплывешь – нигде не спасешься. Потому такая смерть – самая худшая. В жиже утонешь за минуты, а в черной воде... Сказывают, был такой охотник – Джон Барсук. Он упал в черную воду и плавал трое суток. Лишь на четвертые совсем выбился из сил и ушел.

Эрвин не нашел слов. А вот капитан Геобарт – тот лишь спросил:

– Когда выступаем?

Выступили на рассвете. План заключался в том, чтобы к вечеру добраться до сухого островка и там заночевать. Островок виднелся издали: на нем росли деревья. Крохотная рощица среди бескрайнего простора Полей. На взгляд до нее было миль пять – совсем немного, если брать по меркам суши.

Шли по отмели.

– Отмель – это не твердая земля под ногами, не надейтесь, – предупредил Колемон. – Где суша выступает над жижей, там растут деревья, и таких мест разве что дюжина наберется на всех Мягких Полях. А на отмели такая же жижа, как всюду, и травяная сеть поверх нее. Разница лишь в том, что на отмели неглубоко, и сеточница достает корнями до твердого дна. Глубина в таком месте может быть по колено, может – по пояс или по грудь, на большее длины корней не хватит. Идти по отмели не проще, чем над глубиной. Одна радость: если провалишься, то не утонешь. А различить отмель можно по цвету. Сеточница любит, когда корни плавают в жиже – это для нее самое лакомство. На отмели же она вкапывается корешками в дно и голодает, потому листья меняют цвет: становятся чуть желтее. Гляньте вон туда – видите?

Эрвину пришлось долго присматриваться, чтобы разглядеть среди сочно изумрудной травяной сети полосу желтоватого оттенка. Она имела в ширину от силы десять шагов и уходила в глубь болота. Вела примерно в сторону рощицы, но не прямиком, а зигзагом.

На эту полосу и вступил отряд.

Никогда не думай, что ты привык к походной жизни! Не обманывай себя. Невозможно привыкнуть к этому, как нельзя до конца смириться с неизбежностью смерти.

Не воображай, что сделался бывалым путешественником. Даже если ты научился питаться полусырым мясом и полувареными бобами, если овладел умением не расчесывать до крови укусы moskitov, если ты мужественно терпишь хвойные иголки в сапогах, за шиворотом и под исподним, и даже если тебе послан богами талант засыпать мертвецким сном в любом положении и при любой температуре воздуха – не воображай о себе. Сколь велики ни были бы твои успехи, ты еще не научился путешествовать. Мастерство путника – сродни воинскому. Оно приходит с годами изнурительных тренировок, с потом и кровью, с горькими слезами, и многим несчастным суждено погибнуть, так и не достигнув совершенства.

Так думал Эрвин София Джессика, глядя себе под ноги. При каждом шаге желтовато-зеленый настил из сплетенных листьев и черенков вминался на полфута, под сапогом возникала ямка, проступала вода. Она была масляниста и густа, не текла, а сочилась. К тому же вода источала гнилостный смрад. Эрвин убирал ногу – и поверхность выравнивалась, ямка исчезала, только трава в том месте оставалась влажной. Идти можно было, лишь высоко поднимая ноги, словно по свежему снегу или толстой перине. Сказать, что так двигаться тяжело, – не сказать ничего.

О езде верхом пришлось позабыть в тот самый час, когда отряд ступил на Мягкие Поля. Конь со всадником слишком тяжел, он неминуемо продавит слой сеточницы и провалится в топь. Эрвин предположил, что болото не примет во внимание герцогского титула и не сделает для него исключения, так что шел пешком наравне с греями. Хотя нет, не наравне: греи отшагали уже миль триста и хорошо натренировали ноги, Эрвин же проделал весь предыдущий путь в седле. Пожалуй, наравне с ним был сейчас один лишь Филипп Лоуферт: имперский наблюдатель вполголоса проклинал все, что попадалось ему на глаза, и цеплялся за плечо своего слуги.

Эрвин вел Дождя в поводу. Копыта жеребца были обвязаны здоровенными пучками хвоста – чтобы меньше продавливать траву. За пару часов пути они отсыревали и тяжелели, конь волновался из-за странного ощущения, принимался бить копытом, норовил скинуть хвост. Тогда нужно было остановиться и успокоить его, приласкать, уговорить терпеливо идти дальше.

– Хороший мой, не волнуйся, все хорошо, потерпи всего несколько дней! – приговаривал Эрвин, поглаживая морду жеребца, и думал с обидой: вот интересно, почему меня-то никто не утешает? Можно подумать, мне легче, чем ему!

В Мягких Полях водилась живность. Странно подумать, что кому-то захочется жить на тонком слое травы, стелящейся поверх гиблой трясины. Однако всяческих тварей здесь оби-

тало предостаточно. Трещала саранча, жужжали оводы, вились над головами москиты. Квакали, надувая щеки, жабы. Они отличались по цвету от лесных и не вызывали суеверного ужаса, но на всякий случай воины старались обходить их стороной. А вот жабы ничуть не боялись северной пехоты – сидели себе, тарачились на людей, раздували пузыри. Встречались зайцы. Неведомо зачем забегали из леса в глубь болота, носились по траве зигзагами, замирали, наострив уши. Одного кайр Джемис подстрелил из лука. Пару секунд проводил несущуюся цель, затем выпустил стрелу. За миг до выстрела заяц нырнул в густую траву и пропал из виду, но кайр точно предсказал его движение. Серый пес кайра помчался туда, размахивая хвостом, и принес в зубах заячью тушку. Это был, на взгляд Эрвина, единственный успех того дня.

В Полях, конечно, водились и змеи. Колемон сказал, что ползучие твари – главная опасность в Мягких Полях, не считая самой топи. Их есть два вида. Черные змеи зовутся вдовьими лентами или просто вдовушками. Они живут над глубиной и редко встречаются на отмели – это вроде как хорошо. Они блестят и из-за смоляного цвета шкуры заметны в траве – это тоже хорошо. Плохо то, что укусы вдовушки смертельны.

Зеленых змей называют зайцеедками либо зеленками. Эти как раз обожают отмели – они устраивают засады и атакуют внезапно и молниеносно. Их яд не может убить человека, но вызывает мучительную боль и паралич.

Для защиты от змей впереди отряда шли двое греев в высоких сапогах, один шевелил траву копьём и распугивал тварей, а другой держал наготове хлыст, чтобы убить змею, если она вдруг решит напасть, а не убраться с дороги. За полдня они спугнули шесть зайцеедок, но одну проглядели. Змея лежала в траве, пока отряд проходил в шаге от нее. Кайр Фредерик задел ее хвост, и зеленка атаковала – впилась под колено, выше голенища. Кайр мигом выхватил меч и разрубил ее надвое. Потом, недолго думая, рассек себе ногу в месте укуса. Кровь, смешанная с ядом, имела жуткий бурый оттенок. Передавив голень по сторонам укуса и позволив грязной крови стечь, воин избавился от яда, но, как оказалось, не полностью. Скоро нога онемела и стала твердой, как бревно.

– Я смогу идти, – убеждал соратников Фредерик. – Это все равно что на костыле.

Однако вскоре он упал и не смог подняться. Его погрузили на носилки, тащить раненого поручили тем двум греям, что прозевали змею.

– От яда зайцеедки нет снадобья, – сказал белобородый охотник. – Просто терпеть нужно. Помереть не помрешь, но достанется – будь здоров. А делать нечего, терпи.

Фредерик и терпел. Обливался потом, скрипел зубами, дергался в судорогах. Когда находил в себе силы сказать хоть слово, принимался проклинать невнимательных пехотинцев. В авангарде теперь шли не двое, а четверо: кайр Освальд с тройкой своих белокурых греев.

Именно Освальд первым увидел врага.

Безопасная отмель была узка, и отряд двигался цепочкой, растянувшись в длину. По обе стороны стелилось роскошное зеленое поле. Многолетняя трава-сеточница переплеталась так плотно, что жижга нигде не проглядывала сквозь изумрудный ковер. Болото казалось изобильным и благодатным лугом. Отпусти коней – будет им невиданный праздник, раздолье!

Лишь один тревожный знак указывал на то, что места вокруг – гиблые: в них не росло ни одного дерева. Оглянись – увидишь густой лес позади, в паре миль. Посмотри вперед – и вдали заметишь крохотную рощицу. А в стороны на много миль – ни единого деревца. Так не бывает в обычных степях.

Перевалило за полдень. Кайр Фредерик стонал на носилках, Филипп Лоуферт бурчал под нос, жужжал овод, прицепившийся к Дождю, от головы отряда доносились порою отрывистые щелчки хлыста. Эрвин глядел под ноги. Он был уверен, что все равно не успеет заметить предназначенную ему змею. Но если смотришь вниз, то не видишь, какое отвратительно большое расстояние еще предстоит пройти... И вдруг раздался возглас кайра Освальда:

– Тревога! Зверь.

– Какой зверь? – крикнул Теобарт.

– Большой... – Освальд помедлил. – Быть не может!

Эрвин пригляделся: темный силуэт двигался им навстречу вдоль отмели. Массивная туша покачивалась из стороны в сторону при каждом шаге. Голова была уродлива и угловата, что-то торчало из нее.

– Это клыкан! – сказал Кид. – Вот же забрался!

– В болоте? Откуда он здесь?!

Это звучало как глупая шутка: клыкан – огромная зверюга, крупнее и тяжелее быка. Что ему делать в топи? Но животное приблизилось еще, и сомнения отпали. Клыкан остановился на середине отмели шагах в трехстах от людей. Его широченная грудь, спина и округлые бока были укрыты пластинчатым панцирем, весьма похожим на рыцарский доспех. На голове торчали три рога – два вперед, центральный вверх. Вдоль хребта также щетинились заостренные костяные наросты. Толстые и короткие лапы вдавливались глубоко в траву. Зверь как будто уменьшался в росте с каждой секундой. Он проваливается! – сообразил Эрвин. Ему нельзя стоять на месте!

Это понимал и сам клыкан. Однако дорогу к суше ему преграждал большой отряд людей и животных. Зверь помедлил еще пару вдохов – и решился. Набычился, опустил голову, тараном выставив рога, и двинулся к людям, набирая скорость.

– В стороны! – распорядился Теобарт. – Прижмитесь к краям отмели, освободите ему дорогу!

Люди отступили с пути зверя – осторожно, чтобы не сойти с желтой травы на изумрудную. Эрвин потянул Дождя, и жеребец заартачился. Уперся копытами, фыркнул, встряхнул гривой. Тьма! Только не сейчас!

Клыкан разогнался медленно, как тяжелый всадник. Он шел напролом, рассчитывая протаранить группу людей и прорваться к лесу. Зверь прекрасно различал отмель и держался ее середины. Отряд стоял прямо у него на пути.

– Давай же! Ну! Ну!

Эрвин тянул жеребца, но тот упирался, всхрапывая и зыря на клыкана. Дождь – боевой конь, в его крови – скакать навстречу врагу или от него, но не в сторону. Фланговые маневры всегда трудно даются кавалерии.

Послышался лязг металла, деревянный скрип. Воины выхватывали мечи, поднимали копья, взводили арбалеты. Зверь был на расстоянии прямого выстрела и двигался галопом. Сеть ходила ходуном от его шагов. Он весил под две тысячи фунтов – штурмовой таран, способный выбить самые прочные ворота!

– Не стреляйте, толку не будет! – кричали следопыты. – Только разозлите зверя. Лучше уйдите с дороги! Мой лорд, в сторону, скорее!

Внезапно Эрвин понял, что он и вороной Дождь – единственные преграды, оставшиеся на пути клыкана. Остальной отряд уже прижался к краям топи.

– Проклятый упрямец!

Эрвин выхватил меч и плашмя стеганул Дождя по крупу. Тот вздрогнул, напрягся – и развернулся навстречу зверю, готовясь пойти в атаку. Бесстрашие коня, столь ценное на поле боя, сейчас обрекало его на смерть. Клыкан увидел Дождя и счел его препятствием. Рогатая башка зверя нацелилась в грудь жеребцу.

– Защитите лорда!

Восемь воинов подбежали к Эрвину.

– Оставьте коня, милорд! Спасайтесь!

Они выстроились двойной шеренгой между лордом и зверем: передние выставили копья, задние обнажили мечи. Смешная защита! Клинки разве что поцарапают панцирь зверя!

Сработали арбалеты. Болты прожужжали в воздухе, несколько щелчков обозначили попадания. Клыккан даже не вздрогнул, не сбился с галопа. До него оставалось полсотни ярдов. Было слышно, как он всхрапывает на ходу.

– Бросьте чертова жеребца! – крикнул капитан и метнулся к Эрвину – очевидно, с намерением вырвать у него поводья.

Бросить коня на погибель?! Ну, уж нет!

Эрвин прыгнул в седло и ударил Дождя каблуками. Жеребец радостно сорвался с места – навстречу врагу. Лобовая атака – привычный, понятный ему маневр. Но Эрвин рванул влево, уводя коня с центра отмели. Дождь подчинился, шатнулся в сторону, вклинился меж арбалетчиков, замерших на краю топи. Травяная сеть угрожающе прогнулась под копытами. Эрвин поспешно выпрыгнул из седла, шлепнулся на колени, но сумел удержать поводья. Потеряв всадника, жеребец остановился.

– Тихо, мой лорд! – шепнул Кид, оказавшийся рядом. – Молчите. Не шумите.

Клыккан помчался сквозь замерший отряд.

Сейчас он протаранит Дождя, успел подумать Эрвин. Но зверь потерял интерес к жеребцу, едва тот убрался с дороги. Клыккан скакал строго по центру отмели. Плечевые пластины панциря мерно шатались взад-вперед. Ноздри отрывисто выбрасывали воздух: фпр! Фпр! Фпр! Травяной ковер плясал под зверем и расходился волнами. Два нижних рога твердо глядели вперед, как рыцарское копьё на турнире, и лишь теперь Эрвин понял, что это и не рога вовсе, а жуткие гигантские клыки, торчащие из пасти.

Зверь пронесся так близко, что Эрвин разглядел и два болта, застрявших в грудном панцире, и бородавку у глаза, и пятна лишайника на брюхе. А хвост у клыкана оказался комично куцым – хлыстик, а не хвост. Эрвин перевел дух, услышал, как выдохнули арбалетчики, опускающая оружие.

И тогда один из ослов в конце колонны глухо заревел, а клыкан мигом повернул и ударил его рогами. Несчастное животное отлетело далеко за край отмели, шлепнулось на сеть, судорожно забилося. Копыта продрали траву, хлынула вода, и спустя миг ослик погрузился в трясины.

Отряд смешался. Ослы и мулы в ужасе бросились врассыпную. Греи пытались сдерживать их, не дать соскочить с отмели. Мулы ревели, лошади ржали. Клыккан остановился, поводья головой. Он воспринимал громкие звуки как угрозу и на миг растерялся среди множества шумов. Но вот зверь выбрал направление – ринулся обратно к голове отряда, пробивая дорогу сквозь мешанину людей и ослов. Греи отпрыгивали с его пути и старались вогнать в бок зверю копьё или топор. Удары были точны и свирепы, но оружие застревало в панцире. Шея зверя, кажется, была уязвима, но он защищал ее, резко мотая головой из стороны в сторону. Под удар попался осел и отлетел с прорехой в шкуре. Еще одного клыкан сшиб грудью.

– Копейный хват! – приказал капитан. – Остановите зверя!

Воины ринулись к клыкану, сомкнули строй, полукругом оцепив рогатую морду. Рванувшись вперед, зверь пробил бы шеренгу по центру, но подставил бы шею под удары с флангов. Он не решился на это, остановился и занял оборону, вертя рогатой мордой и не давая приблизиться. Воины делали выпады, но удары выходили скользящими, не причиняя вреда.

– Тесните к суше!

Воины принялись колоть зверя в морду и плечи, чтобы вынудить развернуться и отступить. Но клыкан, как и Дождь, не был приучен убегать от опасности. Он не сдавал позиции: тяжело дышал, вертел головой, встряхивал рогами, норовя поддеть пехотинцев. Ни одной серьезной раны на его теле так и не появилось. Маленькие глазенки зверя наливались кровью, фыркание звучало все более гневно. Эрвин и Теобарт, наблюдавшие за боем со стороны, разом поняли: клыкан свирепеет и вот-вот ринется в атаку, несмотря на риск. Тогда его убьют ударом сбоку в шею, но прежде зверь прорвет строй и затопчет кого-то из воинов.

– Арбалеты?.. – предложил Эрвин. – Если попасть в глаз?

Капитан Теобарт прищурился, прикинул шанс. Клык качал головой, его глазки были мелкими, поросячьими. Прескверная цель. Капитан взял арбалеты у двух стрелков и быстро пошел к зверю.

– Э-э-эй! Эй ты, громадина! – закричал Теобарт во все горло, перекрывая ослиный рев. Зверь обернулся к нему. Капитан обходил сбоку, зверь провожал его пристальным взглядом.

– А-а-арр-р! А-а-а-арр-р-р! – страшно взревел Теобарт и дважды выстрелил.

Один болт вошел в плечо, другой в морду, но не в глаз. Клык ринулся на кайра, а тот бросился прочь с отмели.

– За мной! А-а-а-арр-р-р!

Сеть проминалась под Теобартом, из-под ног летели капли. Зверь скакал следом, поле ходило ходуном. Одурев от ярости, клыкан соскочил с отмели и понесся над глубиной. Как назло, трава здесь была плотна и выдержала громадину! Свирепо всхрапывая, зверь настигал капитана.

Теобарт несся со всех ног, забирая в сторону полыньи, где утонул осел. Клык был вдесятеро тяжелее человека, но все же догонял его.

– Капитан! – крикнул Джеμισ, когда зверь оказался в шаге от добычи.

Теобарт прыгнул вбок. Клык рассек рогами воздух и пронесся по инерции еще несколько шагов. Затем трава треснула под ним, раздался всплеск, и зверь просел в жижу. Еще с минуту он удерживался на поверхности – дергался, сиюсь выскочить, но неумолимо погружался. Потом голова исчезла под водой.

Капитан Теобарт вернулся на отмель и велел построиться. Один из кайров сказал ему нечто одобрителное. Теобарт строго приструнил болтуна. Хвалить командира – все равно что оценивать его действия. Рядовой рыцарь не имеет на это права; раздавать похвалы офицерам – дело лорда.

– Благодарю за службу, Теобарт, – сказал Эрвин. – Вы поступили доблестно.

Вместо положенного «рад служить Первой Зиме» капитан тихо ответил:

– Не рискуйте жизнью, милорд.

– Это я рисковал? – Эрвин даже опешил от абсурдности такого заявления.

– Когда вы занимались конем, милорд, зверь мог растоптать вас.

– Он был еще далеко, я видел, что есть время... – сказал Эрвин и спохватился. С чего вдруг я должен оправдываться?! – Пойдите, капитан, вы что же, делаете мне замечание?

– Простите, милорд, но это мой долг. Не только перед вами, но и перед моими людьми. Если бы вы погибли, не мне одному, а и каждому кайру отряда пришлось бы ответить перед вашим отцом. Ради людей, что преданно вам служат, прошу вас: будьте осторожны.

Эрвин подумал с горечью: интересно, как же сохранить авторитет, если я буду выглядеть не только неженкой, но и трусом? Кто захочет тогда подчиняться мне?

– Милорд, никто не ставит под сомнение вашу власть, – словно догадался о его мыслях Теобарт.

Да неужели! Капитан, читающий нотации лорду, – это само по себе говорит о многом. Но слова Теобарта звучали разумно, Эрвин не нашел, что возразить.

– Я буду осторожен, капитан.

– Благодарю, милорд.

Сосчитав потери и восстановив порядок, отряд двинулся дальше. В потерях значился лишь утонувший осел. Другой хромал, но кость осталась цела. У третьего на плече зияла рана, лекарь промыл ее и сообщил, что она не представляет опасности. Тронулись в путь с наиболь-

шей скоростью, на какую были способны. Оставалась надежда засветло добраться до островка и переночевать на сухой земле.

Этот переход дался Эрвину особенно трудно. Пожалуй, он слукавил, когда сказал, что не подвергался риску. Умом Эрвин пытался убедить себя, что ни капли не испугался, а был холоден, как лед. Но его тело прекрасно знало правду. Как это случается после пережитого потрясения, ноги сделались ватными, все мышцы ослабли, стало мучительно тяжело не то что идти, а даже просто удерживаться на ногах. Хотелось упасть и пролежать день-другой.

Раньше он не задумывался над тем, как человек ходит. А теперь обнаружил с удивлением, что каждый шаг – не одно движение, а целых три: вытянуть ногу из вмятины травяной сети, перенести на фут вперед, вдавить в траву. Каждое из этих движений требует сил и времени! Сколько еще осталось до рощицы? Пожалуй, мили две. А миля – это сколько шагов? Три тысячи? Четыре? О, боги!

Говорят, у каждого человека есть предназначение, каждый нужен для чего-то в подлунном мире. Я понятия не имею, в чем мое предназначение, но это – не ходьба. Может, кто-то и создан, чтобы ходить пешком, или даже ходить пешком по болоту. Может, у кого-то талант к этому делу, возможно, кого-нибудь историки назовут гениальным ходоком, он останется в памяти потомков, делается героем баллад и легенд... Но это точно буду не я! Нет, господа! Ни за что! Я не создан для ходьбы. Едва мы выберемся на сухую землю, я сяду в седло и больше никогда не слезу с коня. Верхом буду ездить по своему замку, верхом посещать собор и трапезную, читать книги в седле, беседовать с друзьями... Не хотите ли пройтись, милорд Эрвин? С удовольствием пройду, сударь, но только сидя! Видите ли, я дал обет никогда не ходить пешком и лишусь чести, если сделаю хоть один шаг.

Грязь выступала под каблуками и всасывала подошвы. Вились москиты, щипали за шею так часто, что не было никакого смысла пытаться их отогнать. Тучи темнели, обещая дождь. Рощица стояла у горизонта и вовсе не увеличивалась в размерах. Эрвин делал вид, что ведет жеребца в поводу, а на самом деле цеплялся за сбрую, чтобы не упасть. Единственное, что утешало его, – это наблюдения за Луисом. Тому, видимо, приходилось еще хуже.

Еще вчера, на последнем лесном переходе, механик натер себе ноги. Вечером Луис продемонстрировал всем желающим огромные волдыри на пятках (к глубокому удивлению Эрвина, желающие посмотреть нашлись!). Луис попросил у лекаря помощи. Фильден применил жирную желтую мазь, которая, по старой доброй медицинской традиции, не дала никакого эффекта. Когда отряд вступил на травку Мягких Полей, Луис пришел в восторг, скинул сапоги и изъявил желание идти босиком. Колемон запретил это.

– Почему? – спросил Луис.

– Змеи, – сказал следопыт.

Луис попробовал спорить: змей, мол, разгоняет авангард. Колемон отозвал его в сторонку и указал: всего шагах в десяти за краем отмели блестела среди травы вдовушка. Она как раз была занята трапезой, втягивала в себя небольшое тельце – то ли жабу, то ли крольчонка.

Луис натянул сапоги и покорился судьбе. Теперь он шел с напряженным, болезненным вниманием, будто по углям, и периодически то ахал, то охал. Ах! Ох! Ах! Ох, ох! Ах, ах! Ох, ох, ох! Наверное, в этом была какая-то система...

Когда стемнело, до островка оставалось еще с полмили. Проводники поспорили меж собою. Колемон, сказал, что идти в темноте опасно – можно сбиться с отмели. Кид возразил, что ночевать на болоте не менее опасно, ведь вдовушки чаще охотятся ночью. Эрвину ничуть не улыбалось спать в грязи, но пройти еще полмили казалось просто немыслимым.

И тут грянул ливень. Проводники переглянулись, пожали плечами так, словно теперь-то все стало очевидно, и двинулись в путь.

– Господа, вы, никак, приняли решение? – крикнул им Эрвин.

– Нельзя оставаться на болоте в дождь, ваша светлость! – ответил Колемон.

– Это всякий знает, мой лорд, – подтвердил Кид.

– Почему? Эй, я к вам обращаюсь!

Ответа он не услышал. Ливень влупил с такой силой, что заглушил бы даже барабанный бой. Эрвин брел по колена в воде... или по пояс, или по шею – сложно понять. Вода была повсюду. Он пытался кутаться в дорожный плащ, но вскоре бросил это безнадежное дело. Вода пробивалась не только под плащ, но даже, кажется, под кожу. Сапоги наполнились ею и превратились в гири на ногах. Эрвин переставлял их с таким усилием, словно вколачивал сваи. Поминутно протирали глаза, пытаясь разглядеть хоть что-то за водной стеною, но видел только согбенную фигуру механика, бредущего в нескольких шагах. Все прочее терялось за темной пеленой. Эрвин думал: на моем месте Кид нашел бы во всем этом что-то хорошее. Ну, что-нибудь. Да, вокруг темно, как в колодце, и мокро, как в нем же, и чувствую я себя столь же бодро, как утопленник... но... но?.. Но, по крайней мере, теперь не видно, как далеко нам еще идти! Наверное, до островка еще миль сто, и вообще мы сбились с пути и идем в другую сторону... но мне плевать на это – я все равно ни черта не вижу! Наверное, мы уже сошли с отмели – кто различит во тьме оттенок травы? Может быть, сеть подо мною вот-вот порвется, и я провалюсь в гнилую бездну – но это будет не столь уж страшно, ведь я все равно не почувствую разницы! И так мокрый до нитки, и так едва шевелюсь, полная глотка воды и темно в глазах – так велика ли разница будет, если утону в трясине?

Однако он почувствовал разницу. Что-то хрустнуло, и левая нога ушла под сеть. Следовало рухнуть ничком, но, повинаясь инстинкту, Эрвин выставил руки. Они легко пробрили траву, и ладони зарылись глубоко в жирную теплую грязь. Грудь уткнулась в сплетение черенков, Эрвин успел подумать: кажется, повезло. Потом сеть треснула, и он с головой ушел в жижу.

Долина. Овцы, как сахарная пудра.

Первая Зима. Химеры на башнях собора. Светлая Агата.

Отец. Мятеж карается смертью от щелока. Нет нужды пояснять, ты исполнишь мою волю.

Гобелены с Праотцами. Клавесин. Мать в черном платье. Света должно быть много.

Иона. Прекрасная Иона. Все будет по-другому, и я счастлива. Перья попугаев, цветы азалии. Милая моя сестричка!..

Если кто провалился – не спасай. Стой и смотри, как тонет.

Нет сил смотреть – отвернись.

Нечто твердое ткнулось в макушку. Единственное ясное ощущение среди вязкости и удушья. Там, наверное, верх, значит, низ в другой стороне. Эрвин попытался развернуться вниз ногами. Тело едва ворочалось, вода сочилась в горло сквозь стиснутые зубы. Нечто твердое вновь тронуло голову, схватило за волосы, соскользнуло. Эрвин рванулся, распрямился изо всех сил. Что-то изменилось – лицо ощутило прохладу. Прохлада пульсировала – капли дождя? И звук голоса: глухой, смятый, но прежде вовсе не было. Он рискнул вдохнуть – в легкие вошел воздух.

Эрвин выдрал из грязи руку и протер глаза. Вокруг была черная полынья с обрывками сеточницы. Над трясинной торчала голова и плечи Кида.

– Мой лорд, здесь можно стоять! – едва слышно кричал охотник. – Мы еще на отмели. Не бойтесь, мой лорд! Не бойтесь!

– Я не... – выдавил Эрвин, закашлялся, выхаркнул воду. – Я не боюсь, тьма тебя сожри!

Наконец он нащупал ногами дно. Подставил лицо дождю, позволил прохладной чистоте смыть грязь. В висках стучало, перед глазами туманилось.

– Теперь не вылезем, мой лорд, – крикнул ему на ухо Кид. – Сеть порвана, не сможем на нее взобраться. Хорошо, что до острова немного осталось! По дну пройдем.

Кид оказался прав. Эрвин несколько раз попытался выбраться на сеть, ухватившись за черенки, но жижа всасывала его, а трава рвалась в клочья. Двое кайров и Томми попробовали помочь ему – закончилось тем, что сами очутились в болоте. Эрвин велел остальным не приближаться к полынье.

Жеребец, оказавшийся возле дыры, тоже рухнул в трясины. Конь кричал от ужаса, но Эрвин не слышал – в тот момент голова была под водой. Когда он сумел вынырнуть, Дождь уже нашел копытами дно и успокоился.

Пять человек и жеребец двинулись к берегу сквозь жижу, прорывая собою ненадежную сеть. На следующий день Эрвин узнал, что от полыньи до острова было всего пятьдесят ярдов. Ночью понадобилось больше часа, чтобы проделать это расстояние. Люди загребали руками, цеплялись за клочья травы, упирались ногами в зыбкое дно, всем телом падали вперед, продавливая жижу. Лишь так удавалось сдвинуться на несколько дюймов. Потом – постоять, собираясь с духом, напрячься, как тетива, и сделать рывок на новые пару дюймов. Когда берег уже ясно проступил в темноте, Эрвин почувствовал, что теряет сознание. Он вцепился в гриву Дождя. Кайры подхватили его и поволокли. На время он отключился, а пришел в себя от боли в затылке: Кид держал за волосы, чтобы не дать зарыться носом в воду.

Спустя время его вытащили на берег. Эрвин упал под ивой, капли с ветвей стекали в лицо. Дождь лупил с прежней силой, смывая грязь с тела.

Лекарь Фильден возник рядом и принялся расспрашивать. Эрвин велел ему убраться во тьму. Теобарт приказал поставить шатер для лорда. В этом не было смысла – внутри будет столь же мокро, как снаружи. Эрвин уснул бы прямо под дождем, если бы не трясся от озноба. Томми принес орджа, и Эрвин радостно припал к горлышку.

Рядом присел Кид.

– Мой лорд, странно, что так вышло. Сеть была прочная, многолетняя. Даже клыкана выдержала! Отчего же вы провалились? Наверное, прямо под ногу попался крохотный разрыв. Может, чей-то конь копытом покалечил сеть, а вы додали.

– Я всегда слыл счастливым. На Севере даже присказка есть: везучий, как Ориджин.

Кид принял сарказм за чистую монету:

– Верно, мой лорд, вам очень повезло! Мы сбились к краю отмели. Еще бы десять шагов левее – и до дна уже не достать. А так – видите, целехоньки остались! Боги улыбнулись нам!

– Хороший денек, да? – сказал Эрвин и истерически расхохотался. – Отличный денек! Самый лучший! Прямо свадьба и коронация вместе!

Монета

*8–9 мая 1774 года от Сошествия Праматерей
Озеро Дымная Даль – Уэймар, графство Шейланд*

Озеро Дымная Даль – пресное море, вытянутое на пятьсот миль с северо-востока на юго-запад вдоль границы Южного Пути. О нем говорили: Дымная Даль – в одночасье дорога и стена. Во время Первой Лошадиной войны озеро остановило кочевников, не дало им сжечь и разграбить Южный Путь, как они проделали это с Альмерой. Позже, когда воцарился мир, озеро стало служить торговым маршрутом между шестью окружающими его землями, источником процветания прибрежных городов. А Дымной Далью звалось оно потому, что даже в самом узком месте невозможно увидеть ни дальнего берега, ни даже линии, на которой небо сходится с водою: туманная дымка скрывает горизонт. Встарь, когда Север еще не был обжит, люди считали, что там, за озером, лежит земля, покрытая вечным туманом и никогда не видящая солнца. Ее прозвали Шейландом – землей теней. Говорили, там водятся чудища – как же в тени и без чудищ? Говорили, есть звери, что превращаются в туман и парят над озером, а если корабль зайдет в этот туман, то невиданные хищники возникнут прямо на палубе и сдерут с людей всю плоть, и судно пойдет дальше, ведомое скелетами...

Что ж, сейчас Хармон Паула Роджер на борту озерной шхуны направлялся к берегам Шейланда, укрытым таинственной дымкой, и не сказать чтобы сильно тревожился по этому поводу. Он восседал на баке, похлебывая эль. Снасти негромко поскрипывали, вода плескалась о борта, гортанно покрикивали чайки. Птицы кружили над озерной гладью, порою стремительно опадали и выхватывали из воды рыбешку. После усаживались полакомиться добычей на огромном листе одной из плавучих кувшинок. Вдоль побережья их было множество – кувшинок. Они цвели, усыпая воду мириадами желтых и белых бутонов – словно свечных огоньков. Огромные блестящие листья стелились по озерной глади, чайки важно прохаживались по ним. Люди говорят, что на листьях кувшинок живут озерные феи. Питаются пылью желтых и белых цветов, запивают водяными брызгами, говорят меж собою на пчелином наречье, а песни поют языком птиц. Правда, увидеть фей может лишь человек, чистый душою... Хармон Паула Роджер не питал иллюзий на свой счет и не напрягал зрения без толку.

Шхуна шла легко и гладко, даже можно сказать, скользила. Торговцу, привычному к дорожным ухабам, становилось не по себе от такого хода. Нечто недоброе есть в передвижении, которое происходит так легко. Как в деньгах, что даются без труда, или как в излишне красивых женщинах. Хармон не был особенно суеверен, но жизнь... у нее есть свой нор, свои повадки. Веришь ты в это или нет – ей, жизни, без разницы. Впрочем, задумываться о плохом Хармон не хотел, потому хлебнул эля и сказал своим спутникам:

– Хорошо идем, а? Сидим, на цветочки глядим, а через день уже и на месте будем!

Спутников было двое: Джоакин и Полли. Грузить на корабль телеги вкуче с лошадьми и платить за них не было никакого смысла: все одно, назад тем же путем возвращаться. Так что Хармон оставил товар и лошадей в Южном Пути, под присмотром своей свиты, а с собою взял только Джоакина – для охраны, и Полли... зачем? Хм. Словом, взял и Полли.

Теперь они втроем сидели на баке, глядя на кувшинки, слушая переключку снастей и чаек, и Хармон говорил:

– Хорошо идем, а?

– Это вам не море, – отрезал Джоакин. – Озеро слишком смирное, в нем сила не чувствуется. Мало радости от такого плаванья.

– А по-моему, очень красиво! – сказала Полли, но глянула на Джоакина с уважением.

– Что за краса в покое?! – фыркнул воин. – Когда есть сила и жизнь, и борьба – вот тогда красота!

– В женщинах, стало быть, тебе тоже сила нужна? – лукаво хмыкнул Хармон. – Ну, чтобы побороться.

– Конечно! – не заметив насмешки, кивнул Джоакин. – В женщине тоже сила должна быть! Если женщина вялая и покорная – что за интерес? Я люблю, когда девица может норов проявить.

Тут он взглянул на Полли не без выражения, а она – на него. Не понравилась Хармону эта переглядка. Зачем он взял с собой Полли, а?..

– К слову, о женщинах, – сказал Хармон. – Вы ведь слышали, что граф Виттор Шейланд, покупатель наш, недавно женился?

– Вы говорили, – кивнул Джоакин.

– О!.. И кто его счастливая избранница? – спросила Полли.

– Леди Иона Ориджин из Первой Зимы. Северная принцесса.

Молодые люди весьма оживились при этих словах.

– Иона Ориджин? – воскликнул Джоакин. – Дочь герцога?

– Она самая.

– Однако граф – молодец! – покивал воин, словно брак высокородных вельмож никак не обошелся бы без его оценки. – Недурную невесту сыскал. И добился своего, завоевал сердце девицы! Хорош.

Скорее, купил, подумал Хармон. Виттор Шейланд – банкир и внук купца, никак не ровня Ориджинам, зато весьма богат. Несложно догадаться, как устраиваются подобные браки. Впрочем, эти мысли Хармон оставил при себе.

– Да, граф умен и ловок с людьми, так многие говорят.

– А мы увидим невесту?.. – спросила Полли.

Ты – нет, подумал Хармон, служанку не пустят за господский стол. Но и эти мысли он оставил при себе.

– Может статься.

– А какие подарки мы ей везем? Нельзя прийти в дом без даров для хозяйки!

– Я не знаю ее вкусов, – пожал плечами Хармон. – Взял то, что все леди любят. Шелковый платок, полфунта шоколада, пару унций литлендских специй.

Зрочки Полли мечтательно уплыли вверх, подтверждая, что не одни только первородные девицы любят подобные подарки.

– Пф!.. – скривил губы Джоакин. – Иона – принцесса Севера! Зачем ей эта южная дамская чепуха?!

– А что бы ты посоветовал?

– Да хоть арбалет хорошей работы! Иона должна прекрасно стрелять. Она же – леди Ориджин, девица с норовом!

Хармон отметил мечтательную гримасу на лице воина и постарался пресечь ход его фантазий в зародыше.

– Дорогой мой, эта девица с норовом – первородная леди. К тому же замужняя. Понял? Такому, как ты, если станешь пялиться на нее, глаза выдерут и в уши затолкают – ясно выражаюсь? И, что для меня наиболее неприятно, назад я поеду без охраны, ибо какой толк от слепого стражника?

Джоакин отвел взгляд.

– Будьте спокойны, я к замужним девицам никогда дела не имею.

– Незамужних, но знатных я бы на твоём месте тоже остерегался.

Воин не ответил. Похоже, он не внял совету.

Тем временем к ним подошел капитан шхуны. Он держал в руках прямоугольный кожаный футляр.

– Хармон Паула, ты ведь торговец, – сказал моряк. – Пожалуй, читать умеешь?

– Пожалуй, еще не разучился.

– Вот... это... мы, значит, для графа везем одну книжицу, – неловко поднял капитан руку с футляром, то ли протягивая его Хармону, то ли так просто. – Говорят, в ней новости от самого императора. Может, ты... это?..

– Прочешь? – Хармон склонил голову. Читать он не любил, тем более – вслух. А имперские новости и без того знал. Чтобы все знать, не книги читать надо, а с людьми говорить: оно и быстрее выходит, и надежнее. Однако Полли при вопросе моряка оживилась, ее взгляд зажегся любопытством. Торговец подумал: а что, может, и прочешь? Беды-то не будет от этого, футляр-то не опечатан... И тут встрял Джоакин:

– Хозяин, позвольте я прочту! Грамоте хорошо обучен, не жалею!

– Да, хозяин, позвольте! – воскликнула Полли.

«Нет уж, я сам!» – чуть не сказал Хармон. Тут же одернул себя: что за глупость? Почему вдруг сам? Чтобы парень перед девчонкой не красовался лишний раз? А и чего такого, если красуется?..

– Давай, читай, – с неохотой кивнул торговец.

Джоакин вынул из футляра книжицу с вытисненными на обложке литерами: «Голос Короны», – и принялся читать – медленно, сбивчиво, порою путая слова.

– Тут буквы какие-то странные, – в свое оправдание сказал воин.

– Они печатные.

– Какие-какие?..

– Печатные, темень ты. Позже поясню, – сказал Хармон со странным удовольствием от своего превосходства. Что ж такое?..

Парень продолжил читать. Капитан слушал, усевшись рядом, позже подошли помощник и боцман. Все сказанное в книге Хармон Паула Роджер и так уже знал. Шла речь о том, что владыка Адриан желает построить по всей стране рельсовые дороги – это не тайна ни для кого, кто путешествует и держит уши открытыми. Потом говорилось, что Корона обложит земли податью для строительства дорог, и что это будет очень хорошо для всех, и благодаря этому держава придет к процветанию. Хармон знал, что подать – это все равно подать, какими словами ее ни назови, и вряд ли кто-то обрадуется, если у него отберут звонкую монету, даже если во благо державы. И верно, тут же, в новостях говорилось, что лишь двое из правителей земель поддержали решение владыки. Одним из этих двоих был граф Виттор, на странице даже помещался его портрет. Джоакин показал его Полли, и девица сказала:

– Приятный мужчина.

А Хармон сказал:

– Здесь не видно главного: граф бел, как снег.

– Неужели?

– Да, лицо – будто полотно.

– Это от хвори какой?

– Вроде нет. Говорят, таким и родился...

Перевернули страницу, прочли о новом соборе в Фаунтерре. Перевернули еще, послушали про несколько свадеб. Перелистнули...

Джоакин замаялся, разглядывая картинку на странице. Хармон глянул: там был портрет девицы во весь рост, наряженной в бальное платье. Черт лица торговец не рассмотрел с расстояния.

– Ну, чего ты! – поторопил капитан Джоакина. – Давай дальше!

– В честь Праз... ника Весны во дворце... Пера и Меча был устроен еже... годный бал, – медленно прочел воин. – Моло... дые лорды и леди из луч... ших домов империи Полари блистали...

– Кому это интересно! – перебил капитан. – Эти балы – чепуха! Листай дальше, про войну какую-нибудь найди.

Джоакин умолк, но задержал взгляд на странице. Хармон отобрал у него книгу.

– Ты, верно, утомился. Давай-ка дальше я, а то еще заснешь с усталости.

Моряки засмеялись, и торговцу это пришлось по душе – он и сам улыбнулся. Перевернул страницу с балом, пошел дальше. Про войны не было, зато нашлось про большой шторм, разметавший флотилию Короны в Восточном море, и про рыцарский турнир, и про суд над женоубийцей. Хармона развлекло все это, он читал с интересом. Когда последняя страница была закрыта, отложил книгу и взглянул на девушку:

– Поди, слушать понравилось? Мы тебя порадовали – теперь ты нас порадуешь. Давай-ка, Полли, спой нам. Знаешь что-то про корабли и моря?

Девушка выполнила просьбу. Она пела просто, не надсаживаясь, не пережимая, и оттого казалось, что слова льются прямо из души. Девичий голос парил над палубой, поскрипывали снасти, плескалась вода. Закатное солнце опускалось в извечную дымку над озером. Шхуна шла на север.

Когда-то Шейландом звалось все, что на севере от Дымной Дали: здоровенный незаселенный прямоугольник в двести миль с востока на запад и четыреста – с юга на север, от озера и до самого Моря Льдов. Вся эту территорию попросил себе во владение какой-то рыцарь, неплохо выслужившийся перед императором три столетия назад. Туманная земля, по слухам, полная чудовищ, никому не была нужна, и император с легкой душой отдал ее рыцарю: и вассала наградил, и себе не в убыток. Он даже пожаловал рыцарю титул: граф Шейланд. Герб новоиспеченный граф выбрал себе сам: рог, увитый плющом. Рог – инструмент разведчика тогдашнего императорского войска, а плющ – символ туманной земли: в Шейланде он рос повсеместно, оплетал стволы деревьев, камни крепостных стен, даже борта кораблей, выволоченных на сушу.

Полтора века графы неплохо правили своей землей: выстроили дюжину городов и замков, раздавали крестьянам щедрые надель, чтобы те охотней оседали в Шейланде и усерднее трудились. Создали флот, что возил товары через Дымную Даль и вверх по Торрею – крупной реке, связавшей воедино все графство. Главным продуктом графства стала льняная материя: урожаи были богаты, крестьяне – трудолюбивы, станки в ткацких мастерских не останавливались круглый год. Серебро Альмеры и Южного Пути потекло на север через озеро, в обмен на пухлые рулоны материи, выкрашенной в яркие цвета.

Тогда начавшееся благоденствие Шейланда привлекло к нему внимание соседей: хмурых нортвудцев на востоке, полудиких кочевников на западе. Те и другие принялись теснить Шейланд, год за годом устраивая набеги, отгрызая от графства лоскут за лоскутом, деревню за деревней. Шейланд не имел сил, чтобы успешно обороняться: кочевники были многочисленны и дики, а нортвудцы – закалены суровой лесной жизнью и пиратским промыслом в Море Льдов. Графство таяло, сжималось, стискивалось, и в конце концов от него осталась лишь узкая полоса земли, протянувшаяся вдоль реки Торрей. Все те же четыреста миль с юга на север – от Дымной Дали до Моря Льдов; но всего лишь сорок миль в ширину с востока на запад: двадцать по восточному берегу реки и двадцать – по западному. Цепь замков, возведенных на берегах Торрея, оказалась неприступна для налетчиков: шейландцы обучились быстро перебрасывать по реке свои небольшие силы и сосредотачивать их, чтобы вовремя дать отпор. Эту полосу речной земли и унаследовал от отца граф Виттор – худой мужчина с каштановыми вьющимися

волосами и белым лицом. Тот, что сидел сейчас во главе господского стола на помосте, усадив по правую руку от себя гостя – Хармона Паулу Роджера.

Торговец чувствовал себя неловко, конфузно – мало ел, не притрагивался к вину, боялся раскрыть рот. И не диво: вот если орел усадит синицу отобедать вместе с собою – как будет чувствовать себя мелкая пичуга? Конечно, граф Виттор Шейланд – слабейший и самый низкородный из землеправителей, но все же – землеправитель! Соратник самого императора, как сказано в «Голосе Короны». Графу Виттору принадлежат восемь городов, тринадцать замков, судоходная река и тысяча квадратных миль плодородной земли, а еще – сеть банков, раскиданных по всему северу империи Полари и приносящих неведомую тьму дохода. Торговцу Хармону Пауле принадлежат девять лошадей, два фургона и открытая телега, а еще – триста пятьдесят эфесов, скопленных за все годы торговли и хранимых в банке, которым как раз и владел граф Виттор Шейланд.

Граф, надо отдать ему должное, вел себя весьма по-человечески. Не чванился, не задира л нос, крепко пожал Хармону руку при встрече, сам усадил на почетное место, при этом слегка похлопав по плечу. Обед граф устроил в общей зале, где на помосте традиционно располагался господский стол, а внизу – три длинных стола для воинов и вассалов. За ними расселись рыцари и стражники графа, там же нашлось место и Джоакину. Гомон голосов, стук тарелок и кубков, порою грубые смешки, производимые этой братией, несколько смягчали неловкость Хармона, но – не слишком. Там, внизу, среди вояк, он чувствовал бы себя великолепно, но тут...

– Вы, стало быть, прибыли из Южного Пути? – спрашивал его граф. – Скажите пару слов – как там жизнь идет? Знаете, когда человек приезжает издали – ничего не могу поделаться с собою, так и хочется обо всем расспросить.

– Жизнь как жизнь, ваша светлость, – коряво выдавливал Хармон. – Идет себе. Никто не жалуется, боги милостивы.

– Как приятно слышать, что хоть в Южном Пути все хорошо в наше беспокойное время! Я, верите, не склонен к зависти. Если у кого-то все ладно – почему бы и не порадоваться? Ведь это такая редкость!

– Да, милорд, ваша правда.

– Ну что вы, какая правда! Кто же знает правду? Точно не я. Я лишь сказал, что чувствую, и все.

Граф Виттор старался говорить доверительно, с улыбкой, и Хармон оценил это. Торговец и сам говорит таким манером, когда хочет расположить к себе нижестоящего. Однако ему все же было неловко за этим столом, и все тут. Серебряный кубок с вензелями, серебряная тарелка, нож и вилка... Редкостные северные яства: перепела, угри в сметане, блины с икрой... Перво родный землеправитель в роскошном камзоле с гербом на груди, говорящий ему, торговцу:

– А мое послание сильно нарушило ваши планы? Ведь, поди, вам пришлось изменить маршрут, чтобы наведаться сюда.

– Нет, милорд, что вы, визит к вам нисколько не затруднил меня. Это радость и честь!

Граф подмигнул:

– Оттого вы так радуетесь, что даже вина не пьете?

Хармон послушно взял кубок:

– Ваше здоровье, милорд...

Он ведь и дел с Виттором не имел прежде, лишь видел графа пару раз! Возил товары для Гарольда – графского вассала, кастеляна замка Уэймар. Вот его, Гарольда, торговец знал хорошо, с ним не робел, подход к нему наладил. С вассалом в два счета провернул бы сделку, забрал денежки и уплыл восвояси... зачем же вмешался сам сюзерен? Неужто ему делать больше нечего, кроме как покупать и продавать всякую дребедень?

– Милорд, я очень рад, что мои скромные услуги вам понадобились, – сказал Хармон, надеясь навести графа на разговор по существу. – Если есть дело, которое я могу уладить для вас, то...

– О, конечно есть! Вы человек дела, я это вижу. Но хвататься впопыхах – это лучший способ все испортить. Знаете, со мною в юности было: неприятная ссора с Нортвудами вышла, один из моих сквайров испортил девицу из их семейства. Ну, кровь молодая, горячая – вы же понимаете. И вот Нортвуды прислали посла с требованием: голову виновника и пятьсот эфесов откупного – срочно, следующим днем, иначе войной идут. Я с этой новостью влетел к отцу, а он мне: садись, сын, пообедай со мной. А я: как же обедать? Нортвуды же, угроза, посол... А отец: садись, говорю, поешь. Если они тебя так перепугали, что есть не можешь, то как же ты дело будешь решать? Это папа мне сказал. Ну, я сел и поел. А пока челюстями работал, успокоился, мысли завертелись, и я – верите! – легко придумал, как правильно поступить. Так-то.

Хармон слегка улыбнулся. По правде, у него с графом находилось все больше общего. Торговец и сам терпеть не мог решать вопросы второпях и на голодный желудок. Ведь тогда думаешь лишь о том, чтобы устроить дело быстро, а не о том, чтобы – выгодно.

Но затем Хармон посмотрел на жену Виттора, и улыбка сползла с лица. Какой-то даже холодок по спине прошел, торговец спешно отвел взгляд.

Иона София Джессика, принцесса Севера...

Каждый человек, подобно товару, из чего-то сделан. Материал несложно распознать, если глаз наметан. Из бронзы получаются драчливые дураки вроде городских стражников; из камня – упрямы, сильные, но неловкие; из золоченой парчи – чванливые и пустые лордские отпрыски; из глины – слабаки и трусы; из шерстяной пряжи – юные нежные барышни; из дубовых поленьев – крепкие крестьяне... Джоакин – тот из меди, сам Хармон – из виноградной лозы.

Но из чего сделана леди Иона, это хрупкое создание с бездонными глазами? Она слишком изящна для фарфора, слишком благородна для слоновой кости, более жива и прозрачна, чем родниковая вода. Хармон ожидал, что леди Иона окажется красива... но теперь не знал, красива ли она: те мерилы, которыми он привык оценивать девиц, оказались совершенно непригодны. Она была... нездешней, вот какой. Не в этом мире сработанной, не по нашим меркам. Назвать леди Иону красивой – все равно что сказать: «Этот ветер весит три фунта».

...После знакомства с хозяйкой дома Хармон вручил подарки. Он чувствовал, насколько они ничтожны, но все же сунул в руки леди Ионе, вымучив какие-то подобающие случаю слова. Принцесса улыбнулась – у нее были очень подвижные губы – и сказала:

– В ваших дарах так много Юга! Все, что приезжает к нам, по пути пропитывается Севером, и это обидно... Но не ваш платок.

Она взмахнула пестрым шелковым лоскутом, любясь, и повязала на левую руку чуть ниже локтя. Вообще-то это был шейный платок, но торговец не решился ее поправить: на тонкой руке леди Ионы шелк смотрелся сказочно. Шоколадом она угостила графа Виттора, и тот поморщился: «Горький...» Глаза принцессы блеснули: «О, горький!» – и она сунула в рот сразу две конфеты.

За столом леди Иона сидела по левую руку от мужа. Она почти не ела, и Хармона это почему-то не удивляло. Принцесса обратилась к торговцу несколько раз. Спросила, бывал ли он в Первой Зиме; затем – откуда он родом и как пахнет его родной дом, и на какой цвет похожа его родная земля; после сказала:

– Хармон, когда снова будете здесь, прошу вас, привезите южную птицу!

– Какую именно, ваша светлость?.. – спросил торговец и принялся описывать всех южных птиц, каких знал. Леди Иона прервала его:

– Нет-нет, выберите вы. Привезите мне птицу с южной душой... я уверена, вы почувствуете.

Но вскоре она забыла о его существовании. Взгляд Ионы перескользнул на людей в нижней части зала, после – на что-то за окном, и ее улыбка дала понять, что мысли принцессы уже очень далеко от этой трапезы и этого дома.

Граф Виттор обожал ее – это виделось в каждом его взгляде, брошенном украдкой в сторону жены, в трепетной бережливости, с которой он трогал Иону за локоть, предлагая вино или кушанье. «Тьма всемогущая, сколько же он заплатил за нее?..» – подумал в какой-то миг Хармон и не смог вообразить себе ответ. Наверное, больше, чем стоит иной город со всеми населяющими его барышнями, их мужьями и детьми... Да уж. Если впоследствии кто-то любопытный вроде отца Давида спросит Хармона, отчего тому было неловко на обеде у графа, торговец сможет ответить вполне ясно.

Виттор Шейланд тем временем вновь заговорил с гостем:

– Ваш рыцарь выглядит весьма внушительно. Чувствуется человек умелый и благородный. Не представите ли его мне?

Как раз в это время Джоакин, отмеченный графским вниманием, втолковывал что-то сидящему возле него воину – судя по жестам, давал урок фехтования одноручным мечом. Хармона передернуло.

– Мой человек – не рыцарь, и, боюсь, он недостоин знакомства с вашей милостью.

Граф Виттор улыбнулся:

– Иными словами, он не так скромен, как вы, и не удержит язык за зубами?

– Боюсь, что так, милорд.

– Будьте к нему снисходительны. По мне, болтливые люди не так уж плохи – ты всегда знаешь, чего от них ждать.

– Ваша правда, – согласился Хармон. В глазах белолицего графа мелькнула этакая лукавинка, и торговец добавил: – Да только...

– Что же?

– Я стараюсь помалкивать, ваша милость, но мне думается, вы все равно прекрасно знаете, чего от меня ждать.

Граф Виттор пожал плечами:

– А как еще можно вести дела?

Он отправил в рот последний кусочек десерта и отодвинул тарелку.

– Кстати, о делах. Давайте перейдем к ним, пока вы совсем не истомились в ожидании.

Хармон поднялся из-за стола. Граф также встал и указал на дверь, ведущую в глубь дома.

Прежде чем уйти, осторожно тронул жену за плечо:

– Душенька, меня ждут заботы. Вернусь к тебе скоро.

– О... – сказала леди Иона, неопределенно взмахнув рукой. Ломкое запястье, изящные длинные пальцы – куда там фарфору или слоновой кости!

Джоакин Ив Ханна пировал в общей зале с воинами графа Шейланда, и его мысли были беспокойны. Глупы те, считал Джоакин, для кого застолье – просто повод напиться. Трапеза с незнакомыми людьми – это, прежде всего, возможность. В особенности если тебе довелось оказаться за одним столом с рыцарями. Когда люди сыты и хмельны, они становятся охочи до разговоров, даже самые суровые и молчаливые воины. Говори с ними и слушай их. Узнай о том, что творится в их земле, – не идет ли где какая война, не собирает ли войско сюзерен, не требуются ли ему мечи? Послушай истории и сплетни – среди них бывают такие, которые полезно узнать. Запомни громкие имена: если какой-нибудь рыцарь прославился в боях или выиграл турнир, полезно знать его имя и герб. Если кто проявил себя трусом или подлецом, неплохо запомнить и его – мало ли с кем судьба сведет. Наконец, всегда есть возможность рассмотреть амуницию сотрапезников, расспросить о достоинствах того или другого вида оружия, глядишь, и узнать пару новых приемов. Так что, войдя в трапезную залу и увидев за сто-

лами три дюжины графских воинов, Джоакин исполнился предвкушения настоящей мужской беседы, которой так не хватало ему в обозе торговца. Однако вскоре его мысли обратились к иному предмету.

Предмет звался леди Ионой Софией Джессикой рода Светлой Агаты. Увидев ее, Джоакин быстро понял, что никто другой в этой зале не стоит его мыслей. Милашка Полли, на правах служанки, обедала в кухне вместе с чернью. Пожалуй, это и к лучшему, что здесь ее не было. Да, точно, к лучшему.

Поверх кубка, мимо щетинистой щеки соседа, над блюдом с коричневым поросенком на вертеле, Джоакин то и дело косил взгляд на господский стол. Высокая, тонкая, волосы – вороново перо, глаза – темны, как смола. Леди Иона Ориджин – даже имя ее наполнено благородством! То есть, конечно, теперь – Иона Шейланд... но в мыслях Джоакина никак не липло к ней это туманно-безликое «Шейланд». Иона Ориджин – так правильно. Произносишь мысленно – и возникают в воображении бесчисленные поколения доблестных воинов Севера: тех, что возвели императора на трон во времена Багряной Смуты, тех, что спасали империю от кочевников в Лошадиную войну, тех, что два века держали в покорности и страхе весь запад государства. Взгляд поверх кубка – и видишь хрупкую девушку, изящную, как цветок. И знаешь: она – наследница непобедимых северян, вся стальная мощь Ориджинов стоит за ее плечами! Этот контраст никак не давал Джоакину покоя.

Нет, конечно, чертов торговец прав: не стоит пялиться на нее. Иона – замужняя дама, и граф не потерпит, чтобы на нее пялились. Но ведь, по правде, Джоакин ничего эдакого и не хотел... Не хотел? Нет, не хотел, это точно. Он понимал безнадежность своих мыслей об Ионе. С трудом, но втолковал себе все же, вбил в голову: эта красавица – не для тебя, надеяться нечего.

Ну, а если просто поговорить с нею? Попасть на глаза, отличиться как-то, сделать так, чтобы Иона сама с ним заговорила. Без каких-нибудь дальних планов, ничего такого. Просто услышать ее голос. Просто назвать ей свое имя... А что, если запомнит? Пройдут годы, и на каком-нибудь турнире леди Иона увидит его и узнает, бросит с трибуны цветок...

А что, думал Джоакин дальше, если случится потасовка? Вот сейчас, в трапезной зале. Кто-то ляпнет какую-нибудь пошлость, а он, Джоакин, скажет: «Попридержи язык, когда рядом миледи!» И, конечно, случится поединок. Джоакин покажет себя, а после Иона спросит его имя и скажет: «Вы хорошо сражались, Джоакин Ив Ханна». Это она скажет – дочь герцога Ориджина, выросшая среди кайров, выдавшая сотни поединков на своем веку! «Вы хорошо сражались, Джоакин» – это она мне скажет!

Кто-то из графских воинов заговорил с Джоакином, и он что-то ответил. Воин рассказал какую-то историю, все посмеялись, Джоакин не расслышал ни слова. Другой помянул некоего рыцаря из Поречья, ему перемыли кости, сошлись на мнении, что этот самый рыцарь – скотина, каких мало. Джоакин не запомнил имени. Зашла речь об оружии, кто-то вытащил свой новый меч – похвастаться. Сосед взял поглядеть, встал из-за стола, сделал несколько взмахов, взвесил клинок на пальцах, похвалил баланс. Хозяин меча сказал: еще бы, ведь это – работа такого-то мастера оттуда-то. Джоакин пропустил мимо ушей имя оружейника и название города. Потом зашла речь о драке, что недавно случилась. В ней кому-то оттяпали руку. Рассказчик говорил: безрукий сам виноват, он до крайности скверно парировал рубящие. Спросили: как – скверно? Рассказчик показал. Все согласились: это глупость, нужно – вот так. А еще лучше вот этак, сказал кто-то из рыцарей. Я, сказал он, в Первой Зиме видел, движение вот так идет, получаешь дополнительное преимущество при контратаке. Ну-ка, покажи, попросили его. Он показал, затем повторно. Джоакин не рассмотрел.

Кто-то обратился и к самому Джоакину, спросил: видал ли он какие-нибудь стычки, пока путешествовал с торговцем? Гы-гы, хохотнул кто-то при слове «торговец». Джоакин не обратил внимания на смешок. Он думал: перья в волосах. В черные, как сама тьма, волосы леди

Ионы вплетены яркие перья птиц. Что нужно сделать, чтобы она подарила ему одно из них? Сказала бы: «Возьмите, Джоакин, на память обо мне». Он бы ответил: «Я никогда не забуду вас, Северная принцесса!» Он бы не сказал положенное «миледи», а именно вот так, с вольностью: «Северная принцесса». Тогда она улыбнулась бы ему.

Думая об этом, Джоакин умудрился в то же время пересказать сотрапезникам драку с лесными разбойниками. Он даже показал движение, которым обезоружил противника, однако впечатления на слушателей не произвел. Видимо, из-за мыслей об Ионе не сумел рассказать как следует...

И тут граф Шейланд вместе с Хармоном встали из-за господского стола. Граф наклонился к жене и что-то шепнул, положив руку ей на плечо. Пальцы лорда – Джоакин хорошо разглядел – коснулись голой ключицы леди Ионы. Вот же!.. Затем граф и торговец ушли. А леди Иона осталась – она пила, обхватив кубок обеими ладонями, и мечтательно глядела в окно.

Тогда Джоакин поднялся со скамьи. Он понятия не имел, что намерен делать. Подойти и заговорить с графиней – неслыханная дерзость, вряд ли он может позволить себе такое. Но вот просто пройти перед господским столом, подсунуться под ее взгляд, а там, глядишь, как-то все повернется... Он пошел к помосту, и действительно дело повернулось неожиданным образом. Спустя три шага Джоакин задел ногой меч графского рыцаря – тот самый меч, новехонький, выкованный славным мастером. Клинок грохнул на пол. Хозяин поднял его и сказал Джоакину грубо, но довольно беззлобно:

– Смотри, куда ходули ставишь, купеческий стражник.

Джоакин мог сказать на это: «Простите», – и дело бы кончилось. Или даже ничего не сказать, а просто пойти дальше – и то сошло бы. Но леди Иона повернулась на звук металла о камень и смотрела прямо на Джоакина, и он сказал:

– А ты за языком следи.

Рыцарь в недоумении поднял брови:

– Что же ты хочешь этим сказать? Я тебя вроде и расслышал, но чуть не понял.

– Это потому, – сказал Джоакин, – что ты не только груб, но и пьян.

Рыцарь поднялся со скамьи, а с ним вместе и двое его соседей.

– Ты посмотри, какой нахальный щенок! – сказал рыцарь с неприятным злым задором. –

Проучим его, а?

Джоакин взялся за эфес, чувствуя на себе темноглазый взгляд леди Ионы.

– Я к вашим услугам, сир.

Хозяин нового меча уставился на него:

– Ты, никак, на поединок напрашиваешься? Неужели ты – рыцарь?

– Нет, сир, – процедил Джоакин.

– Тогда какого черта ты думаешь, что я стану пачкать клинок о такую шваль, как ты?

Джоакин опешил:

– Что-что?..

– Не дорос ты, вот что. Поединок с рыцарем – это честь, и ты ее не заслужил. С такими, как ты, иначе поступают. Возьмите-ка его, парни.

Двое графских воинов надвинулись на Джоакина и схватили за руки. Он попробовал отбиваться, пнул одного в бедро, вырвался из хватки второго. Но тут хозяин меча врезал ему кулаком под ребра и вышиб дух. Джоакин согнулся, беспомощно хватая ртом воздух, а трое шейландцев поволокли его вдоль залы. Распахнули дверь, швырнули во двор, на землю, вымощенную булыжниками. Джоакин рванулся, пытаясь подняться и выхватить меч, но рыцарь налетел на него и пнул сапогом в лицо. Подоспели двое остальных. Джоакин скорчился на мостовой, пытаясь защитить руками голову, а трое неторопливо и с удовольствием избивали его. Целили в живот и по ребрам, Джоакин задыхался и стонал, в глазах краснело. От удара в

голень он взвыл. Кто-то припечатал его головой о камни, и Джоакин чуть не лишился сознания. Затем внезапно все кончилось.

– Прекратите! – раздался девичий голос. – Прекратите и убирайтесь прочь!

Воины повиновались и отступили.

– Прочь! – повторила девушка. Судя по звуку шагов, они подчинились приказу.

Джоакин убрал руки от лица. Над ним склонилась леди Иона София Джессика.

– Вам нужна помощь?

Джоакин потрогал языком зубы – вроде на месте. Ощупал ребра – болят, но могло быть и хуже. Обида и унижение ранили намного глубже, но разве с этим лекарь поможет?..

– Не нужна, миледи.

Он попытался встать, перед глазами покраснело и расплылось. Джоакин вновь оказался на земле, у ног леди Ионы.

– Как вас зовут?

Назвать свое имя лежа в грязи – что может быть хуже?! «Я запомню вас, Джоакин, как избитого страдальца». Однако деваться некуда.

– Джоакин Ив Ханна, миледи.

– Зачем вы устроили это, Джоакин Ив Ханна?

– Простите, миледи?..

– Зачем вы начали драку? – Леди Иона укоризненно покачала головой. – Вы хотели меня впечатлить? Это скверно, этого не нужно. Такого я навидалась вдоволь в Первой Зиме. Вовсе не забавно и не радостно, когда люди рубят друг друга. Неужели думаете, что забавно?

– Нет, миледи.

– Вас могли убить. С тех пор, как покинула Ориджин, я не видела ни одной смерти. Я радуюсь этому. Ваша гибель меня очень огорчила бы.

– Простите, миледи.

– Мой добрый брат никогда не обнажал клинка в мою честь, и я так благодарна ему за это!..

Глаза Ионы на миг сделались печальными. Затем она провела ладонями по лицу Джоакина, взяла за подбородок, надавила на скулы. Нечто было в этом от тех движений, при помощи которых конюх осматривает зубы лошади.

– Ваши челюсти целы, хорошо. Запомните, Джоакин Ив Ханна: никогда не устраивайте поединков ради девушки. Быть причиной смерти – весьма неприятное чувство. Возможно, оно незнакомо вам. Поверьте на слово.

Затем леди Иона поднялась и ушла. Джоакин думал до этого: ничто не может быть хуже, чем валяться униженным в ногах у прекрасной дамы. Теперь убедился: есть кое-что похуже. Когда девушка равнодушно уходит, оставив тебя лежать на булыжниках.

Горечь и обида переполнили его. Своей снисходительной укоризной, а пуще того – безразличием, леди Иона подчеркнула бескрайнюю пропасть между собой и Джоакином. Хуже всего, что она проделала это совершенно естественно. Графиня не пыталась казаться выше Джоакина – она была выше него и знала это так же верно, как собственное имя. С липкой досадой в животе молодой воин понял, что Иона не запомнит его даже как избитого страдальца. Он вылетел из головы принцессы, едва та отвернулась. Он слишком зауряден, чтобы занять в ее мыслях хоть какое-то, самое крохотное место. Джоакин не смог простить Ионе ее превосходства.

Он поставил за цель не думать о ней и спустя недолгое время достиг успеха. Он обладал дивной и ценной способностью: быстро выбрасывать из головы любую память о своих унижениях.

Когда вечером Полли спросила, как же ему понравилась Северная принцесса, Джоакин ответил:

– Ее происхождение не позволяет мне сказать о ней плохо.

Полли улыбнулась – видимо, от этих слов она подумала, что леди Иона уродлива. Вечером и утром, и следующим вечером Полли готовила ему припарки и ласково поглаживала синяки, прежде чем приложить к ним влажную тряпицу.

Граф Виттор Шейланд ввел Хармона Паулу в свой кабинет, усадил в кресло, а сам расположился по другую сторону стола. Некоторое время он внимательно рассматривал гостя – так, словно увидал его впервые. Хармон не отвел взгляда. Белая кожа графа и каштановые вьющиеся волосы были словно маской: эти яркие приметы приковывали к себе внимание и не давали различить остальное. Сейчас торговец всмотрелся в лицо феодала и сумел увидеть больше. Тонкая верхняя губа, слегка поддернутая, склонная к иронической усмешке; открытые честные глаза, но с лукавыми морщинками в уголках. Граф умен и привык видеть людей насквозь. Привык управлять ими не с холодной надменностью первородного, а с веселым огоньком в глазах, с очаровательной добродушной улыбкой. Хармон и сам умел заглядывать в человеческое нутро и, если надо, запускать туда руки. Так что же, кто кого?..

– Скажите, Хармон, – прервал молчание граф, – со слов моего верного Гарольда я понял так, что вы давно в своем деле?

– Без малого двадцать лет, ваша милость.

– И путешествуете разными дорогами, бываете во всех концах Полари?

– Не во всех, милорд. Есть маршрут, к которому я привык. Им и путешествую.

– Из года в год?

– Верно.

Щупает меня, без труда понял Хармон. Хочет выяснить, из чего я скроен, чем дышу. На такие вопросы отвечать легко: нужно быстро, уверенно, и при этом – не глупо, говорить чуть больше, чем ожидают услышать.

– И я не ошибусь, если скажу, что выбранный вами маршрут – как раз тот, что приносит наилучшую прибыль?

– Не ошибетесь, милорд. Но дело не только в прибыли.

– В чем же еще?

– Раз в четыре-пять месяцев я проезжаю одни и те же замки, города. В них живут люди, что издавна знают меня, а я знаю их. Знаю, что предложить им, часто они и сами просят, заказы делают.

– Имена ваших покупателей – не секрет?

– Нет, ваша милость. – Хармон назвал нескольких баронов и знатных мещан.

– Эти люди уважают вас?

– Они так говорят.

Пустое бахвальство – ни к чему. Уверенность часто скромна.

– Говорят, что уважают? Есть причины сомневаться в их словах?

– Полагаю, милорд, больше, чем меня, они уважают постоянство. Раз за разом к ним приезжает один и тот же купец, привозит нужные товары, просит постоянную цену... – Вверни пример из жизни, граф и сам примеры любит. – Вот, допустим, семья излучинского бургомистра в Северной Короне. Там четыре девочки, зимою они мерзнут и пьют много горячего чая. Я привожу им в октябре шесть фунтов, к марту весь чай выходит, а тут как раз снова Хармон-торговец с пополнением. В позапрошлом октябре бургомистр решил сэкономить и купил лишь пять фунтов. Я не настаивал: покупатели не любят, когда давишь. Прибыл в марте – девочки чуть мне на шею не бросились, а отец говорит: «Чай, что вы осенью привезли, давно вышел! Отчего же вы нас так подводите, любезный Хармон? Мы уж думали сами отправиться на закупки – да оказалось, понятия не имеем, откуда этот чай приходит! Ведь мы уже семь лет как с вами...» Купил на этот раз с запасом и не торговался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.